

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Герман Фадеевич
Блюменфельд

КРУГОВАЯ ПОРУКА

у

СЛАВЯНЪ

ПО ДРЕВНИМЪ ПАМЯТНИКАМЪ ИХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

И. М. СОВѢСТІАНСКАГО,
Приватъ-Доцента Императорскаго Харьковскаго Университета.

2-е изданіе, исправленное и дополненное.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія М. Ф. Зильберберга, Рыбная ул., д. № 25-й.
1888.

RUS
S...

1728

~~~~~  
На основаніи постановленія Юридическаго Факультета 18-го Февраля 1888 года и согласно ст. 27 § 1 п. 4 и ст. 41 § 1 п. 4 печатать разрѣшается.

Ректоръ Университета *Ив. Щелковъ*.

7-го Апрѣля 1888 года.  
~~~~~

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Введеніе	1
Взгляды разныхъ славянскихъ ученыхъ на институтъ круговой поруки у древнихъ славянъ.....	49
О круговой поруки первобытныхъ обществъ вообще	60
О круговой поруки у древнихъ славянъ.....	73
Ссылки, примѣчанія и дополненія	133

ВВЕДЕНИЕ

Въ нашей ученой литературѣ давно уже была высказана мысль о необходимости изученія древняго русскаго права въ связи съ другими славянскими законодательствами. Не взирая на отдѣльные голоса, раздававшіеся противъ сравнительнаго метода ¹⁾, большинство ученыхъ возлагало большія надежды на совмѣстное изученіе славянскихъ законодательствъ, полагая, что оно должно способствовать выясненію многихъ темныхъ вопросовъ древне-русскаго права. Къ сожалѣнію, ближайшее знакомство съ сочиненіями, посвященными изученію славянскихъ правъ, приводитъ насъ къ заключенію, что обращеніе къ нимъ, при разработкѣ исторіи русскаго права, можетъ принести больше вреда, нежели пользы. Труды Палацкаго, Иванишева, Мацѣйовскаго, Иречка, Леонтовича, Шпилевскаго построены на весьма шаткихъ основаніяхъ и потому ими слѣдуетъ пользоваться съ крайнею осторожностью. Не подлежитъ сомнѣнію, что сравнительная разработка средневѣковыхъ памятниковъ славянскаго законодательства можетъ бросить свѣтъ на множество спорныхъ вопросовъ древняго русскаго права, но лишь при соблюденіи трехъ весьма существенныхъ условій. Во 1-хъ пользоваться слѣдуетъ только такими источниками, историческая достовѣрность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію; всѣ же подложные документы должны быть разъ навсегда исключены изъ круга изслѣдованій. Во 2-хъ—достовѣрные памятники должны предварительно подвергнуться филологической разработкѣ. Прежде чѣмъ говорить о какомъ-нибудь древ-

1

немъ институтъ, необходимо правильно понять и истолковать содержаніе постановленій, касающихся его. Ученымъ—юристамъ, игнорирующимъ при толкованіи древнихъ памятниковъ требованія грамматики и лексикона, постоянно угрожаетъ опасность принятія одной части рѣчи за другую,—предлоговъ за существительныя, нарѣчій за глаголы,—результатомъ чего является искаженіе настоящаго смысла статей. Наконецъ, приступая къ сравнительному изученію какого-нибудь древняго института, мы должны быть свободны отъ всякихъ предвзятыхъ идей, порождаемыхъ чувствомъ національнаго самолюбія, въ родѣ, напримѣръ, противоположности и превосходства древняго славянскаго права надъ германскимъ; особенной мягкости славянскаго права; существованія у славянъ особенныхъ институтовъ, не встрѣчающихся у другихъ народовъ и т. д. Всѣ эти положенія чисто апіористическаго происхожденія и не выдерживаютъ критики.

Если мы обратимся съ такими требованіями къ сочиненіямъ вышеупомянутыхъ писателей, то увидимъ, что онѣ не удовлетворяютъ то одному, то другому изъ нихъ. Начнемъ съ перваго требованія—подлинности историческихъ документовъ. Въ числѣ памятниковъ древняго славянскаго права, на которые ссылается большинство вышеупомянутыхъ писателей на первомъ планѣ стоитъ знаменитый «Судъ Любуши», служившій, вмѣстѣ съ Краледворской рукописью, предметомъ національной гордости чеховъ. Въ настоящее время подложность обоихъ этихъ памятниковъ окончательно доказана извѣстнымъ чешскимъ филологомъ Яномъ Гебауэромъ³⁾. Раньше Гебауэра противъ подлинности Суда Любуши высказались: знаменитый Добровскій, назвавшій это произведеніе при самомъ уже его появленіи въ свѣтъ (открытъ Судъ Любуши въ 1818 г., опубликованъ въ 1822 г.) фальсификатомъ; затѣмъ Копитаръ, Миклосичъ (молчаніемъ отрицавшій его), Ягичъ, Шембера, Ламанскій, Макушевъ, Петрушевичъ и др.

Поддѣлка Суда Любуши, равно какъ и цѣлаго ряда памятниковъ чешской старины, находить себѣ нѣкоторое оправданіе въ тѣхъ побужденіяхъ, подѣ влияніемъ которыхъ чешскіе ученые рѣшились прибѣгнуть къ научному обману. Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о спасеніи національной самобытности, допускаются обыкновенно такіа мѣры, которыя въ обыденной жизни считались бы нарушеніемъ основныхъ началъ нравственности. Послѣ битвы у Бѣлой горы (1620) чешская исторія представляетъ намъ печальную картину постепеннаго паденія національной самобытности. Высшіе классы совершенно онѣмечились, а въ правленіе Іосифа II германизация стала угрожать и низшимъ. Но насильственные мѣры Іосифа вызвали всеобщую реакцію дремавшихъ національностей, въ томъ числѣ и чешской. Реакція эта раньше всего проявилась въ области научной. «Первые дѣятельные воскресители чешской народности были ученые историки, труды которыхъ внушали соотечественникамъ любовь къ родинѣ и среди иноземцевъ указывали и защищали ея историческое право... Старое литературное преданіе было такъ заброшено, такъ преслѣдуемо, что можно было считать, что его совсѣмъ не было. Надо было возобновить преданіе и историческіе труды явились необходимою» (Пыпинъ II, 919—920). Такъ какъ сохранившіеся въ незначительномъ количествѣ памятники чешской старины не представляли ничего оригинальнаго и замѣчательнаго, то чешскіе ученые и принялись за розыскиваніе древнихъ національных сокровищъ. Труды ихъ увѣнчались успѣхомъ и начиная съ 1816 г. найденъ былъ цѣлый рядъ замѣчательныхъ памятниковъ. (Пѣсня подѣ Вышеградомъ въ 1816 г., Краледворская рукопись въ 1817; Зеленогорская рукопись (Судъ Любуши) въ 1818; Любовная пѣсня короля Вацлава 1-го въ 1819; чешскія глоссы словаря *Mater verborum* въ 1827; Згорѣльскіе отрывки въ 1828; пророчества Любуши въ 1849).

Подложность большей части этих памятниковъ въ наше время окончательно выяснена. Что касается въ частности Суда Любуши, то главнымъ поддѣльвателемъ его сами чешскіе ученые—Шембера³⁾, Вапекъ⁴⁾ и Гебауэръ признаютъ Вацлава Ганку. Не говоря уже объ исторіи открытія этого памятника (таинственная присылка по почтѣ отъ неизвѣстнаго патріота), которая должна была внушить сильныя подозрѣнія, но самое содержаніе и въ особенности мнимо-архаическій языкъ Суда Любуши не оставляютъ сомнѣній въ его подложности.

Поддѣльные памятники чешской старины, давая богатую пищу для національной гордости и самосознанія, въ свое время оказали важную услугу въ дѣлѣ возрожденія чешской національности. Но наукѣ теперь приходится расплачиваться дорогой цѣной за эту „*ria graus*“. Необходимо выбросить и забыть весьма многое, что было написано учеными о славянскихъ древностяхъ вообще и въ частности о древнемъ славянскомъ правѣ. Большинство писателей, занимавшихся послѣднимъ предметомъ, воспроизводило древнѣйшій юридическій бытъ славянъ главнымъ образомъ на основаніи Любушина Суда, время составленія котораго относили къ IX столѣтію. На немъ построена теорія задружнаго быта древнихъ славянъ Герменегильда Иречка въ его сочиненіи „*Slovanské pravo v Čechách a na Moravě*“⁵⁾; Судъ Любуши лежитъ далѣе въ основаніи перваго выпуска исторіи русскаго права Леонтовича; его постоянно цитируютъ Мацѣйовскій, Шпилевскій и др. Извѣстное четверостипіе Суда Любуши:

„Nechvalno nám v Němcech iskati pravdu,
U nás pravda po zákonu svatu
Juže prinesechu, otcí naši
V seže (žirne vlasti pres tri řeky),

въ которомъ такъ рѣзко заявляется національное противоположеніе славянства германству и которое свидѣтельствовало, что славяне въ глубокой древности имѣли свое право, отлич-

ное отъ германскаго, сдѣлалось исходной точкой сочиненій, посвященныхъ изученію древняго юридическаго быта славянъ. Чешскіе ученые, а вслѣдъ за ними и другіе слависты, объявляютъ, что древнее германское и славянское законодательства представляютъ двѣ противоположныя системы, при чемъ отличительная черта „германизма“ — это эгоизмъ и жестокость, между тѣмъ какъ „славянизмъ“ отличается мягкостью и человѣколюбіемъ. Такая противоположность явилась результатомъ особенныхъ врожденныхъ свойствъ характера германской и славянской расы⁶⁾. Изъ русскихъ ученыхъ особенно Иванишевъ, изучавшій славянскія законодательства подъ руководствомъ Ганки, старался придать древне-славянскому праву особый національный отпечатокъ и противопоставить его системѣ древне-германскаго права. Его сочиненіе „О платѣ за убійство у древнихъ славянъ и германцевъ“ въ свое время имѣло большой успѣхъ. Многіе ученые и теперь вѣрятъ выводамъ Иванишева. Такъ напр., даже такой осторожный изслѣдователь, какъ Владимірскій-Будановъ въ недавно вышедшемъ „Обзорѣ исторіи русскаго права“ повторяетъ вслѣдъ за Иванишевымъ, не провѣривъ вѣроятно источниковъ, будто древнія славянскія законодательства, за исключеніемъ русскаго, не допускаютъ общественныхъ различій въ уголовномъ правѣ (Вып. II, 13—14). Мнѣніе это, подобно всѣмъ выводамъ Иванишева, не выдерживаетъ критики. Мы остановимся здѣсь нѣсколько подробнѣе на разборѣ вышеупомянутаго сочиненія Иванишева, которое внесло такую путаницу въ исторію славянскихъ законодательствъ. Вліяніе Ганки усматривается въ немъ на каждой страницѣ. Главная цѣль сочиненія — доказать, что „славянизмъ, сохранившійся въ наибольшей чистотѣ въ древнемъ чешскомъ и моравскомъ законодательствахъ, прямо противоположенъ германизму“. „Для того чтобы свести двѣ противоположныя системы права, говоритъ Иванишевъ въ предисловіи, показать ихъ отличіе и результатъ, выведенный изъ такого изслѣдованія, употребить для объясненія

древняго русскаго права, я выбралъ плату за убійство, какъ понятіе, которое составляло главный предметъ древнихъ законодательствъ, развиваясь изъ внутренней жизни народа и цѣлые вѣки сопровождало существованіе государствъ, отъ ихъ первоначальнаго образованія до зрѣлаго возраста“.

Въ чемъ же, спрашивается, выражается эта противоположность между древне-германскими и славянскими законодательствами?

Во 1-хъ, она проявляется, по мнѣнію Иванишева, уже въ самомъ характерѣ института мести. „У славянъ месть имѣетъ основаніемъ религіозное чувство; въ германскихъ же законахъ, напротивъ, месть имѣетъ основаніемъ частное удовлетвореніе и наказаніе за нарушеніе закона. Въ древнѣйшихъ памятникахъ богемскаго права, говоритъ Иванишевъ, месть является не средствомъ къ удовлетворенію за обиду и не дикимъ инстинктомъ, побуждающимъ платить зломъ за зло (какъ это было у германскихъ народовъ); но она является религіозною обязанностью, исполненіе которой необходимо для спокойствія и блаженства души убитаго“ (31, 34). Такой же характеръ мести имѣла и у остальныхъ славянскихъ племенъ.

Доказательства, приводимыя Иванишевымъ въ подтвержденіе своихъ словъ, заключаются въ слѣдующемъ: относительно древне-германскаго права онъ ограничивается замѣчаніемъ, что „у народовъ, которыхъ высшія способности духа подавлены дикою чувственностью, идея правосудія свѣтитъ тускло въ жизни общественной. Она является темнымъ чувствомъ, можно сказать инстинктомъ. Такого рода инстинкътъ является преимущественно въ неопреодолимомъ желаніи мстить за причиненную обиду. Право мести у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени образованія, есть вѣчно живая идея правосудія, принявшая грубую форму мести“. (4—5). Но, конечно, такъ какъ древніе славяне никогда не были грубымъ чувственнымъ народомъ, подобно германцамъ, то и месть у нихъ вызываема была „не грубымъ инстинктомъ,

требующимъ крови за кровь, не желаніемъ получить удовлетвореніе за причиненный вредъ, а заботой о спасеніи души убитаго родственника“. Это видно во 1-хъ изъ словъ Маврикія, который, описывая гостепріимство славянъ, говоритъ, что „они даютъ чужеземцамъ проводниковъ. Если, не смотря на эту предосторожность, чужеземецъ претерпѣвалъ вредъ, то проводникъ долженъ былъ выдержать войну отъ своихъ сосѣдей, которые считали благочестивымъ дѣломъ мстить за чужеземца“ (31, 34).

Приведенныя слова Маврикія слишкомъ неопредѣленны (въ чемъ сознается и самъ Иванишевъ) и какое бы толкованіе имъ не давать, ихъ нельзя приводить въ подтвержденіе того, что будто „у древнихъ славянъ месть за убійство родственника носила исключительно религіозный характеръ, являясь религіозною обязанностью, исполненіе которой было необходимо для спокойствія души убитаго“.

Второе доказательство религіознаго характера мести—это обрядъ покоры (смиренія), предшествовавшій формальному примиренію между враждующими и теперь еще практикующійся у черногорцевъ, албанцевъ и у нѣкоторыхъ изъ горцевъ Кавказа ⁷⁾. Въ Товачковской книгѣ (XV ст.) мы находимъ слѣдующія подробности этого интереснаго обряда: виновникъ долженъ былъ идти на покору босымъ, безъ пояса; придя на могилу убитаго, онъ ложился на нее крестомъ. Въ это время ближайшій родственникъ убитаго опускалъ мечъ внизъ между его плечами и три раза его спрашивалъ: „такъ ли я властенъ въ твоей жизни, какъ ты былъ властенъ надъ моимъ братомъ“? Убійца отвѣчалъ: „да, но прошу тебя оживить меня“. Тогда мститель говорилъ: „оживляю тебя для Господа Бога“ и прощалъ такимъ образомъ вину убійцы. Затѣмъ убійца долженъ былъ вознаградить родственниковъ убитаго и оказывать въ продолженіе всей жизни всяческія личныя услуги.

Изъ другихъ славянскихъ законодательствъ объ обрядѣ покоры говоритъ подробно еще и древнее мазовецкое право. Въ немъ прямо сказано, что обрядъ этотъ исполнялся для прекращенія враждебныхъ отношеній (dla zgladzenia nieprzyjazni) и онъ избавлялъ убійцу отъ смерти только въ такомъ случаѣ, если послѣдній былъ въ состоянii уплатить за убитаго извѣстное денежное вознагражденіе; въ противномъ случаѣ преступникъ отвѣчалъ собственной головой:

„Si miles interfecerit nobilem, debet solvere pro ipso quinquaginta sexagenas minus duabus et veniam facere; scilicet vestimenta sua usque ad cingulum dimittens, et sic denudatus cum nudo gladio mettredecimus, ut praemisum est, debet petere propter Deum, ut sibi indulgeret: et tunc (iile dolens) offensam dimittere debet. Si vero nihil habuerit, quo hujus modi caput solvat, extunc collo persolvat proprio. Si vero amici ipsius de peremptione sua dolerent, extunc ipsum redimere possunt“ (Helcel, I, 287).

Изъ того обстоятельства, что обрядъ покоры совершался надъ могилою убитаго, что мирящіяся стороны призывали имя Бога и молились „за душу убитаго“, вовсе не слѣдуетъ, что месть у славянъ имѣла основаніемъ исключительно религіозное чувство—заботу о спасеніи души убитаго. Мы не отрицаемъ того, что у древнихъ славянъ, какъ и у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, страхъ передъ умершими и почитаніе мертвыхъ должны были оказывать вліяніе на осуществленіе мести за убитыхъ родственниковъ. Мы утверждаемъ только, что месть у славянъ была такимъ же „средствомъ къ удовлетворенію за обиду и дикимъ инстинктомъ, побуждающимъ платить зломъ за зло, какъ и у германцевъ и вообще у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія. Уже самое существованіе у славянъ какъ и у германцевъ платы за убійство, замѣнившей месть, указываетъ что какъ тѣ такъ и другіе, смотрѣли на убійство какъ на извѣстный матеріальный ущербъ и мстили, „желая получить также удовлетвореніе за причиненный вредъ. Даже обрядъ

покоры не избавлялъ убійцу отъ смерти, если онъ не былъ въ состояніи заплатить за голову⁸⁾.

Въ недавно появившемся сочиненіи „Die Blutrache bei den Slaven“ извѣстный славистъ Миклосичъ постоянно проводитъ параллель между мстью у древнихъ славянъ и германцевъ, исходя изъ того положенія, что такой универсальный институтъ основанъ на общихъ свойствахъ человѣческой природы. Говоря о чешской покорѣ, тотъ же ученый замѣчаетъ, что „она имѣетъ большое сходство съ тѣми порядками, которые практиковались въ средней и южной Германіи въ XIII и XIV столѣтіяхъ“ (72). Еще Гриммъ въ 1828 г. указывалъ на существованіе въ германскомъ правѣ обряда символической смерти: *Et qui interfecerat patrem, filium, fratrem vel propinquum ibat cum corrigio in collo ad eum, cui talem injuriam fecerat.... Abjecta veste, pedibus nudis, exertos super cervices gladios ferentes etc.* (182—186). Но гораздо болѣе интересные факты приводитъ Пуллэ (Poullet) изъ XV в. (182—186)⁹⁾. „Многочисленные акты примиренія, говоритъ онъ, которые мы просматривали, всѣ отличаются глубокимъ религіознымъ чувствомъ, особенно заботой о духовныхъ интересахъ жертвы преступленія, желаніемъ увѣковѣчить ея память. Почти всѣ начинаются возложеніемъ на семью виновника обязанности воздвигнуть крестъ изъ дерева или камня съ именемъ усопшаго на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было совершено преступленіе“ (182).

Если даже допустить, что обрядъ покоры указываетъ на религіозный характеръ мести, то констатированіе факта, что германскимъ законодательствамъ былъ извѣстенъ такой же обрядъ, опровергаетъ мнѣніе Иванишева о „противоположности характера института мести у древнихъ славянъ и германцевъ“.

Покончивъ съ мстью, переходимъ къ платѣ за убійство. Здѣсь именно, по мнѣнію Иванишева, выступаетъ со всею силой разница между древне-славянскимъ и германскимъ пра-

вами, при чемъ всѣ особенности славянизма сохранились въ наибольшей чистотѣ въ древнемъ богемскомъ и моравскомъ законодательствахъ ¹⁰⁾. Эти особенности славянизма въ древнемъ чешскомъ правѣ выразились въ томъ, что „плата за голову никогда не принадлежала государству, ни въ цѣлости, ни по частямъ. Она вся поступаетъ мстителю, какъ гражданское удовлетвореніе за вредъ и слѣдовательно нисколько не имѣетъ уголовного характера, какъ въ германской вирѣ“ (56).

Но древніе памятники чешскаго законодательства, которые были извѣстны Иванишеву (такъ какъ онъ ссылается на страницѣ 42-й на нихъ) говорятъ противное. Одинъ изъ самыхъ важныхъ памятниковъ чешской старины — „Jus Congadi (statuta ducis Ottonis 1229—1237) въ статьѣ 17 постановляетъ:

„Quicumque nobilis vel rusticus occiderit aliquem, ss. denarios solvat curiae et alias recedat et quaerat gratiam“ (Иречекъ, Сводъ слав. зак. 490).

Затѣмъ, если мы обратимся къ другимъ славянскимъ законодательствамъ, то увидимъ, что и онѣ не подтверждаютъ мнѣнія Иванишева. Въ русскомъ правѣ существовалъ даже особенный терминъ для уголовного штрафа, шедшаго въ пользу князя,—вира; между тѣмъ какъ частное вознагражденіе носило названіе головничества. Высота виры была точно опредѣлена, а именно: за убійство свободного человека 40 гривенъ, за лицъ привилегированныхъ 80 гривенъ (См. Русск. Правду, спис. Троицкій, ст. 1, 3, 4, Лаврент. лѣт. 996 г.).

Древнія польскія грамоты также говорятъ о княжескихъ штрафахъ—„poenae ducales, poenae ducatus, poena homicidii. 1288: a pena hujusmodi homicidii sive ducatus nostri, sive cujuscun que honorati... absolvimus. 1288: a penis ducalibus, ac omnium et singulorum dignitariorum nostrorum liberamus“. (Hube, I, 158).

О княжескихъ штрафахъ за убійство упоминаетъ подробно и сборникъ польскаго обычнаго права XIII столѣтія въ параграфѣ 15-мъ (Helcel, II, 22).

Полицкій статутъ, говоря вообще о денежныхъ взысканіяхъ, постановляетъ, что половина всякаго штрафа идетъ сторонѣ, а другая судьямъ, разсматривавшимъ дѣло:

Ст. 153: *Jsvakoga osuda gre po strani, a druga po onim sudcem, ki to-j budu sudili Akoje o knezu, tada knezui sudcem; ako lisu sudci rotnici, tada nim; ako li je prid zborom, tada obcini.* (Иречекъ, Сводъ слав. зак. 425).

Половина всякой пени идетъ въ пользу стороны, а другая половина тѣмъ судьямъ, которые судятъ. Если судить князь, тогда половина князю и судьямъ, (при помощи которыхъ онъ судить); если присяжные судьи, тогда имъ; если передъ собраніемъ, тогда общинѣ.

Въ Винодолскомъ законѣ мы находимъ слѣдующія постановленія о княжескихъ штрафахъ:

Ст. 29: *Jošce, ako bi ki ubil od podknežinov ili od slug od obiteli kučne gdna. kneza, od permanov, ter bi ušal i ne mogal se jeti: da knez vazme vražbu toje zagovor vrnezi kakov i kolik bude otil svrh plemene zlotvorca.* (Иречекъ, Сводъ зак. 393).

Если бы кто убилъ кого изъ числа подкнежиновъ или слугъ домашнихъ, принадлежащихъ княжескому двору, изъ прамановъ, и убѣждалъ бы такъ, что нельзя было бы поймать его: князь имѣетъ право взять вражду, т. е. пеню деньгами какими и сколько угодно съ родственниковъ злодѣя.

Ст. 31: *Ošce ako bi ki ubil nikoga kmeta ili od roda kmet... vpadi v osud libar 100 bližikam, onoga grada, ki je ubien, obcini libri 2* (Сводъ сл. зак. 393—394).

Если бы кто убилъ какого крестьянина или челоуѣка, принадлежащаго крестьянскому состоянію, онъ подпадаетъ подъ пеню 100 либръ родственникамъ и двѣ либры общинѣ.

Сербскій законникъ Стефана Душана также говоритъ о денежныхъ штрафахъ за убійство, шедшихъ въ пользу царя, въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ:

Ст. 86: Кто нѣсть пришль нахвалицомъ по силѣ, и сѣтворилъ убійство, да платитъ 300 перперъ. (Сводъ сл. зак. 319).

Кто не пришелъ намѣренно съ насиліемъ и сотворилъ убійство, да платитъ 300 перперовъ.

Ст. 94. Ако убіе властѣлинъ себра у граду, или у жупѣ, или у катуну: да плати тысущу перперъ. Аще ли себрь властѣлина убіе да му се обѣ руцѣ отсѣку и да плати 300 перперъ. (Сводъ сл. зак. 289).

Если властелинъ убьетъ себра въ городѣ или въ жупѣ или въ катунѣ, да платитъ 1000 перперовъ; если же себрь убьетъ властелина, то отрубить ему обѣ руки и заплатить 300 перперовъ.

И такъ, слѣдовательно, у славянъ, какъ и у германцевъ, кромѣ частнаго вознагражденія родственникамъ убитаго, виновный долженъ былъ заплатить извѣстный денежный штрафъ въ пользу представителя общественной власти. Наша древняя лѣтопись указываетъ намъ, что именно такого рода денежные штрафы составляли одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ княжескихъ доходовъ (... Володимеръ же отвергъ виры, и нача казнити разбойники, и рѣша епископы и старци: „ратъ многа; а еже вира, то на конихъ и на оружьи буди“. И рече Володимеръ: „да тако буди“. Лавр. лѣт. 996 г.).

Второе отличіе древне-славянскаго права отъ германскаго, по словамъ Иванишева, заключается въ томъ, что количество платы за голову не было опредѣлено законами въ видѣ таксы, какъ у германцевъ, но истецъ каждый разъ назначалъ самъ цѣну головы и вредъ происшедшій отъ убійства. Впрочемъ въ позднѣйшемъ богемскомъ законодательствѣ оговаривается Иванишевъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ законъ опредѣляетъ плату за убійство (57).

Если мы оставимъ въ сторонѣ денежный штрафъ въ пользу княжеской власти, который назначался или по усмотрѣнію князя или напередъ былъ опредѣленъ закономъ, и обратимся къ частному вознагражденію, то найдемъ, что въ нѣкоторыхъ славянскихъ законодательствахъ величина его также была напередъ регулирована. Такъ сборникъ польскаго обычнаго права XIII в. постановляетъ, что за убійство рыцаря, гостя или купца на большой или проселочной дорогѣ, родственники получаютъ 50 гривенъ вознагражденія; за убійство крестьянина 30 гривенъ:

Jst daz man mordet, eynen gast uf der lant strose, zo bessert her den toten mit vumfczig mark, dy nemen des toten frunt... slet abir ymant eyn koufman odir eyn ritter, den gildet her mit vumfczig mark den frunden.

Slet abir ymant eynem gebuer uf der landstrose, den gildet man mit XXX marken.

Uf dem dorfwege, der von eynem dorfe zcu dem anderen geet, wirt do eyn ritter adir eyn rittermeszig man zcu tode irslagen, den gildet man mit vumfczig marken den vrunden... Wird abir eyn gebuer totgeslagen... den gildet man mit XXX marken (Helcel, II 22—23).

Въ древнемъ мазовецкомъ правѣ также встрѣчаемъ опредѣленную таксу за убійство:

J tem, quandocumque aliquis nobilis fuerit interfectus, quadraginta octo sexagenas grossorum pro capite reus solvet. Cum vero miles communis interfectus fuerit, qui non est nobilis, sed habet jus militare, pro ejus capite vigint isexagenae solvi debent. (Helcel, I, 286. Ср. Hube I, 159—161, 176; II, 134—135).

Хорватскому праву тоже извѣстна была такса, что видно изъ приведенной выше 31-й статьи Винодольскаго закона. Упомянутыя въ ней 100 либръ, шедшія въ пользу родственниковъ убитаго, дѣлились пополамъ между его дѣтьми и остальными родственниками (родомъ):

Od tih libar 100 imaju imiti ditca ubienoga, ako ima ditcu, polovicu, a drugi pol nega bližiki.

Половину этой сотни либръ должны получить дѣти убитого, если у него есть дѣти, другую же половину его родственники.

Ст. 55 Полицкаго статута гласить:

Gdilibi bila mrtva krv, hoce zakon stari, da je tomu-j cina libar 240 (Сводъ сл. зак. 409).

Если бы случилась мертвая кровь (убійство), то по старому закону она цѣнится въ 240 либръ.

Наконецъ въ литовскомъ правѣ размѣръ вознагражденія родственникамъ убитого былъ опредѣленъ закономъ:

И тежъ уставуемъ, читаемъ мы въ Литовскомъ статутѣ 1529 г., естли бы шляхтичъ шляхтича забилъ у сваде або которою пригодою, тогда маєтъ платити за головщину сто копъ грошей кровнымъ, а господару другую сто копъ до скарбу грошей (Розд. VII, ст. 28. Сводъ слав. зак. 184) ¹¹⁾.

Далѣе Иванишевъ утверждаетъ, что въ славянскихъ законодательствахъ, въ противоположность германскимъ, величина платы за голову не соразмѣрялась съ общественнымъ положеніемъ убитого. Владимірскій — Будановъ обобщаетъ эту мысль Иванишева, говоря, что вообще въ уголовномъ правѣ славянскія законодательства не допускаютъ общественныхъ различій, въ противоположность германскимъ. Исключеніе составляетъ только древнерусское право, имѣющее въ этомъ отношеніи наружное (?) сходство съ германскими законодательствами. Но въ германскихъ законодательствахъ различаются, по словамъ Владимірскаго — Буданова, родовыя неравенства (по происхожденію); въ русскомъ же — служебно-общественныя (Обзоръ Исторіи русск. права, II, 13—14).

Говоря откровенно, мы не понимаемъ, что разумѣтъ авторъ подъ словами „наружное сходство“. Статьи Русской Правды объ убійствѣ княжихъ мужей, по нашему мнѣнію, вполне аналогичны съ постановленіями древняго германска-

го права о лишеніи жизни антрустіоновъ. Жизнь тѣхъ и другихъ ограждена была высшею вирой (въ русскомъ правѣ двойной, въ германскомъ—тройной) только по той причинѣ, что они были „*homines regii*, князіе мужи“, а вовсе не вслѣдствіе знатности ихъ происхожденія. Такимъ образомъ служебно-общественныя неравенства, о которыхъ говоритъ Владимірскій-Будановъ, вовсе не составляли исключительной принадлежности древняго русскаго права, а извѣстны были и германскому законодательству. (Ср. Русск. Правду, сп. Троицк. ст. 1, 3, и *Lex Salica* tit X L IV, L VII, *Lex Ripuar.* tit. IX, XI. См. также—J. Grimm, I; 269, Wilda, 263, 418; Schaeffner, I, 319, Waitz, *Das alte Recht der salisch. Franken*, 104—105).

Что касается теперь другихъ славянскихъ законодательствъ, то уголовное ихъ право допускало не только служебно-общественныя, но и родовыя различія, что можно усмотрѣть изъ цѣлаго ряда предлагаемыхъ здѣсь статей древне-славянскаго права.

Винодольскій законъ:

Ст. 25: Осе од bienje ranenje i od stučenje meju kmeti nij' band nego soldini 40, kékrivac ima platiti knezu, a onomu, ki bude bijen, 2 brava, ter likarju; a to takoje od satnika i graščika i busovica, kivsi jesut pod zakon i pod pravdu kmetsku, a ne od slučabniki, i po zakonu kmetskomu sudet se, i nim je za uraženje zadovole učipeno (Сводъ слав. зак. 393).

Отъ драки, ранъ и побоевъ между кметами не полагается пеня свыше 40 сольдиновъ, которые виновный долженъ платить князю; побитому же—два барана и лѣкарство. Такому же наказанію въ этомъ случаѣ подлежитъ сотникъ, грашчичъ и бусовичъ (чиновники общины), которые въ этихъ преступленіяхъ имѣютъ одинъ законъ съ кметами (крестьянами), а не съ княжескими чиновниками; ихъ судятъ по кметскому закону и имъ достается удовлетвореніе только за поврежденія

Ст. 30: Ј оѣ, ако ки учини заседанје од реѣених подкнежинѡв или служабники или перман, тер се more pokazati podobnimi svedoci: плати knezu libar 50, а то такоје, ако би га били или ранили, и за раненје платит држан је polovicu. Ако би ки од нѡх никому ники уд usikal или shabil тако, да би од toda nemogal priti na prvo zdravlje: ostani na osudu onom, v kom ga knez оѣ осудити (Сводъ слав. зак. 393).

Если бы кто покусился изъ засады на жизнь кого-либо изъ упомянутыхъ княжескихъ людей и это можно доказать достовѣрными свидѣтелями, виновный долженъ уплатить князю либръ 50. Также если бы били или ранили когонибудь изъ нихъ (княжескихъ мужей), виновный долженъ платить за раны (побои) половину вышеупомянутой пени (такъ какъ одна либра=20 сольдинамъ, то слѣдовательно за побои или раны княжихъ мужей взыскивался штрафъ въ $12\frac{1}{2}$ разъ больше того, который уплачивался за побои или пораненія вметовъ).

Если бы кому изъ нихъ отрубили какой членъ тѣла или повредили его настолько, чтобы онъ не могъ никогда вполне оправиться отъ этого, въ такомъ случаѣ виновный осуждается на пеню, какую угодно будетъ назначить князю.

Изъ статей 35—36 Винодольскаго же закона видно, что въ случаѣ воровства понесшіе ущербъ княжескіе чиновники вознаграждались всемеро, между тѣмъ какъ остальное население получало только двойное вознагражденіе:

Ст. 35: Оѣ, ако је ки ukral rič niku knezu или nega dvoru или podknežinu или sluzabniku кому zgora-pisanih, плати knezu osud, како је više rečeno od tatbi, onomu, кому је bude učinil, од једно га 7. (Сводъ слав. зак. 394).

Если кто укралъ нѣкоторую вещь, принадлежащую князю или его двору или же подкнежину или комунибудь изъ вышеупомянутыхъ чиновниковъ (княжескихъ мужей), онъ долженъ заплатить князю пеню, какъ сказано выше (а именно 50 либръ); татьбу же вознаградить тому, у кого онъ совершилъ ее, всемеро.

Ст. 36: J ošce, kmeti i popi od tatbi meju sobu imijte jedan zakon. (Сводъ слав. зак. 394).

Для кметовъ (крестьянъ) и поповъ, по татбѣ, случающейся въ ихъ средѣ, одинъ и тотъ же законъ (а именно, какъ это видно изъ 6—8 статей, полагается „škoda duplo“, —т. е. двойное вознагражденіе убытковъ потерпѣвшему, кромѣ княжеской пени.

О разницѣ въ наказаніяхъ за убійство княжихъ мужей и крестьянъ говорятъ приведенныя нами уже выше статьи 29 и 31 Винодольскаго закона.

Полицій статутъ:

Ст. 62: Ako li tko plemenita čovika uhitio za vlase Poličanin, tere vrgao nim na tle, rekši nezaimito ali prez takova podobna zloga uzroka, ako bi mu učinio takovu-j ku-j sramotu: dužan mu je živom vrazdom, ča je libar 120.... To-j se razumi meu ludmi plemenitimi. Ako li bi kmetič plemenitu čoviku ucinijo takovu-j sramotu, tomu-j veće ide (Сводъ слав. зак. 409—410).

Если бы полицанинъ схватилъ за волосы именитаго чловека и таскалъ его по землѣ и не въ отвѣтъ за прежнее зло (преступленіе, обиду), но безъ всякаго дурнаго повода, если бы ему причинилъ подобный срамъ: обязанъ уплатить ему живую вражду, которая составляетъ 120 либръ. Здѣсь однако разумѣются обиды между именитыми людьми. Но если кметичъ (крестьянинъ) причинить такой срамъ именитому чловеку, то полагается бѣлая плата.

Ст. 68: Osud za psost, tko bi opsovaio svoga druga... upada libar 5. Tko li bi kmetič opsovaio plemenita čovika, tu je duplo. Tko li bi kmetič opsovaio svoga gospodina. dužan je da mu se jezik uriže ali se izkupi libar 100. (Сводъ слав. зак. 411).

Пеня за нанесеніе оскорбленія словомъ, если бы кто оскорбилъ себѣ равнаго, тотъ подпадаетъ подъ пеню 5 либръ. Но если какой нибудь кметичъ обругалъ именитаго чловека, то платится вдвойнѣ. Если бы кметичъ обругалъ сво-

его господина, то ему долженъ быть отрѣзанъ языкъ или онъ долженъ уплатить 100 либръ.

Мазовецкіе статуты:

Quandocumque aliquis nobilis fuerit interfectus, quadraginta octo sexagenas grossorum pro capite reus solvet. Cum vero miles communis interfectus fuerit, qui non est nobilis, sed habet jus militare, pro ejus capite viginti sexagenae solvi debent.

Quotiescunque aliquis incola sive kmetho unius interfecerit incolam alterius ipse interfectus octo sexagenas grossorum monetae communis pro interfecto det... si vero nobilis sive terrigena ipsum kmethonem interfecerit similiter octo sexagenas praeter poenam ducalem et dignitariorum persolvat.

Item, si aliquis nobilis vel miles nobili virgini, viduae, vel mulieri violentiam intulerit, tunc pro hujusmodi violentia XL marcas grossorum consueti numeri terrae Masoviae exsolvere debebit integraliter et ex toto.

Item si, rusticus vel ignobilis consimilem violentiam intulerit aut inferre praesumpserit, tunc non alia poena ipsum sequi debebit, praeterquam capite plecti debet et privari. Nobilis vero domino Principi cum suis baronibus, quorum interest, consuetam poenam sustinebit, videlicet Pięćdziesiąt, et hoc juxta numerum personarum hujus modi violentiam inferentium.

Si vero consimilis violentia alicui virgini, viduae, vel mulieri rusticali seu ignobili ab aliquo nobili vel milite contingerit, tunc pro hujus modi violentia, talis violator, tali virgini, viduae, vel mulieri, quatuor marcas grossorum consueti numeri terrae Masoviae solvere tenebitur; poenam autem consueta antiquitus, videlicet Pięćdziesiąt domino Principi cum ipsius baronibus, quorum interest, persolvenda ipsum sequatur (Helcel, I, 283, 284, 287; Дуинь, 208, 210).

Сборникъ польскаго обычнаго права XIII ст.:

Ст. XV: Ist daz man mordet, eynen gast uf der lant strose, zo bessert her den toten mit vumfczig mark; dy nemen des toten frunt: enhat her do nicht frunt, zo nymt ze der herre des landes und vor zynem vrede, der of der landstrosen gebrochin ist, nymt der laudes herre ouch vumfczig marg. Slet abir ymant eyn koufman adir ein ritter uf der lant strose, den gildet her mit vumfczig marg vor den

frede der of der lantstrose gebrochin ist. Abir zal eiu man do vor sweren, daz mus her tun salb neunde.

Slet abir ymant eynem gebuer uf der landstrose, den gildet man mit XXX margen und dem landes herren, vor des landes herren strose, vumfczig marken: gebort abir im dor vor zcu sweren, daz mus her tun salb zechste.

Uf dem dorfwege, der von eynem dorfe zcu dem anderen geet wirt do eyn ritter adir eyn rittermeszig man zcu tode irs lagen, den gildt man mit vumfczig marken: den vrunden und dem des gerichte ist, umb den vrede, der of dem wege gebrochin ist, gëbit man VI marg: zal abir eyn man do vor sweren, daz mus her tun salb neunde. Wirt abir eyu gebuer totgeslagen of dem dorfe wege, den gildet man mit XXX marken; vor den frede des weges VI marc. Slet eyn gebuer eynen ritter uf dem dorf wege ane tot slag, den bessert man mit VI marken; von dem frede des weges VI marc. Gebort abir im do vor zcu sweren, daz mus her tun salb dritte. Slet abir eyn ritter eynen gebuer ane tot slac uf dem dorf wege, den buszet her drey hundirt; vor den frede des wegen VI marg: sal ouch eyn man sweren do vor, daz mus her tun salb andir. Wirt eyn ritter geslagen uf dem marckte ane tot slag, daz buszt (her) mit VI marg; gebort em do vor zcu sweren, daz mus her tun salb dritte. Wirt eyn gebuer geslagen uf dem markte ane tot slac, do vor buszet man drey hundirt; vor den gebrochin frede des marktes VI marg. Sal her abir do vor sweren, daz mus her tun salb andir. (Helcel. II, 22—23).

Кто убьёт гостя на большой дорогѣ, тотъ платитъ за его голову 50 гривенъ, которыя получаютъ родственники убитаго: а если таковыхъ не окажется, то князь беретъ ихъ и кромѣ того получаетъ еще другихъ 50 гривенъ за нарушение мира. Кто убьётъ купца или рыцаря на большой дорогѣ, тотъ платитъ родственникамъ 50 гривенъ; если же таковыхъ не окажется, то эту сумму получаетъ князь, который получаетъ еще 50 гривенъ за нарушение мира на большой дорогѣ. Если кто будетъ присягать, то пусть присягаетъ самъ—9.

Если кто убьётъ на большой дорогѣ крестьянина, то обязанъ уплатить за его голову 30 гривенъ; а князю за нару-

шеніе мира 50 гривенъ. Если онъ будетъ присягать, то пусть присягаетъ самъ—6.

Если на проселочной дорогѣ, которая ведетъ изъ одной деревни въ другую, будетъ убитъ рыцарь или шляхтичъ, то за него уплачивается его родственникамъ 50 гривенъ и 6 гривенъ тому, кому принадлежитъ право суда за нарушенный миръ. Если надо будетъ ему присягать, то пусть присягаетъ самъ—9. Если крестьянинъ будетъ убитъ на проселочной дорогѣ, то за него платится 30 гривенъ, а за нарушеніе мира на дорогѣ 6 гривенъ. Если крестьянинъ побьетъ рыцаря на проселочной дорогѣ, то уплачивается ему 6 гривенъ, а за нарушеніе мира 6 гривенъ. Если будетъ присягать, то пусть присягаетъ самъ—3. Если же рыцарь побьетъ на проселочной дорогѣ крестьянина, то платитъ за его голову триста¹²⁾, а за нарушеніе мира 6 гривенъ. Если будетъ присягать, то пусть присягаетъ самъ—2.

Статуты Казимира Великаго (XIV стол.):

„Occidens mi litem, triginta marcas parentibus, pueris, vel amicis occisi, mutilans autem eundem in manu, pede, vel naso, quindecim marcas, in pollice vero mutilans, octo marcas, digitum quemlibet alium amputans, tres marcas grossorum ipsi mutilato vel digito leso, ut supra dicitur, solvere teneatur. Pro qualibet vero vulneratione predictorum membrorum, pena, que dicitur piętnadzieście vulnerato persolvatur. Si vero quispiam kmetonem occiderit, sex marcas solvere teneatur, quarum tres uxori vel pueris, si superstites fuerint, vel, eis non existentibus, propinquis occisi, domino vero, si occisor et occisus de bonis ipsius fuerint, tres marce residue integraliter persolvantur.... Vulnerans autem kmetonem, eidem vulnerato pro vulnere mediam marcam, domino autem ipsius, si vulneratus et vulnerans de villa unius domini fuerint, unam marcam integram ipse vulnerans propena solvere teneatur. Si vero vulnerans et vulneratus duorum dominorum fuerint, inter ipsos huiusmodi marca penalis per medium dividatur (Hube, II, XLIV—XLV.

Militi pro una plaga vel pluribus a kmetone factis, XV pena percusso, et iudicio XV. Si vero fuerit cum baculo et cruenta, sicut

pro vulnere gladiali declaramus satisfaciendum. Militi vero famoso slachcie, sexaginta marcas, scartabello triginta marcas, militi creato de sculteto vel kmetone, quindecim marcas pro capite, item militi slachcie, pro vulnere decem marcas scartabello quique marcas, sculteto vel kmetoni factis militibus tres marcas pro vulneribus statuimus persolvendas (Ibid. XXV).

Четвертая отличительная черта славянизма, это отсутствие, при определении количества платы, сравнительной единицы, какъ свободный человекъ въ законахъ германскихъ, отсутствие оцѣнки жизни по частямъ и определенной закономъ платы за убійство животныхъ. Въ этомъ пунктѣ является рѣзкая противоположность между славянскими и германскими законодательствами. Германское законодательство, своею мелочною таксою, стремясь уничтожить произволъ судьи при назначении наказаний, устанавливаетъ начало абсолютной определенности наказаний, напротивъ начало абсолютной неопределенности наказаний составляетъ существенную черту древнихъ уголовныхъ законовъ славянъ“.

Но проверка памятниковъ древне-славянского права и на этотъ разъ приводитъ насъ къ прямо противоположному выводу. Вотъ нѣкоторыя изъ постановлений славянскихъ законодательствъ, которыя убѣждаютъ насъ, что системы славянского и германского права представляютъ въ занимающемъ насъ вопросѣ много точекъ соприкосновения:

Полицкій статутъ („сравнительная единица“ — 240-либровая пеня, уплачивавшаяся за убійство и носившая название вражды)¹³⁾:

Ст. 37-я. Ako li bi tko koga oklastio rukom, ter bi bio maganatan jednom rukom, ali nogom, ali toliko-je okom: svako jedno tich nosi rō vražde, ča je libar 120. (Сводъ слав. зак. 407).

Если бы кто кого лишилъ руки (окалѣчилъ), такъ что у него была бы изувѣчена одна рука или нога или глазъ: одинаково платится за это половина вражды, что составляетъ 120 либръ.

Ст. 38. Ako li bi mankala dva ta-j uda, tada dva-krat toliko, ako li tri, tada tri-krat toliko; akoli četiri, tada četir krat; ako li pet, tada pet krat; ako li sva šest, a čovik nebi z toga-j umro, tada li tako-j po ta-j račuč, a za to-j je to-j tako-j uzakoneno na veće vražde, jere je gorji i težji čoviku zao život, nego smrt, ka se jednom čoviku učini. (Сводъ слав. зак. 407).

Если бы не доставало двухъ такихъ членовъ, тогда дважды столько (т. е. уже полная вражда, равнявшаяся 240 либрамъ); если трехъ, то трижды столько; если четырехъ, то четырежды; если пяти, то пять разъ столько; если бы всѣхъ шести и человѣкъ не умеръ отъ этого, тогда также по этому же счету (т. е. три полныхъ вражды, или 720 либръ); а потому здѣсь положена такая больше обыкновенной вражда, что горше и тяжче человѣку злая (несчастная) жизнь, нежели смерть, причиняемая одному человѣку.

Ст. 40. Gdi bi pomankao prst: palac носи рѣ руке, ѿа је либар 60 ¹⁴⁾, а остали четирі други рѣ руке. ѿа је либар 60, і толико-је се има цинити веће један од другогѣ, колико је ки од кога вридниі. (Свод. слав. зак. 408).

Если не будетъ доставать пальца: большой палецъ равняется половинѣ руки (въ значеніи франц. „main“, а не „bras“), что составляетъ 60 либръ; остальные же четыре пальца—другой половинѣ руки, что составляетъ 60 либръ и (изъ этихъ четырехъ пальцевъ) одинъ долженъ быть оцѣниваемъ настолько больше другаго, насколько одинъ важнѣе другаго.

Ст. 41. Prsti noćni nose за рѣ ручнић; а тако-је palac рѣ, а ini сви рѣ. (Свод. слав. зак. 408).

Ножные пальцы стѣять половину ручныхъ; и также точно большой палецъ половину и всѣ остальные половину.

Ст. 43—46. Gdi bi pomankao od boja zub: носи осуда либар 50.

Gdi bi odsičen nos, tada grede najpr̃t за рану по закону либар 50, а за ogrublenje obraza толикоје, нека је либар 100.

I tako se ima razumiti oda svakoga uda, ako bi bila grubota i rana.

Gdi bi odsičeno ucho, to-j nosi libar 50; gdi bi od boja ogluchlo ucho, toda nosi libar 50; ako bi i odsičeno i ogluchlo, tada nosi libar 100. (Сводъ слав. зак. 408).

Если бы былъ выбить зубъ, пеня исчисляется въ 50 либръ.

Если бы былъ отсѣченъ носъ, тогда прежде всего полагается за рану 50 либръ и столько же за изувѣченъ лица, что составляетъ 100 либръ.

Таже плата полагается за рану и увѣчье всякаго члена.

Если бы было отсѣчено ухо, то взыскивается 50 либръ; если бы отъ удара оглохло ухо, то взыскивается 50 либръ; если бы было отсѣчено и оглохло (вмѣстѣ съ тѣмъ), то взыскивается 100 либръ.

Русская Правда (сравнительная единица 40-гривенная пеня, уплачивавшаяся за убійство свободныхъ людей и носившая названіе виры).

Ст. 22 (кар. сп.). Аще ли утнеть руку и отпадетъ рука или усхнеть, или нога, или око или носъ утнеть, то половѣрие, 20 гривенъ.

Ст. 101. Оже кто оубиетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, яко же и мужа: оже будетъ виновата, то полвиры, 20 гривенъ.

Литовскій статутъ 1529 г.:

Разд. VII, ст. 9. А естли хто шляхтича ранить, а зъ тоє раны его въ руку або въ ногу охромилъ, або око выбилъ, або носъ втялъ, або зубы вырубалъ, або ухо утялъ: тогды маеть предся платити полъ челоувѣа. (Сводъ сл. зак. 177).

Мазовецкіе статуты:

De valore membrorum nobilium. Manus nobilium personarum valet medietatem capitis videlicet triginta marcas numeri et mone-tae polonicalis, et ita quilibet digitus in una manu valet sex marcas; pes, simititer lingua, oculus et alia membra principalia valent, quodlibet eorum seorsum, medietatem capitis, et eo modo abscissa et amputata, seu a vulnere destructa violenter, debent solvi de jure juxta consuetudinem terrae. Dentes vero excisi autxe cussi violenter

debent solvi juxta taxa vulnerum cruentorum nobilium, pro quolibet dente seorsum.

Et similiter manus et alia membra principalia kmethonum respectu capitis eorum debent solvi et taxari de jure, pro dentibus etiam sicut pro vulneribus cruentis kmethonalibus, debet eis solutio impendi. (Дунинъ, 216).

Мы не можемъ согласиться и съ остальными положеніями Иванишева: будто у древнихъ славянъ месть падала всегда только на одного виновника убійства, нисколько не касаясь его родственниковъ; что далѣе плата за убійство никогда не падала на весь родъ убійцы, какъ въ германскихъ законодательствахъ, а лишь на одного виновника преступления; что какъ одинъ убійца выдерживалъ месть и уплачивалъ всю сумму, также точно и право мстить и получать плату за голову у славянъ, въ противоположность германцамъ, принадлежало одному только ближайшему наслѣднику убитого и при этомъ ближайшій родственникъ устранялъ дальнѣйшаго.

Все это прямо противорѣчитъ началамъ личной и имущественной солидарности древнихъ родовыхъ союзовъ, которыя и до сихъ поръ можно наблюдать у нѣкоторыхъ изъ южныхъ славянъ (см. Богичича, Zbornik sadašnjih pravnih obiĉaja u juŹnih slovena. 512—514, 579—581):

„Како Црногорцы и Брђани, читаемъ мы въ Черногорскомъ законникѣ 1855, имаду обичай чинити освету не само на кривцу и на крвнику, већъ и на правомъ брату нѣговомъ: то се такова света по данасъ строго забранюе, и кѣи бы правогъ чоека убіо, бы-ће осуђенъ на смртъ. Само крвника, коега и самъ судъ гони, може убити, али братя или близяку или свойту крвника, кои у томе ништа криви ніесу не сміе, већъ нека само они главомъ плаћа, кои э зло учиніо, а други нико“. Общтій земаљскій законникъ Црногорски 1855. Ср. ст. 5 и 18 Черногорскаго законника 1798—1803 г. (Сводъ слав. зак. 352, 356 и 373).

Совершенно аналогичное постановленіе мы находимъ въ Мазовецкомъ статутѣ 1377 г.:

Item, si inter aliquos lis, guerra, seu contentio aut dissensio evenierit, vel homicidium perpetratum, tunc ille, cujus pater, frater vel amicus per quaempiam esset interfectus, reum tentare et inspicere debet, justum vero non impedire: et si ausu temerario justem et innocentem in domo, seu alibi irritaverit, honore et bonis suis privetur, et magis cum collo fugiet. (Helcel, I. 271).

Объ участіи членовъ рода въ платежѣ и полученіи денежныхъ взысканій за убійство говорится прямо въ 31 ст. Винодольскаго закона:

Ošcé, ako bi ki ubil nikoga kmeta ili od rodu kmet... vpadi v osud libar 110 bližikam, a onoga grada, ki je ubien, občini libri 2; od tih libar 100 imaju imiti ditca ubienoga, ako ima ditcu, poloviciu, a drugi pol nega bližiki. Ta osud krivac plati. Ako ubigne, imaju nega bližike osud platiti pol, a pol nega redi, ako je ima.

Если бы кто убилъ какого кмета (крестьянина) или чело-вѣка кметскаго рода (принадлежащаго къ крестьянскому состоянію), онъ подпадаетъ подъ пеню 100 либръ родственникамъ убитаго и двѣ либры общинѣ. Половину этой сотни либръ (т. е. 50 либръ) должны достать дѣти убитаго, если у него есть дѣти, другую же половину (50 л.) его родственники. Эту пеню (осудъ, штрафъ) уплачиваетъ преступникъ. Если же онъ убѣжалъ, въ такомъ случаѣ родственники его должны уплатить половину, другую же половину его наследники, если у него есть таковые.

Наконецъ, что касается послѣдняго положенія Иванишева, будто круговая порука территоріальныхъ союзовъ, встрѣчающаяся въ славянскихъ законодательствахъ, не была извѣстна германскому праву, то, какъ мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, то самое сочиненіе Фейербаха (*De universali fidejussione*), на которомъ основываетъ свой выводъ Иванишевъ, имѣетъ цѣлью именно доказать существованіе такого рода круговой отвѣтственности у всѣхъ германскихъ народовъ.

Можно только удивляться, какимъ образомъ Иванишевъ и другіе слависты, защищавшіе „славянизмъ“ института круговой поруки, рѣшались сослаться на Фейербаха, который, на основаніи германскихъ законодательныхъ памятниковъ, прямо утверждалъ, что круговая порука территоріальныхъ общинъ существовала у всѣхъ германцевъ!

И такъ памятники древняго славянскаго законодательства не подтверждаютъ ни одного изъ выводовъ Иванишева. Если бы послѣдній приступилъ къ сравнительному изученію славянскаго и германскаго права безъ предвзятой мысли во чтобы то ни стало противопоставить славянизмъ германизму, то знакомство съ памятниками убѣдило бы его, что обѣ системы правъ представляютъ гораздо болѣе сходства, нежели различія. Внушенная, по всей вѣроятности, Ганкой мысль, будто древнее чешское законодательство „сохранило въ наибольшей чистотѣ національныя славянскія начала“, заставляетъ Иванишева, при малѣйшемъ несходствѣ его съ правомъ другихъ славянскихъ племенъ, сейчасъ же поднимать вопросъ о заимствованіи. „Не всѣ славянскія племена, говоритъ онъ имѣли столько твердости духа (?), какъ богемцы и моравцы, чтобы мысль о правѣ (?) сохранить народною (?), безъ всякой примѣси чужеземщины“. Такъ „сербскій народъ не счумѣлъ развить изъ своей внутренней природы идеи права (?). Раздробленный на части, управляемый юниками, которые придавали себѣ названія царьковъ, королей, воеводъ и только жили въ разгульѣ битвъ, онъ никогда не могъ сосредоточить своихъ мыслей (?) на предметахъ законодательства. Единственнымъ исключеніемъ является время правленія царя Душана. Но и въ изданномъ имъ законникѣ славянизмъ чутъ видѣнъ въ огромной массѣ постановленій, заимствованныхъ изъ права византійскаго“.

Польское законодательство (включая въ него и Мазовецкое), въ свою очередь „представляетъ смѣсь народныхъ славянскихъ обычаевъ съ нѣмецкими. Уже съ половины XIII в.

нѣмецкій элементъ взялъ верхъ надъ польскимъ“. Тоже самое можно сказать и о правѣ литовскомъ, которое „мало заключаетъ въ себѣ чисто-славянскихъ началъ. Литовское право покорилось германскому, чему способствовало также польское, имѣвшее рѣшительное вліяніе на образованіе позднѣйшаго литовскаго законодательства. О литовскомъ правѣ, какъ оно было до смѣшенія съ германскимъ и польскимъ, по мнѣнію Иванішева, говорить не приходится по недостатку памятниковъ. Наконецъ и въ древнемъ русскомъ правѣ мы встрѣчаемъ значительное вліяніе германскаго элемента (58, 59, 65, 66, 73, 77, 87, 88, 92, 93, 94).

Такимъ образомъ оказывается, что у всѣхъ славянскихъ племенъ, за исключеніемъ чеховъ, національное право было подавлено чужеземными вліяніями, такъ что кодексы ихъ законовъ являются главнымъ образомъ древнѣйшими памятниками чужеземныхъ вліяній. Слѣдовательно всякій желающій познакомиться съ древнимъ славянскимъ правомъ долженъ принять за исходный пунктъ древнее чешское право, служащее „пробнымъ камнемъ для распознаванія славянизма“ въ правовыхъ учрежденіяхъ остальныхъ славянъ,—выводъ въ высшей степени лестный для національнаго самолюбія чеховъ.

Но объективное изученіе древне-чешскихъ источниковъ далеко не подтверждаетъ существованія рѣзкой противоположности между системами правъ чешскаго и германскаго. Оказывается, что у чеховъ, какъ и другихъ славянъ, а также и у германцевъ, за убійство взыскивался опредѣленный штрафъ въ пользу князя; далѣе, и частное вознагражденіе „въ позднѣйшемъ чешскомъ законодательствѣ“ опредѣлялось закономъ; какъ и у германцевъ, такъ и у чеховъ въ древнее время должна была существовать солидарная отвѣтственность членовъ родовыхъ и территоріальныхъ союзовъ; институтъ покоры также былъ извѣстенъ германскому праву. Въ концѣ концовъ приходится сознаться, что „древній славянизмъ весьма близко подходилъ къ германизму, такъ что

основная мысль Иванишева, съ которой онъ начинаетъ свое изслѣдованіе оказывается невѣрной. „Каждое племя, говоритъ онъ, имѣетъ отличный характеръ мысли, точно такъ, какъ оно имѣетъ свою отличительную фізіономію. Это отличіе мысли особенно является рѣзкимъ при первоначальномъ образованіи государствъ, когда народы не успѣли еще обмѣняться произведеніями духовной жизни, когда жизнь общественная управляется естественнымъ чувствомъ правосудія, близкимъ къ инстинкту“.

Мы же думаемъ, напротивъ, что чѣмъ далѣе мы углубляемся въ минувшіе вѣка исторической жизни славянъ и германцевъ, тѣмъ болѣе встрѣчаемъ сходства въ правовыхъ учрежденіяхъ обоихъ народовъ, такъ какъ мы не допускаемъ противоположности „естественнаго чувства правосудія“ у славянъ и германцевъ.

Вопросъ о платѣ за убійство у древнихъ славянъ и германцевъ раньше Иванишева разсматривался извѣстнымъ чешскимъ ученымъ Палацкимъ, стремившимся также отыскать различіе между учрежденіями древне-славянскаго и германскаго права. Палацкій, подобно Иванишеву, прибѣгаетъ ко всякаго рода натяжкамъ, лишь бы противопоставить славянизмъ германизму. Встрѣчая сходныя учрежденія у обоихъ народовъ, онъ иногда поднимаетъ споръ о томъ, кто „далъ бытіе“ извѣстному институту, а кто затѣмъ перенялъ его. Такъ, напр., онъ ставитъ вопросъ: „кому принадлежитъ честь и слава первоначальнаго и полного устройства суда присяжныхъ“, и приходитъ къ заключенію, что такая честь и слава принадлежитъ славянскимъ, а не нѣмецкимъ или романскимъ народамъ. „Писатели послѣднихъ двухъ народностей, говоритъ онъ, давно старались отыскать и опредѣлить происхожденіе присяжныхъ и, послѣ многолѣтнихъ самыхъ добросовѣстныхъ и отчетливыхъ изысканій, отказались найти его у себя (?) въ своемъ народѣ, сознаваясь откровенно, что оно рѣшительно противорѣчитъ всему древнему образу жизни и

понятіямъ предковъ ихъ (?) и никоимъ образомъ не можетъ быть выведено изъ природы ихъ (?), а потому на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на элементъ чуждый, пришедшій извнѣ, только неизвѣстно отъ кого именно. Въ этомъ сознаются также и англійскіе правовѣды (?), которые, называя его англосаксонскимъ, говорятъ однако же, что они никакъ не могутъ согласить его съ прочимъ устройствомъ своего народа, а потому, тоже называютъ его пришельцемъ у себя"... Принявъ во вниманіе, что „институтъ присяжныхъ существовалъ у сербовъ, которые, разумѣется, никакъ не могли перенять ихъ у англо-саксовъ, бывшихъ имъ совершенно неизвѣстными и чуждыми во всѣхъ отношеніяхъ, равно какъ вспомнивъ, что сербскіе поротцы суть древне-рускіе цѣловальники, ясно открывается, что такимъ народомъ, давшимъ бытіе суду присяжныхъ, были наши предки, племя славянское, у коихъ однако, впоследствии, онъ, въ силу разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, мало по малу исчезъ и сохранился у однихъ только англичанъ, передавшимъ его французамъ и нѣмцамъ почти на нашихъ глазахъ". (Палацкій, сравненіе законовъ Душана съ чешскими. 21).

Гораздо болѣе правильный приѣмъ употребляетъ Шпилевскій при сопоставленіи институтовъ древне-славянскаго и германскаго права въ своихъ двухъ сочиненіяхъ: „Союзъ родственной защиты и семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ". Авторъ не только не противопоставляетъ славянизма германизму, но, напротивъ, въ древне-германскихъ законахъ ищетъ объясненія многихъ институтовъ славянскаго права, такъ какъ „народности, близко стоящія по общественному развитію, управляются общими началами, потому что живутъ при одинаковыхъ условіяхъ быта, порождающихъ одинаковыя потребности и образъ возрѣній. (Союзъ родств. защ. 4).

Къ сожалѣнію Шпилевскій часто злоупотребляетъ сравнительнымъ методомъ. Онъ не обращаетъ должнаго вниманія

на характерныя черты и отличія, встрѣчаемыя въ правовыхъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ народностей, кладетъ въ основаніе обобщеній факты, относящіеся къ различнымъ эпохамъ жизни народовъ, а также саги и сказки, въ которыхъ трудно бываетъ отличить элементъ фантазіи и вымысла отъ дѣйствительности; наконецъ даетъ вѣру мнѣніямъ разныхъ ученыхъ, ни на чемъ не основанныхъ и иногда прямо противорѣчащихъ памятникамъ. На эту слабую сторону труда Шпилевскаго обратилъ вниманіе и Ягичъ (стр. 44, прим. 89). Благодаря этимъ недостаткамъ, прекрасно задуманный трудъ Шпилевскаго по многимъ вопросамъ оказывается несостоятельнымъ и требуетъ, при пользованіи имъ, критическаго отношенія со стороны читателя. Мы постараемся представить цѣлый рядъ примѣровъ изъ сочиненія Шпилевскаго „Союзъ родственной защиты“, гдѣ съ особенною наглядностью выступаютъ вышеупомянутые недостатки. Такъ, уже въ введеніи, желая доказать, что у славянъ въ до-историческое время существовала полная разобщенность первобытныхъ родовыхъ союзовъ, авторъ, за недостаткомъ письменныхъ памятниковъ, ищетъ указаній въ нравахъ, русскаго общества XVI и XVII столѣтій! „Въ старинномъ русскомъ домѣ, говоритъ онъ, все носило характеръ замкнутости и разобщенія со всѣмъ остальнымъ. Все въ немъ старались покрыть тайной для чужихъ. Ворота были заперты и днемъ и ночью и приходящій долженъ былъ по обычаю времени постучаться слегка и проговорить: Господи Иисусе Христе, помилуй насъ“ и потомъ дожидаться, пока ему скажутъ „аминь“. Обиліе домового двора и разобщеніе домашней жизни съ внѣшностью совпадало съ обычаемъ держать въ дворахъ большое населеніе. Старинная недѣлимость семей соединяла иногда нѣсколько боковыхъ родственныхъ линій около одного родственника или старѣйшины. То были дѣти, братья, племянники хозяина и даже дальнѣйшіе его родственники, жившіе съ нимъ не въ раздѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ и по желанію. Такая

разобщенность родовых дворовъ напоминаетъ отдѣльныя германскія марки, какъ мѣстожителства родовъ, которыя были недоступны для чужаго. Смерть ожидала инородца, который самовольно переступилъ бы за вѣтный рубежъ марки, огражденный лѣсами, болотами и другими естественными границами и охраняемый богами" (13).

Далѣе, соглашаясь съ мнѣніемъ Иречка, что въ древности у славянъ существовала связь войска съ родами, что славяне становились на войну по родамъ, Шпилевскій къ свидѣтельству Любушина суда присоединяетъ еще слѣдующій рассказъ Нестора, по нашему мнѣнію, ровно ничего не доказывающій: когда Владиміръ вызывалъ на единоборство съ печенѣжскимъ богатыремъ, пришелъ къ князю одинъ старый мужъ и сказалъ: „княже! есть у мене одинъ сынъ меншей дома, а съ четырьмя есмь вышелъ, а онъ дома" и сталъ рассказывать отецъ о необыкновенной силѣ своего младшаго сына, побѣдившаго потомъ печенѣжскаго богатыря. (18).

Изъ того обстоятельства, что отецъ пошелъ на войну съ тремя старшими сыновьями, оставивъ младшаго дома, вовсе не слѣдуетъ, что „войска при Владимірѣ группировались по родамъ, выступавшимъ на войну подъ предводительствомъ родового старѣйшины". Отсутствіе критическаго отношенія къ выбору матерьяла и смѣшеніе разнородныхъ эпохъ въ жизни народовъ особенно бросается въ глаза въ первой главѣ сочиненія: „характеръ древне-германской и славянской мести". „Заботиться о собственной защитѣ, начинаетъ авторъ главу, и прилагать собственную силу къ охраненію своего благосостоянія, жизни, свободы и имущества представляется естественнымъ, каждому врожденнымъ влеченіемъ. Эта естественная потребность самоохраненія, при грубости нравовъ германцевъ и славянъ въ древнѣйшую эпоху ихъ существованія выражалась въ мести". Высказавъ это положеніе, Шпилевскій подтверждаетъ его слѣдующими тремя ссылками, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ отношенія къ древнему инсти-

туту мести: „Германцы, говорить Тацитъ, не считали постыднымъ пить цѣлый день и ночь, и на пирахъ, выпивши, часто ссорились, а эти ссоры рѣдко оканчивались бранью, но большею частью убійствами и ранами. Подобное говорить одно старинное русское слово „о корчмахъ и пьянствѣ“ — „гдѣ бо слышано инако пожеваго убійства, точію въ пьянственныхъ бесѣдахъ и играхъ, пачеже о праздницѣхъ. Во Временникѣ, продолжаетъ Шпилевскій, напечатано слѣдственное дѣло 1623 г. объ убійствѣ во время братчины“. (36).

Какой свѣтъ могутъ пролить эти три примѣра, изъ которыхъ послѣдній относится къ XVII ст., на характеръ древняго института мести,—для насъ остается загадкой. По нашему мнѣнію, они лишь доказываютъ, что славяне и германцы охотно пили и въ пьяномъ видѣ совершали преступленія, —не болѣе.

Въ параграфѣ 3-мъ Шпилевскій останавливается на вопросѣ—существовала ли въ древности у славянъ и германцевъ безграничная месть, и приходитъ къ заключенію, что такого рода месть имъ была неизвѣстна. Произволъ мести, замѣчаетъ Шпилевскій, ограничивался общепринятымъ понятіемъ о свойствѣ ея. У германцевъ, какъ и у славянъ не было кровожадной, жестокой мести. Въ этомъ отношеніи древнее обычное право представляетъ близкую аналогію съ древнею народною поэзію. Чебышевъ-Дмитріевъ совершенно правильно замѣчаетъ, что „право, будучи голосомъ преданія, идущаго отъ временъ незапамятныхъ, казалось для всѣхъ такимъ же произведеніемъ, стоящимъ внѣ произвола, какъ эпическая поэзія для пѣвца и его слушателей. Смотри на право съ этой точки зрѣнія, нельзя предполагать, чтобы месть была безгранична, произвольна, чтобы мѣра и способъ ея осуществленія зависѣли отъ субъективнаго взгляда местника. Местникъ чувствовалъ такую же, влекущую его, ничѣмъ неудержимую силу преданія и обычая какъ и народный пѣвецъ; онъ также неволенъ въ средствахъ

и мѣръ мести, какъ пѣвецъ въ содержаніи разсказа. Личное чувство оскорбленнаго преступленіемъ имѣетъ здѣсь такъ же мало значенія, какъ и въ области поэзіи... Если бы обиженный вздумалъ перейти законную границу мести, его дѣйствія вызвали бы реакцію со стороны общества". (41).

Какъ Шпилевскій, такъ и Чебышевъ-Дмитріевъ упустили изъ виду то обстоятельство, что месть, какъ и всякій древній институтъ, должна была переходить черезъ разныя фазы развитія и что въ жизни народовъ существовалъ такой моментъ, когда само народное право допускало безграничную месть. Законодательные памятники славянъ и германцевъ говорятъ большею частью о мести въ періодъ паденія этого института, когда общественная власть настолько окрѣпла, что успѣла подвергнуть месть извѣстнымъ ограниченіямъ. Но отсюда нельзя выводить, что славяне и германцы никогда не знали безпредѣльной мести. У нѣкоторыхъ изъ южныхъ славянскихъ племенъ месть до нашихъ дней сохранила свой первобытный характеръ. Изъ Сборника Богишича мы узнаемъ, что обычай позволяетъ мстить всѣми средствами — убивать, грабить, жечь и т. д. При этомъ мстителями являются всѣ родственники, друзья и всѣ близкія лица. Бывали примѣры, что изъ мести убивали священника въ церкви во время чтенія св. Евангелія. Не смотря на довольно строгія мѣры, до сихъ поръ не удастся искоренить этотъ обычай (543, 547).

На существованіе такой безграничной мести указываютъ и приведенныя выше статьи Черногорскихъ Законниковъ, представляющія весьма близкую аналогію съ древнимъ Мазовецкимъ правомъ. (Статутъ 1377, ст. VII).

Сходные же порядки должны были существовать когда-то у всѣхъ славянъ и германцевъ, и ограниченія, встрѣчаемыя въ памятникахъ, возникли впослѣдствіи благодаря вліянію государства и церкви.

На страницѣ 63-й Шпилевскій, вслѣдъ за Ланге и другими учеными, высказываетъ мысль, что въ первой статьѣ

Русской Правды мы не встрѣчаемъ ограниченія мести ближайшими степенями родства, а лишь примѣрное исчисленіе мстителей. Право мести, говоритъ онъ, принадлежало цѣлому роду, и только во главѣ его былъ одинъ ближайшій законный мститель. Имѣющій ближайшее право мстить искалъ себѣ помощниковъ, союзниковъ, заключая съ ними объ этомъ договоры (?). Далѣе Шпилевскій цитируетъ примѣръ, взятый имъ изъ XV ст. (!) и не имѣющій никакого отношенія къ институту древней родовой мести, о которой говорится въ первой статьѣ Русской Правды. „Въ 1456 г., говоритъ онъ, сынъ князя Боровского, Василя Ярославича, захваченнаго Московскимъ великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ, князь Иванъ въ договорѣ съ княземъ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ, изгнаннымъ изъ своихъ владѣній Московскимъ великимъ княземъ, называя послѣдняго старшимъ братомъ, говорилъ: „и тебе, господине, пойти доставати свое отчины и дѣдины; также моего отца доставати князя Василя Ярославича и нашіе отчины и дѣдины; а мнѣ господине, пойти съ тобою за одинъ доставати своего отца и твоей отчины и дѣдины и своей отчины и дѣдины. И по грѣхомъ, господине, князь Василей отца моего убіетъ, или уморитъ въ нятѣ или какъ Богъ позоветъ отца моего къ себѣ въ нятствѣ: и тебе съ великимъ княземъ ни кончати ни помирится безъ моей воли“ (63).

Можно подумать, читая приведенное мѣсто изъ сочиненія Шпилевскаго, что институтъ древней родовой мести, о которомъ упоминаетъ Русская Правда, дѣйствовалъ во всей силѣ въ русскомъ обществѣ до XVI столѣтія, и что князья, заключая договоры, руководились предписаніями о мести обычнаго права временъ Русской Правды!

Мы могли бы процитировать еще много мѣстъ изъ труда Шпилевскаго, указывающихъ на отсутствіе критики въ выборѣ матерьяла и смѣшеніе разныхъ эпохъ въ жизни народовъ, но и приведенныя, намъ кажется, въ достаточной

степени подтверждаютъ высказанное мнѣніе, что многіе изъ его выводовъ не имѣютъ научнаго характера.

Кромѣ историческихъ натяжекъ, въ сочиненіи встрѣчаются и филологическія. Такъ, напримѣръ, принявъ безъ провѣрки памятниковъ, мнѣніе Иванишева, что плата за голову по древнимъ славянскимъ памятникамъ не была напередъ опредѣлена, а зависѣла отъ воли договаривающихся сторонъ, Шпилевскій желаетъ подтвердить это положеніе новымъ примѣромъ изъ Винодольскаго закона, гдѣ будто бы говорится, что даже самъ князь получалъ вознагражденіе за убійство своего слуги, въ случаѣ бѣгства убійцы, отъ родственниковъ его по договору съ ними. Но въ указываемой статьѣ прямо сказано, что пусть князь возьметъ вражду, т. е. пеню деньгами какими и сколько ему угодно съ родственниковъ злодѣя, (*da knez vazme vražbu toje zagovor vrnézi kakov i kolik bude otil svrh plemene zlotvorca*); слѣдовательно никакого договорнаго начала эта статья не содержитъ, а напротивъ ея представляется князю полный произволъ въ дѣлѣ назначенія количества штрафа за совершенное убійство (Ср. Ягичъ, пр. 89).

Впрочемъ филологическія неточности и натяжки попадаютъ довольно рѣдко въ сочиненіи Шпилевского, и въ этомъ отношеніи книга его стоитъ несравненно выше трудовъ другихъ славистовъ, въ особенности же Леонтовича и Мацѣйовскаго. Шеститомная исторія славянскихъ законодательствъ послѣдняго была встрѣчена вначалѣ всеобщимъ восторгомъ и Мацѣйовскій сразу снискалъ себѣ имя перваго знатока славянскихъ правъ. (См. Палацкаго, ср. зак. Душана, 29). Однако болѣе близкое знакомство съ сочиненіемъ охладило первоначальный восторгъ и все чаще и чаще стали раздаваться голоса, отрицающіе научное значеніе труда Мацѣйовскаго. Принимаясь за свое сочиненіе, Мацѣйовскій руководствовался главнымъ образомъ побужденіями политическаго характера. Горячій защитникъ идеи панславизма, онъ хо-

четь доказать, что „братство и единство“ славянскихъ племенъ не есть нѣчто искусственное, придуманное новѣйшими учеными, а напротивъ беретъ свое начало съ самыхъ древнѣйшихъ временъ „Славяне, говоритъ онъ въ вступленіи, чувствуя все болѣе и болѣе потребность взаимнаго сближенія, старательно выискиваютъ и собираютъ все, что можетъ служить связующимъ звеномъ между ними, а именно языкъ, права и обычаи. Желая также по мѣрѣ силъ способствовать достиженію этой великой цѣли, и я предпринялъ начертать полную исторію славянскихъ законодательствъ.... Ибо настало время, чтобы славяне познакомились ближе съ древними своими законодательствами и убѣдились, что ихъ тѣсно связываютъ не только языкъ и обычай, но также право. Слѣдуя по этому пути, они уразумѣютъ необходимость взаимнаго сближенія и въ общемъ союзѣ найдутъ средство усиленія и укрѣпленія своей народности... Болѣе близкое знакомство съ ихъ прошедшимъ докажетъ имъ, что историческія судьбы ихъ болѣе трогаютъ сердце, нежели представленія поэтовъ о землѣ, небѣ и адѣ (I, 1, 2, 41, 42).

Къ сожалѣнію, такого рода внесеніе политики въ область науки должно было весьма вредно отозваться на трудѣ Мацѣйовскаго. Большинство выводовъ его отличаются необыкновенною парадоксальностью и полною бездоказательностью. Отрицательныя качества труда Мацѣйовскаго столь велики, что нѣкоторые изъ ученыхъ, послѣ появленія его сочиненія, стали отрицать вообще пользу сравнительнаго изученія славянскихъ правъ и усумнились въ возможности составленія когда-либо полной исторіи славянскихъ законодательствъ. Дѣйствительно гипотезы Мацѣйовскаго просто поражаютъ читателя своею неправдоподобностью и ненаучностью, и надо имѣть много силы воли, чтобы дочитать до конца его шеститомное произведеніе. Если Палацкій заявилъ, что англо-саксы переняли у славянъ судъ присяжныхъ, то Мацѣйовскій пошелъ въ этомъ направленіи гораздо дальше, утверждая,

что „leges barbarorum“ заключаютъ въ себѣ смѣсь германскихъ и славянскихъ законовъ, почему ихъ и слѣдуетъ считать однимъ изъ главныхъ источниковъ древне-славянскаго права. Тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно сочиненій Цезаря и Тацита, которые описывали бытъ не только германскихъ, но и славянскихъ народовъ. Слова Цезаря *neque quisquam agri modum certum aut fines habent proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribuant atque anno post alio transire cogunt*“, — относятся къ славянамъ, а не къ германцамъ, точно такъ какъ и выраженіи Тацита „*familiae et propinquitates*“. (Мацѣйовскій, I, 383—386). Многіе изъ институтовъ *legum barbarorum* также обличаютъ чисто славянское происхожденіе, такъ напримѣръ „*Chrenecruda*“ Салическаго закона, — что можно доказать и путемъ филологическимъ. Такъ какъ „ch“ и „d“ = „k“ и „t“; то правильнѣе будетъ читать „*krene-kruta*“ а не *Chrenecruda* или *Chrevecruda*, какъ предлагалъ читать Цепфль. Первая половина слова „*krene*“ значитъ „камень“, а въ переносномъ смыслѣ, „крѣпость“ или „договоръ“; а вторая — „*kruta*“ — платье. Это славянское наименованіе института объясняетъ намъ и сущность его: обязательство въ Салическомъ законѣ имѣло такую силу, что должникъ лишался платья (*kruta*) (ему оставался только кафтанъ для покрытія нагихъ костей), а затѣмъ и жизни. Такимъ образомъ „крѣпость или обязательство, о которомъ говоритъ Салическій законъ, получило свое названіе отъ платья, котораго лишался должникъ, такъ что терминъ *krene-kruta* можетъ быть переданъ по латыни „*de obligatione devestiente*“ (!). (I, 722).

Также точно славянскаго происхожденія слова *Alod* (см. Тит. LXII Салич. закона). *Odal*, *Odel* и *Adel* (*Adeling*, *Adalingus*) (I, 526—535). Даже нынѣ употребительное нѣмецкое слово „*Dorf*“ Мацѣйовскій считаетъ славянскимъ и

производить его отъ славянскаго „drown“, („переставивъ букву „о“, измѣнивъ „w“ на „f“ и выбросивъ „п“. I, 468).

Въ третьемъ томѣ на страницѣ 335 Мацѣйовскій сопоставляетъ древне-германскихъ рахинбурговъ съ встрѣчающейся въ русскихъ грамотахъ XVI ст. фамиліей „Рахманинъ“ (!) и полагаетъ, что арабское слово „гаһтап“ (добрый, мягкаго характера человѣкъ) должно пролить свѣтъ на этотъ вопросъ (!). По всей вѣроятности, замѣчаетъ онъ по этому поводу, терминъ „гаһтап, рахманинъ, рахинбурги, былъ перенесенъ изъ Азіи въ Европу предками нормановъ и славянъ“. (III, 336).

Изъ сказаннаго намъ кажется ясно, на какихъ шаткихъ основаніяхъ покоится Исторія славянскихъ законодательствъ Мацѣйовскаго. Ученые, принимающіе на вѣру выводы его, дѣлаютъ непростительный промахъ. „Не слѣдуетъ никоимъ образомъ пользоваться сочиненіемъ Мацѣйовскаго тѣмъ, кто вѣритъ во все что написано“, замѣчаетъ извѣстный ученый Бобжинскій. Только тотъ могъ бы съ нѣкоторою пользою прочесть его твореніе, продолжаетъ тотъ же критикъ, кто напередъ будетъ относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ его выводамъ и утвержденіямъ; ибо онъ найдетъ въ сочиненіи массу ссылокъ на разные памятники и источники, а также множество затронутыхъ вопросовъ, зная которые весьма полезно, хотя бы и неизвѣстно было, какъ на нихъ отвѣтить“ (56).

Филологическія натяжки и промахи (совершенно, впрочемъ, другаго свойства чѣмъ у Мацѣйовскаго) составляютъ также отличительную черту сочиненій профессора Леонтовича, посвященныхъ изученію древнихъ славянскихъ законодательствъ. Мы остановимся здѣсь на извѣстномъ его трудѣ — „Древнее Хорватско-Далматское законодательство“, въ которомъ онъ пытался представить подробное описаніе внутренняго устройства Винодола и Полицы на основаніи двухъ важныхъ юридическихъ памятниковъ: Винодольскаго закона и Полицкаго статута. Чтеніе обоихъ этихъ кодексовъ древняго хорватска-

го права представляет значительныя трудности даже для специалистовъ - филологовъ, поэтому и не удивительно, что трудъ Леонтовича, не смотря на выдающійся талантъ автора, по многимъ вопросамъ оказывается несостоятельнымъ. Толкуя отдѣльныя статьи, Леонтовичъ принимаетъ одну часть рѣчи за другую, смѣшиваетъ падежи и лица, самыя обыкновенныя и нынѣ употребительныя хорватскія слова считаетъ специальными юридическими терминами и вслѣдствіе этого придаетъ постановленіямъ смыслъ, котораго онѣ на самомъ дѣлѣ не имѣютъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, извѣстный знатокъ хорватскаго языка, Ягичъ подвергнулъ подробному историко-филологическому разбору Винодольскій законъ и представилъ почти дословный переводъ этого интереснаго памятника. „Исслѣдователи юристы, замѣчаетъ Ягичъ въ введеніи, при всей своей проникающей способности, не всегда были въ состояніи преодолѣть трудности текста нашего памятника, происшедшія отъ разныхъ темныхъ словъ, неудобопонятныхъ выраженій и оборотовъ: они переводили и толковали скорѣе по догадкамъ, чѣмъ по словамъ подлинника, придавая отдѣльнымъ статьямъ текста смыслъ, добытый юридическимъ чутьемъ, не обращая вниманія на требованія грамматики и лексикона. Въ доказательство я могу указать на польскій переводъ нашего закона, сдѣланный Мацѣйовскимъ, на нѣкоторыя ссылки на законъ Винодольскій въ сочиненіи Герменегильда, Иречка, наконецъ на подробный историко-юридическій разборъ нашего памятника Леонтовича“.

Трудъ Ягича опровергнулъ главныя положенія Леонтовича, доказавъ ихъ несостоятельность. Ярче всего эта противоположность выводовъ двухъ ученыхъ, юриста и филолога, пользовавшихся однимъ и тѣмъ же памятникомъ, выступаетъ въ общей характеристикѣ государственнаго устройства древняго Винодола. По словамъ Леонтовича, въ законахъ винодольскихъ, которымъ принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду древнѣйшихъ памятниковъ славянскаго законодательства,

мы изучаемъ быть старинныхъ славянскихъ жупъ, названныхъ тамъ обкинами, обштинами... Общины эти—союзы съ характеромъ автономическимъ. Винодольскіе законы и не заботятся о поддержаніи автономіи общинъ; она еще крѣпко держится въ обычаяхъ. Кромѣ законодательной власти, отправляемой народной сходкой, община имѣла огромное вліяніе на всѣ общественныя дѣла; общинные органы дѣйствуютъ совмѣстно и на ряду съ княземъ; иногда община обходится и вовсе безъ князя, особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутреннихъ отношеніяхъ общины.... Вообще говоря, внутреннія основы жизни винодольскихъ общинъ коренятся въ старомъ славянскомъ общинномъ бытѣ“ (17, 47).

Далеко не такими красками рисуетъ намъ Ягичъ внутренней устройствомъ Винодольскаго княжества. Изъ его описанія явствуетъ, что винодольскія общины не имѣли и тѣни того широкаго самоуправленія, о которомъ говоритъ Леонтовичъ. „Община, или княжество Винодолъ принадлежало князьямъ крчкимъ, модрушеимъ и винодольскимъ по наслѣдству.... Право князей или точнѣе владѣтельнаго князя на Винодолъ заключалось во 1-хъ въ томъ, что всѣ жители городовъ и деревенскихъ поселеній должны были „чинити службу“ князю, т. е. приносить или платить разныя повинности, по мѣрѣ ихъ имуществъ, въ особенности земли, которая считалась собственностью княжескаго рода, только, что князь безъ особенныхъ причинъ не могъ отнимать ее у владѣльца или его законныхъ наслѣдниковъ“... Вообще „состояніе народа винодольскаго нельзя назвать вполне крѣпостнымъ, но и вполне свободнымъ оно не было. Положительно можно утверждать, что отдѣльнымъ лицамъ не позволялось удаляться съ ихъ участка безъ согласія княжескаго. Частныя лица не имѣли права отдавать свои земли подъ залогъ, ни принимать залоговъ; а общинамъ не позволялись такого рода сдѣлки безъ согласія князя. Пустая или никѣмъ необрабатываемая земля принадлежала князю; всякій участокъ или

предметъ, оставшись или оказавшись безъ владѣльца, подпадалъ подъ власть князя; противозаконное занятіе таковой земли или вещи было очень строго наказываемо и отнималось отъ виновника“.

Что касается управленія, то „князь, какъ верховный правитель Винодола наблюдалъ за цѣлымъ организмомъ правленія то самъ, то черезъ своихъ людей, Общинное или городское вѣче не могло засѣдать, ни постановлять законныхъ рѣшеній безъ „кнезова чловика“, т. е. если не присутствовалъ въ засѣданіи княжескій чловѣкъ. Точно также не могъ состояться никакой судебный приговоръ, ни оправдательный, ни осудительный безъ участія князя или его чиновника“.

(128—129).

Ст. 57. Винодольскаго Закона постановляетъ: ни одно совѣщаніе (вѣче) общинное или частное не можетъ состояться ни въ одномъ городѣ, ни въ другомъ мѣстѣ, по дѣламъ принадлежащимъ общинѣ, если не присутствуетъ тутъ же княжескій чловѣкъ (чиновникъ). Рѣшая какія бы то ни было дѣла вопреки этому предписанію, они потеряютъ все свое имущество, которое достанется вышеупомянутому князю.

(Ošče, ntedno více občinsko ili navlaščno v gradu ili indi nemozi biti od ntednih del, ke bi pristojale k občini, ako nebude onde knezova človika, i ako ká dela suprot učine, zgublaju vse svoje blago, i budi knezu zgora rečenomu“. Сводъ слав. зак. 397—398).

Просматривая критическія замѣчанія, помѣщенные подъ текстомъ Винодольскаго Закона, мы видимъ, что Ягичу постоянно приходится исправлять филологическія ошибки Леонтовича (см. прим. 5, 11, 14, 19, 37, 45, 46, 87, 89, 98, 113, 114, 115, 142, 146, 158, 166, 176, 181). Мы ограничимся приведеніемъ двухъ примѣровъ. Леонтовичъ слова „на купъ, на вкупъ=скупа, купно, вмѣстѣ, заодно принимается за существительныя и утверждаетъ, что „купъ, вкупъ“ означалъ общую народную сходку всѣхъ винодольскихъ общинъ“ (стр. 18, 22). Далѣе слово „братчина“, озна-

чающее въ 13 ст. религіозное общество, „Леонтовичъ толкуетъ въ смыслѣ задруги и проводитъ параллель между этою статьею и Судомъ Любуши“. Задружная жизнь, говоритъ онъ на страницѣ 25, какъ она развилась у хорватовъ, сербовъ и другихъ славянъ, условливала особенные порядки въ отношеніяхъ имущественныхъ и наслѣдственныхъ. „По закону вѣкожизненныхъ боговъ, будета имъ оба въ едно власти, чи се раздѣлита ровну мѣру“,—основной законъ задружной жизни славянъ, такъ мѣтко сформулированный чешскимъ сказаніемъ о Судѣ Любуши. Въ задругѣ собственно нѣтъ мѣста наслѣдственному праву. Раздѣлъ задруги—первый моментъ съ котораго начиналось для расходившихся членовъ задруги дѣйствіе наслѣдственного права на общемъ основаніи. На этотъ-то моментъ указываютъ Винодольскіе Законы, говоря о братчинѣ, которая „дѣли сборъ мою собу, държана е дати десетину на пуни“. Сборъ, общее имущество братчины, дѣлится между ея наличными членами, при чемъ на нихъ лежитъ обязанность выдѣлить десятину, десятую часть имущества въ пользу церкви, а, можетъ и государства. Нѣтъ прямыхъ указаній на отношеніе къ сбору (при его раздѣлѣ) ближиковъ, выпедшихъ изъ союза, стоящихъ „всаъ по себи“. Изъ самаго существа дѣла вытекало воззрѣніе на нихъ, какъ на лицъ чужихъ въ отношеніи къ союзу, изъ котораго они вышли,—право на участіе въ сборѣ ограничивалось только наличными членами союза, состоявшими въ немъ въ моментъ его раздѣла. Въ свою очередь, братчина и отдѣльные ея члены, ближики, не имѣли никакого дѣла къ имуществу лица, выпедшаго изъ союза, не причислялись къ числу его реди“.

Приведенный отрывокъ изъ сочиненія Леонтовича можетъ служить лучшимъ образчикомъ того, сколько ошибокъ можетъ быть внесено въ науку, благодаря неправильно истолкованному термину. Ст. 13 Винодольскаго Закона гласитъ: „если какое-нибудь религіозное братство дѣлитъ доходы съ общаго

имѣнія, то оно обязано уплатить десятину сполна“. (См. Ягичъ, 28). Слѣдовательно ст. 13 никакого отношенія къ задругѣ не имѣетъ. Слово „сборъ“ не означаетъ „общаго имущества членовъ задруги, ближиковъ“, а просто доходъ съ общаго имѣнія членовъ духовныхъ обществъ. Далѣе члены „братчины“ вовсе не носили названій „ближиковъ“. Никакой десятины задруга при раздѣлѣ не уплачивала. Оказывается, такимъ образомъ, что почти цѣлая страница изъ сочиненія Леонтовича должна быть выброшена, благодаря филологической ошибкѣ.

Если мы обратимся теперь ко второй половинѣ сочиненія Леонтовича, содержащей подробный разборъ постановленій Полицкаго статута, то и здѣсь найдемъ тѣ же самые недостатки. Толкуя статьи, авторъ не придерживается самыхъ элементарныхъ грамматическихъ правилъ, вслѣдствіе чего и извращаетъ ихъ смыслъ. Напр. въ статьѣ 3-й сказано, что „возлѣ князя должны находится три судьи, которые избираются, когда и князь и мѣняются (вмѣстѣ съ нимъ)“. (I polag Kneza imaju biti tri sudci..., i oni se dostaju, kada knez, i prominuju). Предлогъ „polag“ (съ, при), употребляющійся и въ современномъ хорватскомъ языкѣ, Леонтовичъ принимаетъ за существительное и, прибавивъ къ нему другой предлогъ „въ“, исправляетъ начало 3-й статьи „въ полагъ (!) = въ помощь (!). Далѣе окончаніе статьи „oni (sudci) dostaju, kada i knez i prominuju (kada i knez)“, Леонтовичъ переводитъ: судьи „отправляютъ свою должность (!) и послѣ того какъ князь „проминую“ (!), оставитъ свою должность“. (96). Но слова „dostaju se“ не значатъ вовсе „остаются“, а избираются, назначаются, получаютъ; далѣе „prominuju“ совершенно неправильно отнесено Леонтовичемъ къ слову „knez“; „dostaju se i prominuju“ третье лицо множественнаго числа и согласовано съ мѣстоимѣніемъ „oni“ т. е. судьи.

Далѣе на страницѣ 71 своего сочиненія Леонтовичъ говоритъ, что въ Полицкомъ статутѣ существуетъ особый тер-

минъ для обозначенія всѣхъ классовъ народа, а именно— „vrste“. Но слово „vrste“ есть родительный падежъ существительнаго „vrsta“, которое, какъ въ Полицкомъ статутѣ, такъ и въ современномъ хорватскомъ языкѣ никакого спеціально-юридическаго значенія не имѣетъ, а значитъ просто—разрядъ, рядъ. *Ki godi bi Poličanin, ke choć vrste budi*“, или, *koje hoće vrste čovik*—говорятъ статьи 18 и 91 Полицкаго статута. (Сводъ слав. зак. 404, 414—415).

Совершенно неосновательно также утверждение Леонтовича, будто въ Полицкомъ Статутѣ слова „*razlog i zagrok*“, которыя и теперь употребительны, означаютъ законъ, а также будто Полицкое вѣче называлось „*kur, skup*“. (63, 77). Но нигдѣ филологическія натяжки Леонтовича не поражаютъ насъ въ такой степени какъ въ его толкованіи 100-й статьи Полицкаго статута. По его мнѣнію въ этой статьѣ „несомнѣнно ставится вопросъ о первоначальномъ происхожденіи верви изъ взаимнаго договора самостоятельныхъ хозяевъ жить въ вервной двужинѣ, какъ это явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ: „*ako bi dionici od sela, svi sestavši, dogovorili se obćeno zajedno (zajedin!)*, i tako bi mogli učiniti u svemu selu ča im drago“. (124, 126. О значеніи верви по Р. Правдѣ и Полицк. статуту 10). Поставивъ вмѣсто *zajedno*—„*zajedin*“, Леонтовичъ переводитъ слова „*dogovorili se obćeno zajedno (zajedin)*—договорились жить въ вервной дружинѣ. Но слово „заядно=купно=вмѣстѣ—есть нарѣчіе и замѣна его существительнымъ „заядинъ“ является совершенно неосновательною (*dogovorili se obćeno zajedin*—не имѣетъ смысла). Мы предлагаемъ здѣсь дословный переводъ статьи 100-й безъ всякихъ измѣненій въ текстѣ, изъ котораго видно, что статья эта ни прямо ни косвенно не касается задруги:

I da niktor neima učiniti novoga sela; odlože ako bi bilo selo sve jednoga čovika; on bi volan na svojoj plemenščini veće ludi naseliti. Ali pake, ako bi dionici od sela, svi sestavši, dagovorili se obćeno zajedno: i tako bi mogli učiniti u svemu selu, ča im drago; odlože

grad, ali novi carine, ali trg ovine, ali pak niké ine novščine, ča bi proti občini. Свод. слав. зак. 416).

Никто не можетъ устроить новаго села; развѣ если бы все село было одного человѣка, онъ можетъ на своей племенщинѣ поселить больше людей. Но если бы діоники (соучастники) села, собравшись всѣ, сговорились (порѣшили) всѣ вмѣстѣ сообща: тогда могутъ дѣлать въ своемъ селѣ, все что имъ угодно, кромѣ укрѣпленія или новаго мыта и другихъ нововведеній, которыя были бы противъ общины (Полицейской).

Кромѣ неправильностей въ толкованіи текстовъ, сочиненіе Леонтовича представляетъ еще другой недостатокъ: идеализацію внутреннего устройства Полицейской Общины, сохранившей, по его словамъ, въ наибольшей чистотѣ древнеславянскіе обычаи. „Историческая жизнь Полицы, говоритъ онъ, представляетъ послѣдовательное (?) и правильное (?) развитіе сельско-общиннаго быта, которымъ жили когда-то всѣ славяне. Полицкій статутъ не знаетъ иныхъ интересовъ, помимо интересовъ своей жупы съ отдѣльными общинами. Полица изстари чуждалась (?) городовъ и городской жизни; она не только не видѣла надобности (?) въ городахъ, но даже положительно отвергала (?) городской бытъ; какъ форму жизни, не сродную (?) съ изстародавней обычной жизнью своей общины. Полицкій статутъ прямо запрещаетъ учрежденіе „градовъ“ видитъ въ нихъ „новщину, ча би проти обѣни“. (68, 69).

Оказывается такимъ образомъ, что запрещая возводить укрѣпленія (грады), поличане имѣли въ виду воспрепятствовать развитію у себя городской жизни, такъ какъ они знали изъ исторіи другихъ славянъ, что воздвиженіе градовъ непременно влекло за собою въ послѣдствіи развитіе городской жизни, столь несродной съ исконными обычаями предковъ. Но жители Полицы далеко не были мирными сельскими обывателями, предпочитающими тихую скромную деревенскую жизнь,

шумной развращающей жизни городовъ. Самъ Леонтовичъ замѣчаетъ, что „въ XII—XIV вѣкахъ поличане извѣстны были главнымъ образомъ морскими разбоями и вмѣшательствомъ въ распри и войны сосѣднихъ хорватскихъ и сербскихъ жупановъ и князей“. (62), Внутренняя жизнь Полицкой жупы также далеко не представляла изъ себя образчика мирной сельской идилліи и буйство и неповиновеніе органамъ центральной власти составляли отличительную черту поличанъ у себя дома. Въ этомъ именно и кроется одна изъ причинъ запрещенія воздвигать грады или укрѣпленія, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, общественная власть не была бы въ состояніи бороться и обуздывать своеволія поличанъ и потеряла ту не большую сравнительно долю авторитета, какою она пользовалась въ Полицѣ.

Приведенные примѣры, кажется, въ достаточной степени оправдываютъ высказанную нами въ началѣ мысль, что обращеніе, при разработкѣ исторіи русскаго права, къ сочиненіямъ, посвященнымъ изученію древнихъ славянскихъ законодательствъ, можетъ скорѣе принести вредъ, нежели пользу. Исторія славянскихъ законодательствъ тогда только будетъ въ состояніи пролить правильный свѣтъ на темные вопросы древняго періода нашей исторіи, когда въ ея основаніе будутъ положены достовѣрные и правильно истолкованные памятники древняго права. Непосредственное знакомство съ этими памятниками приводитъ насъ къ заключенію, что многіе изъ выводовъ писателей-юристовъ должны быть забыты, другіе во многомъ измѣнены. Будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ вновь переработать институты древняго славянскаго права, при чемъ, конечно, прежде всего слѣдуетъ очистить науку отъ накопившихся въ теченіе полустолѣтія невѣрныхъ мнѣній, гипотезъ и заключеній. Но первымъ условіемъ для этого является извѣстная филологическая подготовка,

которая бы позволяла юристамъ правильно истолковывать древніе памятники. Ученые, незнакомые основательно съ славянскими нарѣчіями и которые по этому не въ состояніи критически относиться къ сочиненіямъ разныхъ славистовъ, должны пока воздерживаться отъ пользованія этими послѣдними, такъ какъ въ противномъ случаѣ выводы ихъ могутъ оказаться построенными на пескѣ.

Въ послѣднее время древнее славянское право обратило на себя особенное вниманіе нѣкоторыхъ ученыхъ, занимающихся разработкой всеобщей исторіи права. Мы убѣждены, что, возможно широкое примѣненіе историко-сравнительнаго метода должно оказать весьма важную услугу наукѣ права, но лишь подѣ условіемъ, чтобы выводы дѣлались на основаніи критически провѣреннаго матерьяла. Та неразборчивость въ выборѣ фактовъ, которая составляетъ отличительную черту новѣйшихъ изслѣдованій по исторіи права, поневолѣ подрываетъ вѣру въ правильность и научность обобщеній, дѣлаемыхъ на основаніи этихъ фактовъ. Интересно, что скажутъ ученые, когда имъ будетъ доказано, что многіе изъ циркулирующихъ теперь мнѣній о древнемъ славянскомъ правѣ на столько же могутъ претендовать на научность, какъ и рассказы и басни путешественниковъ, наблюдавшихъ бытъ дикарей, безъ знакомства съ ихъ языкомъ, въ теченіе одной или двухъ недѣль? Сравнительный методъ— орудіе обоюдо-острое и онъ очень легко можетъ привести къ ошибочнымъ и несотвѣтствующимъ дѣйствительнымъ фактамъ заключеніямъ. Институты древняго славянскаго права тогда только займутъ подобающее имъ мѣсто во всеобщей исторіи права аріійскихъ народовъ, когда каждый изъ этихъ институтовъ будетъ разработанъ и объясненъ на основаніи достовѣрныхъ источниковъ, при чемъ главное мѣсто будетъ принадлежать законодательнымъ памятникамъ.

Въ предлагаемой книгѣ мы попытались рассмотреть на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ памятниковъ одно изъ инте-

реснѣйшихъ учрежденій древняго права вообще, а именно институтъ круговой поруки. Вопросъ этотъ; какъ извѣстно, является однимъ изъ самыхъ запутанныхъ въ славянской историко-юридической литературѣ. Изъ всего сказаннаго нами раньше читателю не трудно будетъ понять, почему нашъ трудъ принялъ отчасти характеръ филологическаго изслѣдованія. Мы желали сгруппировать и разяснить тѣ изъ постановленій древнихъ славянскихъ кодексовъ, которыя относятся къ занимающему насъ вопросу. Толкуя отдѣльныя статьи, мы старались придерживаться текста закона. При стремленіи нашемъ воздерживаться по возможности отъ гипотезъ и предположеній, мы не могли заняться изслѣдованіемъ тѣхъ сторонъ вопроса, относительно которыхъ мы не нашли прямыхъ и ясныхъ указаній въ разбираемыхъ нами памятникахъ.

Взгляды разныхъ славянскихъ ученыхъ на институтъ круговой поруки у древнихъ славянъ.

Подъ институтомъ круговой поруки славянскіе ученые разумѣютъ круговую отвѣтственность древнихъ территоріальныхъ обществъ за совершенныя въ ихъ округѣ преступленія. Уже первые изслѣдователи славянскаго права—Палацкій, Мацѣй-овскій и Иванишевъ признали этотъ институтъ исключительно принадлежностью древняго славянскаго быта.

„Общая порука, или общее поручительство (*obecná, poruka, ruka společná, neb ručení společně, universalis fidejussio, die Gessammtbürgschaft*) говоритъ Палацкій, было особенное учрежденіе древнихъ славянъ, по которому вся „*honitva, okolina* или *vicinia*“, т. е. всѣ сосѣди и жители одной деревни или одного уѣзда (округа, хотара, *territorium*) должны были сообща ручаться и отвѣчать за всѣ правонарушенія, содѣянные въ ихъ округѣ. А если не могли сыскать и представить къ суду самого виновника, обязывались всѣ сообща платить за такое злодѣяніе штрафъ“ (*Palacký, Dějiny, I, ч. 2. Příloha „A“*).

Такъ же понимаетъ круговую или „общую“ поруку и Иванишевъ, который противопоставляетъ круговую отвѣтственность территоріальныхъ союзовъ подобной же отвѣтственности первобытныхъ родовыхъ обществъ, полагая, что перваго рода круговая порука есть національный славянскій институтъ; круговая же отвѣтственность отдѣльныхъ родовъ является германскимъ учрежденіемъ, неизвѣстнымъ древнимъ

памятникамъ славянскаго законодательства (16—20, 27—28, 51, 57—58, 65, 75—76, 105—108).

Относительно происхожденія института круговой поруки упомянутые писатели ограничились замѣчаніемъ, что учрежденіе это „вытекло изъ особенныхъ чертъ характера славянской расы, у которой, въ противоположность нѣмцамъ, солидарность, основанная на естественномъ чувствѣ справедливости, всегда стояла на первомъ планѣ „(Мацѣйовскій, *Hist. prawod. I*, 450).

Майковъ, если не ошибаемся, былъ первый славянскій ученый, представившій намъ подробное описаніе характера и происхожденія круговой поруки. Основательное знакомство съ древними памятниками сербскаго законодательства убѣдило этого писателя, что начала круговой поруки территоріальныхъ союзовъ слѣдуетъ искать въ древнемъ родовомъ устройствѣ славянъ. У древнихъ славянъ, говоритъ Майковъ, „каждый отдѣльный, родовой союзъ представлялъ собою одно замкнутое цѣлое, члены котораго, связанные воедино, должны были добывать, кормиться и отвѣчать всѣ вмѣстѣ. Вотъ естественное начало круговой поруки, которая взялась изъ основы славянскаго быта, ему только присуща и имъ только объяснима. Впослѣдствіи изъ этой родовой круговой поруки развилась и „гражданская, общая“ круговая порука, или та, въ которой за виновнаго отвѣчала цѣлая околица или цѣлый округъ. Какъ прежде родъ представлялся однимъ цѣльнымъ тѣломъ, такъ и околица или городъ представлялись недѣлимымъ цѣлымъ. Мысль общности отъ рода была перенесена и на нихъ. Конечно это было уже нѣчто искусственное, но возможность этого условливалась памятью о древнихъ родахъ, которые жили отдѣльными общинами, слѣдовательно представляли собою сплошное населеніе, помѣщавшееся въ одной главной окружной межѣ. Разница только та, что внутренняя связь древнихъ родовъ была родственная, теперь же связь околицъ или городовъ была

гражданская, юридическая. Общая порука состояла въ томъ, что весь городъ, либо вся околица, т. е. одно или нѣсколько селъ, или даже цѣлый округъ отвѣчалъ за преступленіе, совершенное на ихъ землѣ, или ихъ человѣкомъ; они должны были или выдать виновнаго головою, или, въ случаѣ его неявки, внести за него пеню“. (132—134).

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ появленія сочиненія Майкова, чешскій ученый Герменегильдъ Иречекъ представилъ намъ общую характеристику института круговой поруки, напоминающую въ главныхъ чертахъ ученіе Майкова о ней. Иречекъ, подобно Майкову, ищетъ „начала общей поруки въ прастаромъ устройствѣ славянскихъ родовъ, оказывавшихъ защиту и помощь всѣмъ своимъ членамъ, какъ хорошимъ такъ и дурнымъ. Если случалось какому-нибудь члену совершить преступленіе, то родъ принималъ на себя отвѣтственность и скорѣе соглашался платить штрафъ, нежели выдать преступника“. (Slov. pravo, I, 161—162)¹⁵⁾.

Въ качествѣ главнаго доказательства славянскаго происхожденія круговой поруки большинство ученыхъ ссылается на сочиненія нѣмецкихъ писателей, главнымъ образомъ Фейербаха, который будто бы отрицалъ существованіе этого института у всѣхъ германскихъ народовъ, за исключеніемъ англо-саксовъ. „Прощѣтаніе“ круговой поруки у послѣднихъ слависты объясняютъ сильнымъ вліяніемъ славянскаго права на древнее англо-саксонское.

Мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь подробно содержаніе сочиненія Фейербаха „о круговой поруки“, такъ какъ мы положительно недоумѣваемъ, какимъ образомъ слависты могли сослаться на это сочиненіе въ подтвержденіе взгляда, что круговая порука въ томъ видѣ, какъ она является въ славянскихъ памятникахъ, не свойственна германскимъ народамъ и тождественна съ системою англійскихъ деценъ. Знаменитый трудъ Фейербаха „De universali fidejussione, quam germanice Gesammtbürgschaft vocant“, изданный въ

1826 г., отличается рѣдкимъ безпристрастіемъ и, что удивительно для того времени, авторъ старается постоянно примѣнять сравнительный методъ, ссылаясь на учрежденія грековъ, римлянъ, шотландцевъ, славянъ и даже монгольскихъ народовъ. Для насъ представляетъ особенный интересъ глава II: *De vestigiis universalis fidejussionis in antiquitatis monumentis obviis*. Здѣсь Фейербахъ проводитъ строгое различіе между круговой порукой, развившейся естественно на почвѣ родового быта и вообще присущей некультурнымъ народамъ, и круговою порукою англійскихъ децентовъ, носящую характеръ чисто правительственной полицейской мѣры. У древнихъ германцевъ, говоритъ Фейербахъ, при полномъ господствѣ производа, каждый, желавшій оградить свою безопасность, искалъ близкаго соединенія съ другими ради взаимной защиты. Но при такомъ положеніи вещей, люди связанные отъ природы узами крови и общностью интересовъ, должны были сомкнуться въ болѣе тѣсный союзъ для защиты себя и своего имущества. Въ случаѣ нанесенія оскорбленія извнѣ одному изъ нихъ весь родъ, составлявшій какъ бы одно лицо, считалъ себя оскорбленнымъ и мирился съ врагомъ и его родомъ только послѣ полученія удовлетворенія. Отсюда само собою вытекало, что, въ случаѣ нанесенія обиды члену чужаго рода, остальные родственники, непричастные въ этомъ дѣлѣ, рассматривались однако какъ соучастники и должны были, въ свою очередь, удовлетворить членовъ обиженнаго рода, ради собственной же безопасности. Такимъ образомъ всякій родъ не только отвѣчалъ за преступленія всѣхъ своихъ членовъ, но и имѣлъ право требовать удовлетворенія въ случаѣ оскорбленія или убійства одного изъ нихъ¹⁶⁾. Вначалѣ, по всему вѣроятію, связанные такою круговою порукою жители отдѣльныхъ селеній состояли изъ родственниковъ; но мало по малу эти природные союзы стали проникаться чуждыми элементами, такъ что съ теченіемъ времени, хотя сознаніе родства между жителями отдѣльныхъ селеній исчезло, но

круговая отвѣтственность сосѣдей и право на полученіе виры остались ¹⁷⁾. Далѣе Фейербахъ указываетъ еще на особенность нрава нецивилизованнаго человѣка, какъ на одну изъ причинъ возникновенія круговой отвѣтственности сосѣдей. Дикій человѣкъ, говоритъ онъ, въ случаѣ совершенія кѣмъ либо преступленія, мститъ сперва самому виновнику, но не будучи въ состояніи овладѣть имъ, простираетъ свою месть на его родственниковъ и вообще на всѣхъ лицъ, связанныхъ съ преступникомъ какимъ нибудь общимъ интересомъ. Такой порядокъ вещей долженъ былъ существовать и у германцевъ, такъ что за преступленіе приходилось отвѣчать не только родственникамъ и близкимъ людямъ, но и всѣмъ жителямъ марки (*commarcani*, *Markgenossen*). Въ особенности въ случаѣ убійства всѣмъ сосѣдямъ угрожали враждебныя дѣйствія со стороны родственниковъ убитаго, такъ какъ считалось безчестнымъ оставить безъ мщенія убитаго родственника ¹⁸⁾. Если такимъ образомъ не оказывалось на лицо ни виновника, ни близкихъ ему лицъ, которыя могли бы удовлетворить обиженныхъ, всѣ сосѣди видѣли себя вынужденными уплачивать пеню, если только не желали подвергать себя общей опасности. „*Ex eadem causa*, продолжаетъ Фейербахъ, *aliud etiam societatum natum esse videtur onus, quod passim in antiquis Germanorum legibus invenimus. Facto enim homicidio, cujus autor ignotus est, tota universitas, in cujus territorio occisus jacet, ad multam praestandam obligata est*“. Указавъ на 75 тит. салическаго закона (*De hominem inter duas villas occisum*) и на другія сходныя постановленія, авторъ далѣе замѣчаетъ, что этотъ обычай существовалъ не только у германцевъ, но и другихъ народовъ, и при этомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, ссылагся на сочиненія Палласа (*Pallas*) и Шомэтта-Фоссэ (*Chaumette des Faussés*) ¹⁹⁾. Совершенно иной характеръ, по словамъ Фейербаха, носитъ круговая порука англійскихъ деценъ, о которой говоритъ 20 глава законовъ Эдуарда Исповѣдника. Она не имѣетъ ни-

чего общаго съ только что разсмотрѣнной и установлена правительственною властью ради общественной безопасности, какъ одна изъ чисто полицейскихъ мѣръ. Это учрежденіе десятиль, искусственно созданное правительствомъ, не встрѣчается ни въ древней Англіи, ни вообще у какого бы то ни было германскаго народа ²⁰).

И такъ мы видимъ, что Фейербахъ не только не отрицалъ существованія у древнихъ германцевъ круговой отвѣтственности территоріальныхъ союзовъ, но гораздо раньше славянскихъ ученыхъ указалъ на связь такого рода круговой поруки съ замкнутостью древнихъ независимыхъ родовыхъ обществъ. Законодательные памятники германскаго права, на которые ссылается знаменитый ученый, не оставляютъ сомнѣній въ томъ, что институтъ круговой поруки былъ извѣстенъ и древнимъ германскимъ законодательствамъ. 75-й титулъ салическаго закона („De hominem inter duas villas occisum“) гласить:

De hominem inter duas villas occisum. Sicut adsolet, homo juxta villa aut inter duas villas proximas sibi vicinas fuerit interfectus, ut homicida illa non appareat, sic debet judex, hoc est comis aut grafio ad locum accedere et ibi cornu sonare debet. Et si vinerit qui corpus cognuscit occisi, sic parentibus in noticia ponatur. Si vero non venerit qui corpus cognoscat, tunc vicini illi, in quorum campo vel exitum corpus inventum est, debent facere bargo quinos pedes in altum et praesencia judicis levare corpus. Et debet judex nuntiare et dicere: „homo iste in vestro agro vel in vestibulo est occisus; contestor ut usque in septem noctes non reponatis et de homicidium istud vos admallo, ut in mallo proximo veniatis et vobis de lege dicatur quod observare debeatis“. Tunc vicini illi, quibus nunciatur a iudice ante XL noctes qui meliores sunt cum sexaginos quinos se exuant, quod nec occidissent nec sciant qui occidissent; minofidis vero quinos denos iuratores donent. Quod, ut superius diximus, id est qui jurant, si istud ante XL noctes non fecerint, noverint se persona requirenti legibus satisfacere. Si vero iurant, quod superius diximus et se per sacramentum idoniaverint, nulla eis compositio requiratur (См. Lex

Salica, herausgegeben von Fr. Behrend, nebst den Capitularien zur Les Salica bearbeitet von A. Boretius. 94. У Перца, (Monumenta Germaniae historica. T. IV., стр. 4—5).

Сходныя же постановленія объ отвѣтственности территориальныхъ общинъ за убійство, совершенное на ихъ землѣ, встрѣчаются и въ законодательныхъ памятникахъ другихъ германскихъ народовъ ²¹⁾. „Порука марковыхъ общинъ, говорить извѣстный знатокъ исторіи германскаго права, Георгъ Мауреръ, встрѣчается повсюду, гдѣ вообще существовали полевые общины, съ которыми она въ тѣснѣйшей связи. Мы встрѣчаемъ эту поруку въ сѣверномъ правѣ, особенно у датчанъ и шведовъ. Каждая марковая община должна была отвѣчать, когда въ ея предѣлахъ совершалось убійство, а преступникъ оставался неизвѣстнымъ. Въ такомъ случаѣ община, если она не хотѣла или не могла представить виновнаго въ судъ, была обязана возмѣщать причиненный убійцею ущербъ или уплачивать извѣстную пеню. Та же отвѣтственность селеній встрѣчается у англо-саксовъ, у вестготовъ и вѣроятно у всѣхъ германскихъ народовъ“. (Введеніе въ исторію общин., подворн., сельск., и городск. устройства. 170—171 ²²⁾).

Круговая отвѣтственность марковыхъ общинъ у германцевъ не ограничивалась дѣлами объ убійствѣ, но распространялась и на случаи воровства, какъ это намъ доказываютъ слѣдующія два предписанія древняго франкскаго права:

Similiter convenit, ut si furtum factum fuerit, capitale de praesente centena restituat et causa centenarius cum centena requirat. Pari conditione convenit, ut, si centena posita in vestigia in alia centena aut quos fidelium nostrorum ipsum vestigium miserit, et eum ad alia centena minime expellere potuerit, aut convictus reddat latronem, aut capitale de praesente restituat, et cum duodecim personas se ex hoc sacramento exuat. (Childeberti II regis decretio, cap. 12, 11. Перцъ Monum. T. III, 10).

Decretum est, ut, quia ad vigiliis constitutas nocturnos fures non aperient, eo quod per diversa intercedente concludio scelera sua prae-

termisſas custodias exercerent, centenas fierent. In cujus centena aliquid deperierit, capitale qui perdiderat recipiat. Et latro si in alterius centenam appareat deduxisse, et ad hoc admonitus si neglexerit, quinos solidos condempnetur capitale tamen qui perdiderat a centena ilia recipiat absque dubio hoc est de secunda vel tertia. (Decretio Chlotarii regis, c. I, Перцъ, III, 11).

Мы замѣтили выше, что по словамъ славянскихъ ученыхъ, круговая порука, „кромѣ славянскихъ народовъ процвѣтала еще у древнихъ англо-саксовъ въ Англіи, которыхъ все законодательство, къ немалому удивленію, представляетъ громадное сходство съ славянскимъ и при томъ въ тѣхъ самыхъ пунктахъ, въ которыхъ отступаетъ оно отъ обще-германскаго“. (Palacký, Dějiny. I, 308).

Такое сходство Палацкій и Мацѣйовскій объясняютъ заимствованіемъ древними англо-саксами правовыхъ учрежденій отъ славянъ и именно полабскихъ, переселившихся еще въ V столѣтіи въ Великобританію и сохранившихъ тамъ во всей чистотѣ древне-славянскій общинный бытъ съ судомъ присяжныхъ и круговой порукой. (Maciejowski, Pamiętniki II, 288, 296 — 303; Pierwotne dzieje, 263, 306 — 311. Historya prawod. slow. III, 340 — 347; Palacký, Dějiny, Příloha „A“) ²³). Это отождествленіе круговой поруки первоначальныхъ территоріальныхъ союзовъ у славянъ съ системою англійскихъ десятинь является одною изъ грубѣйшихъ историческихъ ошибокъ, которой ученымъ легко было избѣжать, если бы они приступили къ чтенію вышеупомянутой книги Фейербаха безъ предвзятой мысли о славянизмѣ круговой поруки. Ухватившись за слова этого ученаго, что система англійскихъ деценъ не встрѣчается ни у одного изъ германскихъ народовъ, слависты сейчасъ же отождествили ее съ постановленіями славянскаго права о круговой поруцѣ, игнорируя совершенно ту характеристику этого института, какая была представлена Фейербахомъ. Послѣдній видѣлъ въ ней простую полицейско-административную мѣру, установленную правительствомъ для водворенія общественной

безопасности и не встрѣчающуюся въ древнихъ памятникахъ англійскаго законодательства. Такъ же точно смотритъ на этотъ институтъ и Вайцъ, считающій его „продуктомъ продолжительнаго, послѣдовательно проведеннаго полицейскаго законодательства“ (Deutsche Verfassungsgeschichte, 481) ²⁴). Установленіе деценъ въ Англіи писатель этотъ относитъ лишь ко времени норманскаго завоеванія. По мнѣнію Пальгрева, институтъ этотъ является „ограниченіемъ тѣхъ классовъ, которые, по своему положенію, внушали первоначально подозрѣніе и недовѣріе. Онъ былъ только системой, имѣвшей въ виду держать народъ въ подчиненіи и отвѣчавшей хорошо этой цѣли. (Palgrave, Т. II, 126). Тотъ же писатель утверждаетъ, что система деценъ дѣйствовала далеко не во всемъ королевствѣ, а лишь въ мѣстностяхъ къ югу отъ рѣки Трентъ (I, 203). „Неблагодарное отношеніе населенія къ этой, стѣснительной для личной свободы и тяжелой для частной собственности мѣрѣ, говоритъ Ковалевскій, могло воспрепятствовать практическому примѣненію этого учрежденія въ нѣкоторыхъ графствахъ“ (I, 203). Но лучшимъ доказательствомъ того, что круговая отвѣтственность деценъ была искусственнымъ государственнымъ учрежденіемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ круговою порукою первоначальныхъ общественныхъ организмовъ, можетъ служить предлагаемый нами текстъ закона Эдуарда Исповѣдника объ отвѣтственности деценъ:

De fridborgis, ed quod soli Eboracenses vocant fridborch tenmenne tale, i. e. sermo decem hominum. Alia pax maxima est, per quam omnes firmiori statu sustentantur: scilicet fidejussionis stabilitate, quam Angli vocant fridborgas, preter Eboracenses qui vocant eam tenmanne tale, hoc est, numerum X hominum. Et hoc est, quod de omnibus villis totius regni sub decennali fidejussione debeant omnes esse, ita quod si unus ex decem forisfecerit, novem eum haberent ad rectum. Quod si aufugeret, et dicerent quod non possent eum habere ad rectum, daretur eis ad minus a justitia regis spacium XXX dierum et unius diei. Et si possent eum invenire, adducerant eum ad justiciam. Ipse

quidem de suo restauraret dampnum quod fecerat, et de corpore suo fiat justicia, si ad hoc forisfecerit. Si autem infra supradictum terminum inveniri non poterit, quia in omni fridborge unus erat capitalis quem ipsi vocabant fridborgheued, ipse capitalis acciperet duos de melioribus in suo fridborge et de tribus fridborgis propinquioribus vicinis suis accipiat de unoquoque capitalem, et similiter duos de melioribus, si poterit eos habere, et se duodecimo expurget se et fridborgum suum, si facere poterit, de forisfacto et fuga supradicti malefactoris. Quod si facere non poterit, restauraret dampnum quod ipse fecerat de proprio forisfactoris quantum duraverit, et de suo; et erga justiciam emendent, secundum quod legaliter judicatum fuerit eis. Et tamen sacramentum quod non potuerunt complere per vicinos, per se ipsos novem jurent se esse immunes. Et si aliquem potuerint recuperare, adducent eum ad justiciam, si potuerint, aut dicent justicie ubi sit. (XX. cap. legg. Edwardi Confessoris. Thorpe, 194).

Изъ всего сказаннаго достаточно ясно видно, что взгляды славянскихъ ученыхъ, проводившихъ параллель между круговою отвѣтственностью древнихъ общинъ у славянъ и англійскихъ деценъ, не выдерживаютъ критики, такъ какъ учрежденія эти не имѣютъ между собой ровно ничего общаго. Но за то, въ свою очередь, мы имѣемъ полное право проводить аналогію между вышеприведенными предписаніями древняго германскаго права о круговой поруцѣ территоріальныхъ общинъ и постановленіями древнихъ славянскихъ памятниковъ о ней. Вотъ почему мы никакъ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ Палацкаго, будто все древнее англо-саксонское законодательство представляетъ сходство съ славянскимъ „въ тѣхъ самыхъ пунктахъ, въ которыхъ отступаетъ оно отъ обще-германскаго“. Наоборотъ, учрежденія древнихъ англо-саксовъ, перенесшихъ, по словамъ Маурера, въ Англію основныя германскія идеи о круговой поруцѣ²⁵⁾, проявляютъ сходство съ древне-славянскимъ правомъ именно тамъ, гдѣ онѣ не отступаютъ отъ обще-германскаго законодательства, т. е. въ дѣлѣ отвѣтственности родовыхъ и общинныхъ союзовъ. Такого рода круговая порука, являющаяся въ свою

очередь не болѣе, какъ продуктомъ извѣстной ступени общественнаго развитія, и лишенная всякой національной окраски, встрѣчается и теперь, въ разныхъ видахъ, у многихъ современныхъ намъ народовъ.

О круговой поруки первобытныхъ обществъ вообще.

Институтъ круговой поруки игралъ весьма важную роль въ исторіи развитія человѣческихъ обществъ. Слѣды его хотя и въ настоящее время можно отыскать въ правовыхъ учрежденіяхъ многихъ цивилизованныхъ народовъ, но полное господство этого института относится къ періоду общиннаго, въ особенности же родового быта. Если въ періодъ государственной жизни народовъ на первомъ планѣ стоитъ отдѣльная индивидуальная личность человѣка, со всѣми ея правами и полною отвѣтственностью за всѣ поступки, то въ болѣе раннія эпохи мы замѣчаемъ совершенно обратное явленіе. Здѣсь отдѣльными правовыми субъектами являются родъ, а затѣмъ община. Въ первоначальныхъ родовыхъ союзахъ, собственно говоря, и не существуетъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ личностей, „Индивидуальный человѣкъ (*der individuelle Mensch*), по вѣрному замѣчанію Поста, есть изобрѣтеніе только государственнаго быта. Въ родовомъ быту отдѣльное лицо на столько является сросшимся съ своими сородичами, что, отдѣлившись отъ нихъ, оно не можетъ болѣе существовать“ (*Der Ursprung des Rechts* 31). Такимъ образомъ первобытное общество не слѣдуетъ разсматривать, подобно настоящему, за собраніе отдѣльныхъ чиндивидовъ, а за собраніе отдѣльныхъ родовъ. „Этотъ контрастъ можно выразить сильнѣе, говоря, что единицею древняго общества былъ родъ, а новаго отдѣльный индивидъ“ (*Maine, ancient law*, 126).

Въ силу этого начала мы и видимъ, что въ первобытныхъ обществахъ, организація которыхъ покоится на кровномъ родствѣ, не существуетъ вообще никакихъ индивидуальныхъ

правъ и обязанностей; мы не находимъ въ нихъ ни индивидуальной собственности, ни индивидуальных преступленій, ни индивидуальной отвѣтственности. Одинъ только родовой союзъ является здѣсь носителемъ извѣстныхъ правъ и обязанностей. „Все что направляется противъ одного изъ членовъ рода, считается направленнымъ противъ цѣлаго союза, и наоборотъ, все, что предпринимаетъ членъ одного рода противъ члена другаго, разсматривается какъ дѣло цѣлаго союза. Всякая собственность является здѣсь собственностью рода, всякая вина виною цѣлаго рода... Исторія развитія нашей личной индивидуальности изъ коммунизма примитивныхъ родовыхъ союзовъ есть исторія человѣческой личности“. (Post, Bausteine für eine allgem. Rechtswissenschaft. I, 74).

Это основное начало родового быта съ особенною ясностью выступаетъ при кровной мести, которая направляется противъ всего родового союза виновника, безъ различія—являются ли отдѣльные члены соучастниками или нѣтъ, и исполненіе которой есть священная обязанность каждаго изъ членовъ потерпѣвшаго рода. Такимъ образомъ кровная месть „носитъ дѣйствительно характеръ войны между двумя родами, во время которой также мало обращается вниманія на вину отдѣльнаго члена, какъ и на вину врага въ войнѣ между двумя государствами“. (Post, Bausteine, I, 145).

Такъ какъ взаимное исполненіе мести часто влечетъ за собою поголовное истребленіе цѣлыхъ родовъ и несовмѣстимо съ существованіемъ даже первыхъ началъ гражданственности, то кровная месть должна мало по малу уступить мѣсто денежному выкупу, при чемъ обязанность платить первоначально опять таки ложится на весь родъ и только постепенно суживается кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ платежѣ пени.

Родовой бытъ, съ его чисто кровными, патріархальными отношеніями съ теченіемъ времени начинаетъ ослабѣвать, союзъ родовъ обращается въ общинный, въ чисто террито-

ріальний, въ которомъ сознаніе родовой связи теряется, ее смѣняетъ земля, заступающая мѣсто родства. Начало этой важной перемены въ жизни народовъ мы должны отнести къ моменту окончательнаго занятія племенемъ опредѣленнаго пространства земли ²⁶). Но такой переходъ совершается не вдругъ, а исподоволь, при чемъ многіе институты продолжаютъ дѣйствовать и впослѣдствіи, хотя часто въ значительно измѣненномъ уже видѣ. Къ числу такихъ учреждений принадлежитъ и институтъ круговой поруки. Подобно прежнимъ родовымъ союзамъ и отдѣльныя самостоятельныя территоріальныя общины представляютъ собой одно замкнутое цѣлое, члены котораго, по отношенію къ другимъ общинамъ, связаны круговою порукою. Община не отвѣчаетъ лишь за изгнанныхъ изъ своей среды членовъ, подобно тому какъ и въ родовыхъ союзахъ отдѣльные роды снимаютъ съ себя отвѣтственность за исключеннаго члена, который становился въ исполнѣ беззащитное положеніе и убійство котораго не навлекало на себя ничьей мести. Но въ основаніи круговой поруки общинъ лежитъ уже не общность происхожденія, а отношенія сосѣдства и общинное землевладѣніе. Впрочемъ эта „мірская“ круговая порука не исключаетъ возможности существованія на ряду съ нею и круговой поруки, основанной на единствѣ крови. Такъ напр., у славянъ, вмѣстѣ съ отвѣтственностью территоріальныхъ союзовъ, существовала и отвѣтственность отдѣльныхъ семейныхъ общинъ, члены которыхъ были связаны круговою порукою. Подобныя же порядки мы замѣчаемъ не только въ древнихъ памятникахъ индійскаго законодательства, но и въ современной Индіи ²⁷). Совершенно справедливо замѣчаетъ Постъ, что въ обществахъ, организація которыхъ покоится на сочетаніи двухъ элементовъ, родоваго и общиннаго, тѣмъ сильнѣе выступаетъ вперёдъ родовая круговая порука, чѣмъ сильнѣе родовые элементы берутъ верхъ надъ общинными и наоборотъ. (Post, Bausteine, II, 213).

Съ развитіемъ человѣческихъ обществъ все болѣе и болѣе приобрѣтаетъ значенія индивидуальная личность человѣка, между тѣмъ какъ институтъ круговой поруки отодвигается на задній планъ. Но и въ государственномъ быту народовъ онъ долго еще продолжаетъ дѣйствовать. Правда, съ усиленіемъ центральной власти на счетъ правъ отдѣльныхъ общинъ, круговая порука, эта главная основа всякой древней общинной жизни, мало по малу утрачиваетъ первоначальный свой характеръ и становится уже повинностью общинъ, которыя постепенно превращаются въ простые административные округа. Центральная власть вначалѣ бываетъ вынуждена, при неразвитости государственнаго организма, исполненіе извѣстныхъ государственныхъ задачъ возлагать на отдѣльныя территоріальныя общины, которыя и отвѣчаютъ за всякое упущеніе въ этомъ дѣлѣ. Сюда въ особенности относятся заботы объ охраненіи общественнаго порядка и благочинія и нѣкоторыя другія дѣла, о которыхъ упоминаютъ древніе славянскіе памятники. Памятники эти же свидѣлствуютъ, какъ съ теченіемъ времени въ нѣкоторыхъ славянскихъ государствахъ институтъ круговой поруки, благодаря доходности штрафовъ и жадности правительственныхъ чиновниковъ, сдѣлался невыносимымъ бременемъ для мѣстныхъ жителей. Извѣстное селеніе должно было платить штрафъ, если вообще какое-либо преступленіе совершалось въ его округѣ; мало этого, если трупъ, напр., бывалъ подброшенъ, то и тогда взыскивалась пеня. Вотъ почему съ средневѣковой Чехіи, напримѣръ, съ введеніемъ нѣмецкаго права, которое и „слышать не хотѣло объ общественной поруцѣ, народъ самъ усиливался избавиться отъ такого источника безчисленныхъ притѣсненій и основаться на другомъ правѣ, которое обѣщало больше личной свободы“. (Palascku, Dějiny, I, 280).

Въ настоящее время институтъ круговой поруки, въ разныхъ видахъ, продолжаетъ дѣйствовать у многихъ народовъ. И во первыхъ у южныхъ славянъ, многія правовыя учреж-

денія которыхъ носятъ доселѣ отпечатокъ глубокой старины и начало которыхъ можно отнести чуть ли не къ эпохѣ общеплеменной жизни славянъ. Такъ напримѣръ, институтъ кровной мести находится здѣсь въ полной силѣ. Изъ сборника современныхъ правовыхъ обычаевъ южныхъ славянъ Богишича мы узнаемъ, что въ Черногоріи и Герцоговинѣ народъ смотритъ на исполненіе кровной мести не только какъ на природную обязанность, но и какъ на религіозный долгъ; вотъ почему здѣсь и существуетъ поговорка: *Ko se osveti, taj se posveti*. „Если сынъ за отца, братъ за брата, родственникъ за родственника, побратимъ за побратима не совершитъ осветы (кровной мести) въ теченіе года, онъ смотритъ на себя какъ на самаго низкаго и негоднаго человѣка, который долженъ стыдиться даже сельскихъ женщинъ“ ²⁸). Освета бываетъ изъ за убійства, нанесенія ранъ и увѣчий или вообще нанесенія позора какимъ бы ни было образомъ. Въ случаѣ убійства обязанность осветы падаетъ на ближайшаго родственника, а затѣмъ и на все братство. Обыкновенно принято мстить самому виновнику, если же это не удастся, то освета совершается надъ любымъ членомъ братства ²⁹). Такъ какъ обычай допускаетъ мстить всѣми средствами, то отсюда понятно, какимъ тяжелымъ бременемъ должна ложиться освета на благосостояніе народа. Поэтому то мы и видимъ, что оба черногорскихъ законника отмѣняютъ обычай отвѣтственности братства въ дѣлахъ объ убійствѣ, постановляя, что позволено убивать только самаго виновника и никого другаго изъ близкихъ ему лицъ, „ибо только тотъ долженъ отвѣчать головой, кто совершилъ преступленіе и никто другой“ ³⁰). Къ сожалѣнію это предписаніе законника мало когда соблюдается, до того сильно вкоренилось въ народѣ понятіе объ отвѣтственности цѣлаго братства за совершенное однимъ изъ его членовъ преступленіе.

Братства эти въ Черногоріи, какъ видно изъ сборника Богишича, являются соединеніемъ нѣсколькихъ родовъ, веду-

щихъ свое начало непременно отъ одного общаго родоначальника, о которомъ часто говорятъ, что онъ жилъ 100, 200 и 300 лѣтъ тому назадъ. Число членовъ отдѣльныхъ братствъ доходитъ здѣсь до 800 душъ. Всѣ члены братства носятъ одну общую фамилію. Браки между братственниками запрещаются, такъ какъ всѣ они считаютъ другъ друга очень близкими родственниками³¹⁾. Главная цѣль братства—взаимная помощь и защита общими силами отъ постороннихъ нападеній. Всѣ братственники связаны круговою порукою и составляютъ одно нераздѣльное цѣлое. Въ случаѣ заключенія мира между братствами, мирятся не отдѣльные члены братства, но братство съ братствомъ. Вообще можно сказать, что всякая обида или ущербъ, нанесенные одному изъ членовъ братства, считается оскорбленіемъ цѣлаго братства, за которое оно обязано мстить. Кромѣ Черногоріи, такой же характеръ сохранили братства и въ нѣкоторыхъ другихъ славянскихъ земляхъ³²⁾.

Изъ соединенія нѣсколькихъ братствъ образуется новый союзъ, носящій въ Черногоріи названіе племени. „Pleme“ имѣетъ скорѣе характеръ территоріальнаго союза, члены котораго не считаютъ себя родственниками, почему и могутъ свободно вступать въ бракъ. Тѣсная связь существуетъ между племенниками и всякое оскорбленіе одного изъ нихъ считается оскорбленіемъ цѣлаго племени³³⁾.

Турецкое правительство въ славянскихъ земляхъ ему подвѣдомственныхъ, сумѣло извлечь громадныя денежныя выгоды изъ института круговой поруки, придавъ ей чисто фискальный характеръ. „Магометанскія правительства, говоритъ Мэнъ, сами прекрасно сознаютъ выгоды круговой поруки передъ индивидуальною отвѣтственностью, и потому они благопріятствуютъ сохраненію цѣлости этихъ естественныхъ союзовъ, подобно тому какъ и французскіе сеньеры, судя по средневѣковымъ юридическимъ памятникамъ, поддерживали общины виллановъ, живущихъ *au meme pôt* (у одного очага).

(Древній законъ и обычай 183—184). По словамъ Вука Караджича, въ случаѣ убійства привлекается къ денежной отвѣтственности село, на землѣ котораго лежитъ трупъ, иногда впрочемъ и нѣсколько сосѣднихъ селъ. Вира уплачивается не только въ случаѣ убійства кѣмъ-нибудь другаго, но вообще если найденъ трупъ и смерть завѣдомо произошла отъ какого-нибудь несчастнаго случая (паденіе съ дерева, съ лошади, замерзаніе въ дорогѣ и т. д.)³⁴). Изъ статьи Дринова, помѣщенной во второмъ томѣ Славянскаго Сборника, видно, что село, въ округѣ котораго будетъ найденъ убитый христіанинъ, должно заплатить пеню въ 30.000 піастровъ; за турецкую же кровь вѣроятно еще больше. „Законъ этотъ, говоритъ Дриновъ, въ рукахъ турецкихъ властей сдѣлался однимъ изъ многочисленныхъ ихъ средствъ для разоренія раи“. Такъ какъ пеня эта поступаетъ частью въ казну, частью въ пользу властей, то естественно, для нихъ является весьма желательнымъ, чтобы убійства совершались почаще. „Онѣ зорко слѣдятъ за убійствами, но не для того чтобы отыскивать убійцъ, а чтобы получать виру. Убійцъ серьезно розыскиваютъ только въ такомъ случаѣ, когда убить турокъ“. (Болгарія наканунѣ ея погрома, 36)³⁵).

Переходя къ Россіи, мы видимъ, что институтъ круговой поруки, основанной на единствѣ крови, сохранился до послѣдняго времени у горцевъ Кавказа, стоящихъ въ большинствѣ случаевъ на довольно низкой ступени общественнаго развитія. Такъ у осетинъ, принадлежащихъ къ арійской семьѣ народовъ, по свидѣтельству Гакстаузена, главною основой политической и соціальной жизни служатъ родовые союзы, которые только и въ состояніи обезпечить личную безопасность отдѣльныхъ членовъ союза³⁶). Отдѣльные роды, связанные круговою порукою, отвѣчаютъ за всѣ дѣйствія своихъ членовъ. Въ случаѣ убійства одного изъ членовъ рода, „каждый родственникъ убитаго обязывается священнымъ долгомъ мстить смертію убійцѣ и его родственникамъ; не

исполнившій этого подвергается жесточайшему безчестию, а семейство и даже весь родъ его всевозможнымъ обидамъ; по этому послѣ всякаго убійства слѣдуетъ явная война между родомъ убитаго и племенемъ убійцы“. (Леонтовичъ, Алаты, II, 2). Желая ослабить обычай кровомщенія, доведшій осетинскій народъ до состоянія полной анархїи, правительство наше учредило въ 1830 г. при комендантскомъ управленіи во Владикавказѣ комиссію для ослабленія кровомщенія. Результаты ея дѣятельности были весьма благотворны. Особенно сильныя препятствія встрѣтило правительство при учрежденіи болѣе или менѣе правильно организованной полиціи среди осетинъ. Оно не нашло ни малѣйшей поддержки со стороны общества, такъ какъ „по коренному взгляду осетинъ и по ихъ обычному праву, преступленіе, совершенное надъ чужимъ, не считалось и отчасти до сихъ поръ не считается у нихъ дѣйствіемъ, требующимъ возмездія со стороны цѣлаго общества. По ихъ взгляду, преслѣдованіе преступника дѣло обиженнаго и его родичей. Поэтому осетины и даже аульныя власти старались скорѣе укрыть преступника, по крайней мѣрѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обиженный былъ русскій, вмѣсто того, чтобы выдать его въ руки правосудія“. (Пфафъ, I, 201).

Подобные же порядки замѣчаются и у другихъ горцевъ. У адигейцевъ, или черкесъ, живущихъ большею частью осѣдлыми общинами, родовыя формы сохранились во многомъ до послѣдняго времени, препятствуя въ сильной степени дальнѣйшему прогрессивному развитію черкесской общественной жизни. Коренной недостатокъ въ народномъ устройствѣ черкесъ, по словамъ Карлгофа, это двойственность раздѣленія его на родовые союзы и на мѣстныя общины. „Въ этой горной странѣ, народонаселеніе расположено по долинамъ, раздѣленнымъ между собою отраслями кавказскаго хребта. Ни одна фамилія не живетъ вмѣстѣ въ одной долиנѣ, также какъ въ каждой долинѣ живутъ семейства разныхъ фамилій

или родовыхъ союзовъ. Жители одной долины, разбираясь въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ по условіямъ родовыхъ союзовъ, имѣютъ общій мѣстный интересъ по внѣшнимъ дѣламъ: такъ, напримѣръ, они должны принимать общія мѣры предосторожности противъ воровства на пастбищахъ скота, противъ набѣговъ хищническихъ партій и т. д.“. (Карлгофъ, 531). Черкесскіе адаты или народные обычаи во всѣхъ дѣлахъ, касающихся кровомщенія, уплаты виръ и вообще въ дѣлѣ ответственности и поруки упоминаютъ главнымъ образомъ о дѣятельности отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ, а не общинъ. Родовые союзы эти, или братства, представляютъ весьма близкую аналогію съ братствами черногорцевъ, о которыхъ говорилось выше. По словамъ Любе, прожившаго пять лѣтъ среди Шапсуговъ и Натухажцевъ и знавшаго въ совершенствѣ ихъ языкъ, каждый такой союзъ „представляетъ семью въ большомъ видѣ и называется по имени своего родоначальника. Члены этой семьи-общины считаютъ другъ друга такими близкими родственниками, что не допускаютъ между собою брачнаго родства и сочли бы такой бракъ просто кровосмѣшеніемъ. Такая большая семья ведетъ дѣла свои сообща. Всѣ члены ея оказываютъ другъ другу, при всякомъ затруднительномъ обстоятельствеъ нужную защиту и помогаютъ всѣ вмѣстѣ каждому отдѣльно. Всякое оскорбленіе и ущербъ, нанесенные одному изъ ея членовъ, считается посягательствомъ на благосостояніе всей общины, и въ свою очередь каждый членъ подлежитъ ответственности за свое поведеніе предъ всею общиной. Разъ лишившись защиты и покровительства общины, горецъ не можетъ уже имѣть никакихъ ручательствъ за свою личную безопасность и жизнь“. (Любе, 18) ³⁷).

Изъ соединенія этихъ отдѣльныхъ братствъ образуются болѣе обширные союзы или „соприсяжничества“. По указанію Ханъ-Гирея, Шапсукское племя въ 40-хъ годахъ состояло изъ трехъ подобныхъ соприсяжничествъ, и въ каждомъ изъ

нихъ было отъ двадцати до тридцати братствъ. (Кавказъ, 1847). Сходные же порядки встрѣчаются и у остальныхъ племенъ ³⁸⁾.

Изученіе адатовъ дагестанскихъ обществъ открываетъ намъ факты, весьма близко подходящіе въ только-что разсмотрѣннымъ. И здѣсь на первомъ планѣ стоятъ родственные союзы, или тохумы, связанные круговою порукой и несущіе отвѣтственность за проступки своихъ членовъ. „Никто не можетъ отдѣлиться отъ своего тохума, какъ палецъ отъ руки“, гласятъ мѣстные адаты; но самъ тохумъ имѣетъ право исключить изъ своей среды порочныхъ членовъ и тогда уже онъ не отвѣчаетъ за ихъ поступки. Сборникъ адатовъ Кайтаха вмѣняетъ въ обязанность родственникамъ убивать такихъ своихъ порочныхъ членовъ. (Комаровъ, I, 87). Всякое убійство, совершенное членомъ другаго тохума, влечетъ за собою кровомщеніе. „Ему подвергаются одинаково мушны и женщины, убійцы малолѣтніе, сумашедшіе, безумные, случайные, неосторожные владѣльцы лошади, собакъ и вообще всякаго животнаго, причинившаго кому-либо смерть ³⁹⁾“. Въ случаѣ состоявшагося примиренія съ убійцы и его родственниковъ взыскивается денежное вознагражденіе (алымъ, діятъ) и штрафъ по особой раскладкѣ. Величина этихъ платежей до крайности разнообразна въ разныхъ мѣстахъ. Чрезвычайно интересенъ „обрядъ примиренія“, представляющій весьма близкую аналогію, даже въ деталяхъ, съ институтомъ древне-славянской покоры ⁴⁰⁾. Примирившійся убійца считается кровнымъ братомъ („канъ-кардашъ“) и замѣняетъ собою убитаго имъ члена семейства“. (Комаровъ, I, 35). Точно также существуетъ громадное сходство въ дѣлѣ имущественной отвѣтственности семейныхъ общинъ или задругъ у славянъ и жителей южнаго Дагестана. „Если братья или родственники, говорится въ адатахъ южнодагестанскихъ обществъ, живутъ вмѣстѣ, пользуясь нераздѣльно имѣніемъ и между ними не заключено какихъ-либо условій относительно имущества, то всѣ взыска-

нія на плату за кровь, по убійству, по прелюбодѣянiю, за пораненiе, за кражу, въ случаѣ совершенiя кѣмъ-либо изъ нихъ этихъ преступленiй, а также всѣ издержки на содержанiе дома, за исключенiемъ неправильной растраты и расходовъ на свадьбу, должны быть относимы на общее имущество. Такимъ образомъ и всякое приобрѣтенiе кѣмъ-либо изъ нихъ поступаетъ въ общее достоянiе". (Адаты южно-дагестанскихъ обществъ, VII, 19). Этотъ адатъ относится и къ постороннимъ, не родственникамъ, которые согласились добровольно жить вмѣстѣ, соединивъ свое имущество въ общее. (Ibid, 19).

Кромѣ круговой поруки тохумовъ, адаты дагестанскихъ обществъ упоминають и о коллективной отвѣтственности отдѣльныхъ ауловъ. Такъ изъ сборника адатовъ жителей Нагорнаго округа видно, что въ случаѣ поджога савели или мельницы или сѣна, если не откроется виновный, обиженнаго долженъ удовлетворить весь аулъ. (Леонтовичъ, Адаты, II, 138). Сборникъ Кайтахскаго уцмiя, Рустемъ-Хана содержитъ въ себѣ слѣдующее постановленiе: „если кто-либо, выѣхавъ по своимъ дѣламъ изъ селенiя, при нападенiи на него грабителей или желающихъ взять съ него баранту, по неосторожности ранить или убъетъ другаго, находящагося въ сторонѣ, или нанесетъ вредъ чьему-либо имуществу, бекскому, узденскому или крестьянскому, или же самъ понесетъ такимъ образомъ вредъ отъ другаго, то за все это должно отвѣчать общество селенiя, хотя-бы пришлось платить въ семь разъ болѣе“.

Кромѣ горцевъ Кавказа, родовые союзы сохранились до сихъ поръ у албанцевъ, этихъ „братьевъ праотцевъ грековъ и римлянъ“⁴¹⁾, благодаря вѣроятно главнымъ образомъ географическому положенiю Албанiи. Природная изолированность страны защищала албанцевъ отъ внѣшнихъ влiянiй и „съ этою изолированностью гармонируетъ вполне албанскiй народный духъ, который, во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ не

могъ никогда подняться выше идей кулачнаго права, кровной мести и родовыхъ союзовъ и пребывающій нынѣ на той ступени общественнаго развитія, которую римляне и греки оставили далеко за собой, при своемъ вступленіи на поприще исторіи“. (Hahn, Albanesische Studien 214).

Въ основѣ албанскихъ родовыхъ союзовъ, какъ видно изъ изслѣдованій лучшаго знатока альбанскаго народа, Гана, лежитъ общность происхожденія. Отдѣльные роды, называющіеся по имени своего родоначальника, распадаются на меньшія вѣтви, не имѣющія впрочемъ политическаго значенія. Всѣ члены рода считаютъ себя столь близкими родственниками, что браки между ними строго запрещаются. Каждый родъ является самостоятельнымъ союзомъ, члены котораго связаны круговою порукой ⁴²). Всякое несправедливое дѣйствіе, совершенное надъ однимъ изъ членовъ рода, считается нанесеннымъ цѣлому родовому союзу, всѣ члены котораго обязаны мстить за него. Въ особенности это правило имѣетъ силу въ случаѣ убійства одного изъ членовъ рода. Точно также весь родъ отвѣчаетъ за всякое несправедливое дѣйствіе, совершенное однимъ изъ его членовъ, въ особенности за пролитую имъ кровь ⁴³). Кровная месть носитъ у албанцевъ характеръ религіознаго долга, исполненіе котораго обязательно для всѣхъ родственниковъ. Такъ какъ каждая жертва вызываетъ новое убійство и обязанность кровной мести переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, то, по свидѣтельству Гана, благодаря этому варварскому обычаю, въ короткое время истребляются цѣлые роды. Кровоушщеніе въ Албаніи имѣетъ строго родовой характеръ и не распространяется на членовъ чужихъ родовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ родомъ убійцы (Hahn, 176—177).

ПРИМѢЧАНІЕ. Тождество во многихъ правовыхъ учрежденіяхъ албанцевъ и южныхъ славянъ, въ особенности черногорцевъ дало поводъ нѣкоторымъ ученымъ поднять вопросъ о заимствованіи. Такъ по словамъ Макушева, албанцы переняли у покоренныхъ

славянъ законы и обычаи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и слова для ихъ обозначенія (Историческія розысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Стр. 45); Богишичъ допускаетъ возможность заимствованія у славянъ устройства родовыхъ союзовъ (Pravni običaji u Slovena. Privatno pravo. Примѣчаніе 2-е, на стр. 22). Если съ одной стороны не подлежитъ сомнѣнію, что нѣкоторые правовые термины (войвода, побратимъ, баштина) перешли отъ славянъ къ албанцамъ, то съ другой можно утверждать, что всѣ существенныя проявленія родоваго быта, какъ онѣ сохранились у обоихъ народовъ, на столько же принадлежатъ славянамъ, на сколько шкипетарамъ, или албанцамъ. Адаты, или обычаи кавказскихъ горцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые разобраны нами были выше, представляютъ тоже много точекъ соприкосновенія съ древнимъ славянскимъ правомъ. Институты круговой поруки, кровной мести, покоры, побратимства, ротниковъ, соковъ, свода и т. д. проявляютъ сходство даже въ мельчайшихъ деталяхъ, однако нечего и говорить, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о заимствованіи⁴⁴).

О круговой поруки у древних славянъ.

А) Болгары ⁴⁵⁾.

Приступая къ разсмотрѣнію института круговой поруки у древнихъ славянъ по дошедшимъ до насъ памятникамъ, мы начнемъ свое изслѣдованіе съ болгаръ. Всякій, кому приходится знакомиться съ внутренней исторіей древняго болгарскаго царства, невольно бываетъ пораженъ крайнею скудостью сохранившихся памятниковъ болгарскаго права. Болгарія, эта нѣкогда расадница образованія и письменности среди другихъ славянъ, сохранила всего нѣсколько древнихъ грамотъ! Отвѣтственность предъ лицомъ исторіи въ этомъ дѣлѣ падаетъ главнымъ образомъ на фанаріотовъ, которые, въ своемъ стремленіи во чтобы то ни стало эллинизировать болгарскій народъ, не гнушались никакими средствами. Желая лишить болгаръ славнаго ихъ прошлаго и древней литературы, они повсемѣстно истребляли попадавшіеся въ громадномъ количествѣ древніе болгарскіе памятники. „Исторія фанаріотскаго клира въ Болгаріи запятнана дѣлами, достойными вандаловъ. Болгарскія рукописи, сохранившіяся въ теченіе столѣтій отъ войнъ, пожаровъ, мышей, моли и гніенія, были греками повсюду сожигаемы и уничтожаемы, также какъ іезуитами были уничтожаемы чешскія книги послѣ битвы у Бѣлой горы“. (Конст. Иречекъ, 525).

Не взирая на это, въ дошедшихъ до насъ памятникахъ мы усматриваемъ слѣды существованія круговой отвѣтственности жителей отдѣльныхъ селъ за совершенныя въ ихъ

округѣ преступленія, въ случаѣ, если самый преступникъ не былъ отысканъ. Взимаемая въ такихъ случаяхъ съ села пеня называлась по болгарски глоба. Вирпинская грамота царя Константина Асѣня отмѣняетъ этотъ древній обычай, устанавливая личную отвѣтственность для земель, принадлежавшихъ Вирпинскому монастырю. „Вражду, разбой и конскую вражду говорится въ ней, да си възима прѣкьва на своихъ си людехъ и тиѣя вражды да су не взимають на селѣхъ, развѣ на исцѣихъ, и то судомъ“ (Богипичъ, *Pisani zakoni na slovenskom jugu*, 15), т. е. вражду, разбой и конскую вражду церковь пусть взимаетъ со своихъ людей и эти вражды (пени) не должны быть взимаемы съ селъ, а единственно съ виновныхъ и именно судебнымъ порядкомъ. Изъ этой грамоты видно, что отдѣльныя пени, которыя уплачивало село, носили въ Болгаріи слѣдующія наименованія, вражда для убійства, называвшаяся уже XIV столѣтіи по гречески *фунъ* (*φόνος*); далѣе разбой — для грабежа, совершеннаго внутри общины; затѣмъ пеня за кражу коня и рогатаго скота, которая называлась въ XIII ст. конская вражда, а въ XIV конскій татъ⁴⁶). Всѣ эти пени взиались севастами и прахторами.

Б) О круговой поруцѣ у сербо-хорватовъ.

Законникъ Стефана Душана, многочисленные договоры Дубровника, Законъ Славонскій 1273 г., Винодольскій Законникъ, и наконецъ Полицкій статутъ вотъ тѣ памятники древняго сербо-хорватскаго права, которые довольно подробно говорятъ о круговой поруцѣ какъ отдѣльныхъ территоріальныхъ, такъ и семейныхъ общинъ, или задругъ. Хотя въ Законникѣ 1349—1354, этомъ самомъ важномъ памятникѣ средневѣковаго законодательства сербовъ, мы и встрѣчаемъ статьи, обязанныя своимъ происхожденіемъ личной дѣятельности знаменитаго законодателя, руководствовавагося византійскими по-

рядками, но большая ихъ часть освящала только существующіе въ народѣ правовые обычаи. Безспорно, что именно къ такимъ статьямъ должны быть отнесены тѣ изъ постановленій сербскаго законника, которыя упоминають о круговой порукаѣ. Постановленія эти, по справедливому замѣчанію Майкова, отголосокъ глубокой старины. Онѣ намъ указываютъ, что круговая порука отдѣльныхъ общинъ, не смотря на весьма сильную власть сербскаго короля, не приобрѣла здѣсь фискальнаго характера. Напротивъ, выраженія, встрѣчающіяся въ Законникѣ, свидѣлствуютъ, что мѣстныя общины сохранили свою независимость. Если село, говоритъ Душанъ, не выдастъ преступника, то пусть оно платитъ пеню; если околина не вознаградитъ убытковъ, то царь удовлетворитъ потерпѣвшихъ изъ своей собственной казны. Изъ Законника же усматривается, что не смотря на установленіе цѣлой іерархіи чиновниковъ по византійскому образцу, король Стефанъ вынужденъ былъ возложить исполненіе полицейскихъ обязанностей на мѣстныя территоріальныя общины, которыя обязаны были заботиться объ охраненіи мѣстной тишины и спокойствія и отвѣчать за всякое правонарушеніе, случившееся въ ихъ округѣ. Исключеніе, кажется, было сдѣлано только для пограничныхъ областей, во главѣ которыхъ сербскій король поставилъ своихъ отвѣтственныхъ чиновниковъ.

О круговой порукаѣ отдѣльныхъ семейныхъ общинъ говорятъ главнымъ образомъ двѣ статьи сербскаго Законника: 51 и 70.

Вотъ подлинный текстъ этихъ статей, какъ онъ сохранился въ призрѣнской рукописи:

Ст. 51. За невѣру вѣсаку съгрѣшеніе братъ за брата и отць за сына, родимъ за родима, кто су отдельни одъ онога-зи у своихъ кукахъ: кто е не съгрѣшилъ, тѣ-зи да не плати нища; развѣ онъ-зи, кои е съгрѣшилъ, того-ва и кука да плати. (Сводъ слав. зак. 282).

За измѣну, за всякое преступленіе (отвѣчаютъ) братъ за брата и отецъ за сына, родственникъ за родственника. Тѣ же, которые отдѣлены отъ таковаго (преступника и живутъ) въ своихъ домахъ и не согрѣшили, да не платятъ ничего, исключая того, который согрѣшилъ и домъ того да платить.

Ст. 70. О братинѣ зложѣ. И кто зло учини, братъ или сынъ или родимъ, кои су у единой кукѣ: вѣсе да плати господарь кукѣ, или дасть, кои е зло учинію. (Сводъ сл. зак. 285).

Кто зло учинить, братъ или сынъ или родственникъ, которые живутъ въ одномъ домѣ, все да заплатитъ господинъ дома (т. е. хозяинъ задруги) или пусть выдастъ совершившаго преступленіе.

Изъ другихъ постановленій Законника укажемъ еще на двѣ важныя статьи, изъ которыхъ вторая однако не совсѣмъ ясна:

Ст. 65. О братеньцѣхъ. Братенціи, коѣ су заедно у единой кукѣ, вѣди ихъ кто позовѣ на дому: кои одѣ ныхъ прииде, тѣ-зи да отпира. Ако ли га обрѣте на дворѣ цареву, али судину, да прииде и рече: „дати ю брата стареега на судъ“; да му да, а силе да му не отпирати. (Сводъ сл. зак. 284).

Братья, которые живутъ въ одномъ домѣ; если кто позоветъ ихъ на дому, то кто изъ нихъ придетъ, тотъ пусть и отвѣчаетъ. Если же найдетъ его на царскомъ дворѣ или судейскомъ, и онъ придетъ и скажетъ, „я представляю на судъ (вмѣсто себя) старшаго брата“, то пусть представляетъ, и да не принуждаютъ его отвѣчать.

Ст. 69. Кто су у единой кукѣ. И кто се обрѣте у единой кукѣ, или братеньціи, или отьць отъ сыновъ, или инъ кто отдѣльнъ хлѣбомъ и иманіемъ, и ако будѣ на единомъ огнищѣ, а темъ зѣи отдѣліенъ: да работа, яко инѣи малѣи людіе. (Сводъ слав. зак. 285).

Трудно понять, что собственно желаетъ сказать эта статья. Интересно, что въ призмѣнской рукописи она является самостоятельной, въ ходошской же сливается вмѣстѣ съ слѣ-

дующею статьею. По мнѣнію Майкова смыслъ ея тотъ, что если родичи даже были раздѣлены между собою хлѣбомъ и имуществомъ, но продолжали жить на одномъ огнищѣ, то Законникъ продолжаетъ считать ихъ за одну семью, или одинъ домъ, какъ въ дѣлахъ гражданскихъ, такъ и уголовныхъ. (253). Зигель приводитъ мнѣніе Міатовича, который относитъ 69 ст. къ тому случаю, когда какой либо членъ задруги отдѣлился отъ другихъ задругарей хлѣбомъ и имуществомъ (раздѣлены движимости, но не земля, остающаяся въ общемъ владѣніи); такой отдѣлившійся задругарь разсматривается относительно налоговъ и повинностей какъ самостоятельный домъ. (43).

Таковы предписанія Законника о семейной общинѣ, или задругѣ, члены которой отвѣчали другъ за друга и сообща владѣли и пользовались общимъ имуществомъ. „Вся семья, или кука, говоритъ Майковъ въ своей Исторіи сербскаго народа, имѣла право на общее владѣніе, и вотъ почему всѣ записи, данныя королями, царями, деспотами и боярами, даны не отъ одного лица, а отъ старѣйшины въ домѣ, вмѣстѣ съ прочими ближайшими родственниками, какъ то: братьями, сыновьями даже женами.... При клятвахъ, встрѣчаемыхъ нами въ грамотахъ, приводится свидѣтели „съ братією“, что указываетъ съ одной стороны, что домъ считался нераздѣльнымъ цѣлымъ и нужно было согласіе всѣхъ его членовъ, а съ другой, что по этой самой причинѣ достаточно было свидѣтельство одного главы дома, ручавшагося и за всю братію свою“. (253).

Что касается круговой поруки отдѣльныхъ территоріальныхъ общинъ, то въ Законникѣ насчитывается около 15 статей, гдѣ упоминается о ней. Вотъ эти статьи:

Ст. 20. О гробѣхъ. И людіи, кое съ вльховьствомъ узимлю изъ гробовъ, тере ихъ съжижу: село, кое то-зиі учини, да плати вражду. Ако ли будѣ попь на то-зи дошьль, да му се узме поповство. (Сводъ слав. зак. 277).

И люди, которые съ волхвованіемъ достаютъ (покойниковъ) изъ могилъ и ихъ сжигаютъ: село, которое это сдѣласть, пусть платитъ вражду; если же попъ на это пришелъ, то пусть лишится священническаго сана.

Ст. 57. О селу кто умрѣ. Кто ли умрѣ а има едино село у жупе или мегю жупами: що се зло учини тому-зи селу, вѣсу ту-зи злобу да плати околинаа. (Сводъ слав. зак. 283).

О селѣ когда кто умереть. Кто умереть и имѣеть одно село въ жупѣ или между жупами: какое зло совершится тому селу, весь этотъ убытокъ да платитъ округъ.

Ст. 92. О поличномъ скоте, или коня или що годѣ. Ако кто позна лице подь чловѣкомъ, а буде у горѣ у пустоши: да га поведе упрѣпрвнѣ село, и заручи селу и позовѣ, да га дадѣ прѣдъ судіаміи. Ако ли га не да село прѣдъ судіаміи: що покаже судъ, да плати село то-зи. (Сводъ слав. зак. 288).

Если кто признаетъ поличное у какого чловѣка, а будетъ то въ лѣсу, пустоши, да поведетъ его въ первое село и отдастъ ему (т. е. селу) и позоветъ (на судъ), дабы представили его судьямъ. Если село не выдастъ его судьямъ, то, къ чему приговоритъ судъ, да платитъ (все это) село.

Ст. 99. О опаляющи куку. Кто ли се найде ужегъ куку или гумно или сламу или село („или сѣно по пизме кому“ въ ходошской рукописи): да то-зи село даа пожежцу; ако ли га нѣ дасть; да плати оно-зи село, що би пожежца платиль. (Сводъ слав. зак. 289).

Кто окажется поджегшимъ домъ или гумно или солому или село (или сѣно изъ злобы на когонибудь): то село обязано выдать поджигателя. Если же село его не выдастъ, да платитъ оно все то, что обязанъ былъ платитъ поджигатель.

Ст. 100. О гумна ужизаюки. Ако ли кто ужеже извьнь села гумно или село („или сѣно“ ходошскій текстъ); да плати околина, воля да да пожежцу. (Сводъ слав. зак. 289).

Если кто подожжетъ вѣ сѣла гумно или сѣно, то округъ долженъ заплатить или выдать поджигателя.

Ст. 112. О судіине срамоте. Кто се найде судію осрамотивъ: ако будѣ властѣлинь, да му се вѣсе узме; ако ли село, да се распѣ и плѣни. (Сводъ слав. зак. 291).

Кто окажется опозорившимъ судью, если будетъ властелинь, да отыметъ у него все; если село, да будетъ оно разграблено и раззорено.

Ст. 127. О градской земли. Градская земля, що іе около града, що се на ной гуси или украдѣ, да плати то-зи вѣсе околина. (Сводъ слав. зак. 294).

Городская земля, що около города, что на ней будетъ ограблено или украдено, все да платитъ округъ.

Ст. 160. О брьдѣ пустѣ. Ако іе брьдо пусто мегю жупами, села окольня, коя су около тога-зи брьда, да блюду стражу. Ако ли не узблуду стражу, що се учини у томъ-зи брьду, у пустоши, чтета или гуса или крага или кое зло: да плакяю окольня села, коимъ іестъ речень блюсти-путь. (Сводъ сл. зак. 301).

Если будетъ пустынная гора между жупами, то окрестныя села, которыя около той горы, да содержать стражу. Если же не будутъ содержать стражи, когда будетъ учинено какое зло на этой горѣ, въ пустынѣ, или разбой или воровство или иное какое зло, да платятъ окрестныя села, которыя обязаны были оберегать дороги.

Ст. 171. О златарѣхъ. Аще ли се обрѣте златарь освѣнь градовъ и трьговъ царствами у коемъ селѣ; да се то зи село распе и златарь изжеже. (Сводъ сл. зак. 303).

Если найдется золотыхъ дѣлъ мастеръ вѣ градовъ и трьговъ моего царства, въ какомъ-либо селѣ, да будетъ разграблено такое село, а золотыхъ дѣлъ мастеръ да будетъ сожженъ.

Ст. 188. Ако се наге златарь у граду кове динаре безъ воле цареве: да се златарь иждеже, а градъ да плати глобу, что рече царь. (Сводъ слав. зак. 336)⁴⁷⁾.

Если найдется золотыхъ дѣлъ мастеръ, чеканящій монету въ городѣ безъ царской воли, да будетъ онъ сожженъ, а городъ пусть платитъ пеню, какую назначитъ царь.

Ст. 192. И ако гусарь украде свине цареве, да плати околина; ако-ли се украду свине, да се судіи свинярь съ жупомъ, что рече судъ. (Сводъ слав. зак. 337).

И если разбойникъ украдетъ царевыхъ свиней, да платитъ округъ; когда свиньи будутъ украдены, то пусть свинной пастухъ судится съ жупою (и да будетъ такъ), какъ опредѣлитъ судъ.

Ст. 200. О гусарехъ. И гусарь, кои ходи изъ туге зѣмле, паки что узме у цареву земли: коимъ е путемъ дошло таи гусарь и одшао плѣнивъши, тѣ дръжава и села да плате все, куде буде прошла гусарь. (Сводъ слав. зак. 337).

Если разбойникъ придетъ изъ чужой земли и что возьметъ въ царевой землѣ, то та земля и тѣ села, черезъ кои пришелъ разбойникъ и ушелъ, ограбивши, все да платятъ.

Ст. 207. И ако конь липыше у комъ селу, а nebude га село убило ни одыгнало, нѣ умрѣло отъ бога: да не плати нища. (Сводъ слав. зак. 339).

И если конь падетъ въ какомъ селѣ, а село его не убило, ни угнало, но умеръ по волѣ божьей, да не платитъ ничего (село).

Въ многочисленныхъ договорахъ Дубровника съ сербскими королями упоминается также о круговой отвѣтственности территоріальныхъ общинъ въ Сербіи. Въ привилегіи 1195—1228 короля Стефана данной дубровчанамъ, мы находимъ слѣдующее мѣсто:

Милость створи господство ми доубровъчькимъ тръжникомъ, да ходе по моеи земли свободно с тръгомъ, безъ правды никто да имъ нища не испакости: оу коеи ли се жупѣ що испакости, тази жупа воля да да кривыцѣ, воля да плати. Fr. Miklosich, Monumenta serbica 16).

Милость учинило мое величество дубровницкимъ купцамъ: пусть торгуютъ свободно по моей землѣ, и пусть безъ суда (самовольно) никто имъ не наноситъ ущерба; если же въ какой жупѣ будетъ имъ причинено какое зло, то жупа эта должна или выдать виновника или подвергнуться платежу.

Далѣе въ привилегіи 1240—1272 Стефана Уроша тѣмъ же дубровчанамъ говорится:

И да си ходе свободно по земли и по трьгахъ королевства ми; да при коимъ ихъ селѣ чтета найде, да плати село ближне; ако село не плати, да плати королевства ми. (Monum. serb. 52).

И пусть ходятъ (дубровницкіе купцы) свободно по землѣ и торгамъ моего царства; и возлѣ котораго села приключится имъ зло, пусть платитъ ближайшее село; если же село не заплатитъ, то пусть платитъ мое величество.

Сходныя же мѣста встрѣчаются въ грамотахъ короля Уроша 1326 и Лазаря 1387.

Да ходе свободно (тръговьци дубровчане)... испакости ли имъ вѣто що или у тръгу или у жупѣ, да имъ сплати вѣсе жупа; не исплати ли имъ жупа, да имъ плати королевство ми изъ мое куке (1326). (Monum. serb. 58).

Пусть ходятъ свободно (купцы изъ Дубровника)... причинитъ ли имъ кто ущербъ на торгу или въ жупѣ, все имъ да заплатитъ жупа; если же жупа не заплатитъ, то пусть платитъ мое величество изъ собственныхъ средствъ.

И куде иду дубровчане по земли господства ми съ тръгомъ гдѣ га убіе гуса, или ако га покраду у селе, да имъ плакя околина, що имъ узме гуса, и що имъ се украде, ако ли околина не плати, да плати господство ми. (Monum. serb. 206).

И куда идутъ торговать дубровчане по землѣ моего величества, гдѣ его убьетъ разбойникъ, или если его обокрадутъ въ селѣ, пусть имъ заплатитъ округъ, чтѣ у нихъ возьметъ разбойникъ и что у нихъ будетъ украдено; если же округъ не заплатитъ, пусть платитъ мое величество. (См. также грамо-

ты: 1387, 1405, 1428 и 1445 гг. Monum. serb. 208, 267, 270, 354 и 435).

Въ своемъ сочиненіи, *Verfassung und Rechts-Zustand der dalmatinischen Küsten-Städte und Inseln im Mittel-Alter*, Рейцъ между прочимъ указываетъ на слѣды института круговой поруки, найденные имъ въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ далматскихъ статутахъ. Такъ изъ статута 1349 г. мы узнаемъ, что въ Шибеникѣ ближайшее селеніе или все сосѣдство, гдѣ случилась покража, отвѣчали потерпѣвшему уплатою всѣхъ убытковъ и освобождались отъ этой отвѣтственности только выдачею вора. Въ случаѣ грабежа всѣ жители селенія обязывались уплатить пеню въ 25 либръ казнѣ и, кромѣ того, возмѣстить всѣ убытки ограбленному, если только онъ вызвалъ о помощи, а они не шли помогать ему. Въ Корчулѣ вся деревня, гдѣ была убита или испорчена лошадь или другое животное, должна была удовлетворить хозяина, когда въ продолженіе пятнадцати дней не отыскивала виновнаго. Далѣе, въ случаѣ пожара, село, въ округѣ котораго онъ приключился, повинно было заплатить ущербъ или представить въ судъ виновника. (234—235).

Относительно Дубровника, слѣдуетъ замѣтить, что въ законодательныхъ его памятникахъ мы не встрѣчаемъ указаній на существованіе института круговой поруки, а потому какъ Майковъ, такъ и Макушевъ согласны въ томъ, что она не была извѣстна дубровчанамъ. Противъ этого мнѣнія возстаетъ Леонтовичъ (Государственное устройство стараго Дубровника), по словамъ котораго, „слѣды существованія круговой поруки въ старомъ Дубровникѣ, въ видѣ общаго учрежденія, ясно замѣтны въ древнѣйшихъ памятникахъ, въ особенности въ договорныхъ грамотахъ“.... Первые упоминанія дубровницкихъ грамотъ, замѣчаетъ Леонтовичъ, принадлежать впрочемъ довольно позднему времени (?): самыя древнія свидѣтельства о ней даютъ намъ договорныя грамоты XIII вѣка, устанавлиющія уже вмѣсто поруки личную отвѣтствен-

ность дубровчанъ въ сношеніяхъ между собою⁴⁸). Ислѣдователи полагаютъ, что круговая порука никогда не имѣла силы между дубровчанами,—заключеніе рѣшительно невѣрное. Можно указать на множество институтовъ въ исторіи русскаго и другихъ славянскихъ законодательствъ, которые очень долго вовсе не затрогиваются законодательствомъ, живутъ и поддерживаются въ народныхъ обычаяхъ.... Позднее упоминаніе ихъ въ памятникахъ еще не доказываетъ, что ихъ прежде не было, и что они составляютъ явленіе только того времени, когда начинаютъ упоминаться въ источникахъ. Тоже самое нужно сказать и въ данномъ случаѣ: древнее существованіе поруки въ сношеніяхъ между дубровчанами никоимъ образомъ нельзя отвергать на томъ только основаніи, что въ позднѣйшихъ памятникахъ (въ которыхъ она впервые упоминается), говорится о ней, какъ о началѣ, не имѣющемъ уже силы, отжившемъ свое время. Договорныя грамоты — единственные основанія историковъ, не признающихъ изстари́наго дѣйствія поруки въ Дубровникѣ; между тѣмъ, грамоты именно говорятъ о порукаѣ, какъ объ отжившемъ учрежденіи, не больше⁴⁹).

Вся приведенная аргументація Леонтовича безспорно имѣла бы силу, если бы только въ грамотахъ, о которыхъ онъ упоминаетъ, дѣйствительно говорилось объ отмѣнѣ института круговой поруки и установленіи вмѣсто нея личной отвѣтственности. Главное и единственное фактическое доказательство, которое удалось Леонтовичу привести въ подтвержденіе своего мнѣнія, это слѣдующее выраженіе древнихъ грамотъ, которое казалось бы, въ самомъ дѣлѣ отмѣняетъ круговую отвѣтственность среди дубровчанъ: „за еднога на другомъ да не буде прѣузма“. Но вникнувъ глубже въ смыслъ тѣхъ памятниковъ, гдѣ встрѣчается это мѣсто, мы приходимъ къ заключенію, что оно не имѣетъ ровно никакого отношенія къ древнему учрежденію круговой поруки. Въ сборникѣ Миклосича мы насчитали десять грамотъ, относящихся сюда. Самая ран-

няя изъ нихъ—это привиллегія деспота сербскаго Стефана дубровчанамъ 1405 г.

„И да нѣ дубровчаномъ посиљнога дара ни узетія инога безъ ныхъ воле, говорится въ ней, тько да си стое вола греду всуде свободно своимъ трьгомъ. И още хоте господство ми, аѣо е кои дубровчанинъ кому длжанъ а или чимъ кривъ, да се ище истьць, а да на иномъ дубровчанину нѣ вольнѣ питати, тько кто е длжнѣ или чимъ кривъ, онъ да плати и пати, а за еднога на другомъ да не прѣузма. Monum. serb. 268).

И да нельзя требовать отъ дубровчанъ никакого насильственного дара безъ ихъ согласія, а пусть свободно останавливаются и торгуютъ повсюду. Еще хочеть мое величество: если какой-либо дубровчанинъ долженъ кому нибудь или въ чемъ провинился, пусть отыскивается виновникъ а къ другому дубровчанину нельзя предъявлять требованій, и только пусть платитъ и терпитъ тотъ, кто долженъ или въ чемъ провинился, а съ одного нельзя взыскивать вмѣсто другаго.

Такъ же точно выражаются грамоты 1405, 1428 и 1445 г. (Monum. serb. 271, 355, 436). Привиллегія турецкаго султана Амурата 1442 г. дубровчанамъ постановляетъ: „И още имъ учини милость царство ми: кого годе-би прѣ имали дубровчане мегю собомъ за имане или за кою сакрѣху, да они тои мегю собомъ суде; ако-ли одъ нихъ кои узище, да поиде предъ кадию, да имъ кадиа суди. И още имъ господство ми посуди, да не буде прѣузамъ одному за другога, ну истаць, кои буде дужанъ, да плат-и-хъ“. (Monum. serb. 411).

И еще учинило имъ мое величество: если дубровчане будутъ имѣть между собою какую-нибудь тяжбу изъ за имуществъ или по поводу какого нибудь преступленія, то пусть сами судятся между собой; если же съ нихъ будетъ кто-нибудь взыскивать, пусть идутъ предъ кадию, чтобы онъ судилъ ихъ. И еще постановило относительно ихъ мое величество:

да не взыскивается съ одного вмѣсто другаго, но пусть тотъ, кто долженъ, и платитъ.

Въ грамотѣ Стефана, царя боснійскаго, 1461 г. сказано:

Да одъ садъ напрѣда не буде никадаръ веће у нашемъ русагу ниедному дубровчанину ни слугамъ нихъ ниеднога прѣзума ни за едно туге прѣдужіе, него да се наиде по закону кто буде дужанъ, онаи истацъ да има платити, а да се правому не може узети за кривого ниедно имание правога. (Monum. serb. 487).

И отнынѣ впредъ да не отбирается (насилъственно) въ нашей области ни у одного дубровчанина, ни у ихъ слугъ, никакого имущества, ни за одинъ чужой долгъ; но пусть будетъ отысканъ тотъ кто долженъ и пусть платитъ; а у праваго нельзя брать никакого имущества, вмѣсто виновнаго.

Султанъ Селимъ въ привилегіи 1517 г. писалъ:

И пакъ за чожда чловѣка дога ради добровничаній чолвѣкъ да се не хваті, но кои дожанъ бode, тога чловѣка да хвате. (Monum. serb. 551).

И да не схватывается дубровчанинъ за долгъ чужаго чловѣка, но кто будетъ долженъ, того пусть и хватаютъ. (См. также двѣ грамоты 1454 и еще грамоту 1451—1481. Monum. serb. 467, 471 и 527).

Содержаніе всѣхъ этихъ памятниковъ не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ нихъ идетъ лишь рѣчь о запрещеніи внѣ-судебной, самовольной расправы съ купцами изъ Дубровника. Цитированныя грамоты постановляютъ, что можно взыскивать долгъ только съ должника, и то судомъ, и не дозволяется ни въ чемъ не повинныхъ лицъ схватывать вмѣсто должниковъ и требовать отъ нихъ уплаты чужаго долга. Такие случаи насилія надъ дубровницкими купцами со стороны мѣстныхъ туземныхъ жителей объясняются весьма просто грубостью нравовъ того времени и ни въ какомъ случаѣ не указываютъ, по нашему мнѣнію, на существованіе въ Дубров-

никъ древняго учрежденія круговой поруки, какъ это полагалъ Леонтовичъ.

Переходя теперь къ разсмотрѣнiю предписанiй Винодольскаго закона о круговой порука, мы видимъ, что о ней упоминаютъ собственно только три статьи закона, а именно: 29, 31 и 62.

Ст. 29. I ošće, ako bi ki ubil od podknežinov ili od slug od obiteli kučne gdna kneza, od permanov, ter bi ušal i nemogal se jeti: da knez vazme vrazbu ⁵⁰); to je zagovor vrnezi kakov i kolik bude otil svrh plemene zlotvorca, koliko za polovicu: zač pleme (nije) držano nere od pol a zločinac drugi pol; da ako se jeme ta zlatvorac, iz nega ima ta isti knez ili niki mesto nega učiniti ko godi mačeni bude hotil, a nega pleme nišće se neobsujuje. (Сводъ слав. зак. 393).

Если-бы кто убилъ кого нибудь изъ подкнежиновъ или слугъ домашнихъ, принадлежащихъ княжескому двору, изъ прмановъ, и убѣжалъ бы такъ, что нельзя было его поймать: князь имѣетъ право взять вражду, т. е. пеню деньгами (врнезами), какими и сколько ему угодно ⁵¹), съ родственниковъ (рода) злодѣя, въ размѣръ половины, потому что родъ не обязанъ вносить болѣе чѣмъ половину, самъ злодѣй (т. е. его ближайшіе родственники) другую половину. Если же поймать злодѣя (убійцу), ему можетъ мстить (т. е. его можно наказать) князь или кто-нибудь другой (кому онъ это право предоставилъ) такимъ наказанiемъ, какое будетъ ему угодно, но родъ его (убійцы) не осуждается ни на какую пеню.

Ст. 31. Ošće, ako bi ki ubil nikoga kmeta ili od rodu kmet (da bi se nemogal jeti ⁵²), vpadi v osud libar 100 bližikam, a onoga grada, kije ubien, obćini libri 2; od tih libar 100 imaju imiti ditca ubienoga, ako ima ditcu, polovicu, a drugi pol nega bližiki. Ta osud krivac plati. Ako ubigne, imaju nega bližike osud platiti pol, a pol nega redi, ako je ima; da ako se jeti more pria ner se vrazba plati, vola ako je učiněna naprava, budi od nega mačeni, e nega bližiki budete prosti. (Сводъ слав. зак. 393—394).

Если бы кто убилъ какого кмета (крестьянина) или чело-
вѣка кметскаго рода (принадлежащаго къ крестьянскому со-
стоянію), онъ подпадаетъ подъ пеню 100 либръ родственни-
камъ убитаго и двѣ либры общинѣ. Половину этой сотни
либръ (т. е. 50 либръ) должны достать дѣти убитаго, если
у него есть дѣти, другую же половину (50 л.) его родствен-
ники. Эту пеню (осудъ, штрафъ) уплачиваетъ преступникъ.
Если же онъ убѣжалъ, въ такомъ случаѣ родственники его
должны уплатить половину, другую же половину его наслѣд-
ники, если у него есть таковые.

Если же удастся поймать его, прежде чѣмъ вражда опла-
чена, или же будетъ заключена полюбовная сдѣлка⁵³), въ
такомъ случаѣ ограничиваются наказаніемъ убійцы, родствен-
ники же его да будутъ свободны (Ягичъ).

Ст. 62. I ošće, ako bi ki položil v kuću ogan, ili v hram vola v
ničiji osik: za požganje za prvo ostaní v osud dvoru 100 libar ter
škodu platiti onomu, komu ji učini, vola budi osujen na život, ako
nima odkud platiti. I ako to veće učini osudi se na život i na smrt.
Ako bude onde je požgano od nikoga človika vola od nikih ljudi, a
on zlotvorac nebi se mogal jeti: plati se vražba za vsako ono poz-
ganje, kako zgora od vražbi je izrečeno. (Сводъ слав. зак. 398).

Если кто-нибудь подложилъ огонь въ домъ чей-нибудь или
въ хлѣвъ (скотный дворъ), за первое поджигательство да
платить двору пеню въ 100 либръ; вознагражденіе же убытка
тому, кому онъ сдѣлалъ убытокъ пожаромъ; или же да бу-
детъ осужденъ на казнь жизни, если не имѣетъ откуда пла-
тить. Если же вторично сдѣлаетъ, да будетъ осужденъ на
казнь жизни и смерти. Еслибы пожаръ тутъ-же причинилъ
убытокъ одному какому-либо человеку или нѣсколькимъ, зло-
дѣя же нельзя будетъ поймать, въ такомъ случаѣ надо упла-
тить вражду за каждый отдѣльный зажигательствомъ причи-
ненный убытокъ, тѣмъ же образомъ, какъ выше сказано про
вражду (Ягичъ).

Эти три статьи говорят о солидарной ответственности членов родов или „племенъ“, въ случаѣ побѣга преступника, совершившаго убійство или поджегъ. Винодольскіе законы различаютъ при этомъ убійство кмета (крестьянина) и убійство одного изъ слугъ княжескихъ. Въ первомъ случаѣ они устанавливаютъ извѣстный денежный штрафъ въ пользу родственниковъ убитаго и того города, къ которому принадлежалъ убитый. Штрафъ этотъ уплачивался родомъ (племенемъ) убійцы и его семьею по поламъ и при уплатѣ соблюдался такой порядокъ: 50 либръ получаетъ родъ убитаго, 50 семья и 2 либры городъ. Если же убить одинъ изъ слугъ князя, то величина вражды, уплачиваемой по поламъ родомъ и семьею, опредѣляется произвольно самимъ княземъ. Что касается, наконецъ, поджega, то законъ постановляетъ, что тутъ должна быть уплачиваема вражда такимъ же точно образомъ, какъ и при убійствѣ.

Кромѣ этихъ постановленій Винодольскаго закона о круговой поруки, Леонтовичъ усматриваетъ косвенное указаніе на существованіе ея еще въ статьяхъ о кличѣ. Однако мы не раздѣляемъ этого мнѣнія, такъ какъ въ статьяхъ этихъ не говорится ни слова объ обязанности сосѣдей являться на кличъ и уплачивать общинный штрафъ въ случаѣ неявки. Изъ предписаній закона о кличѣ можно вывести только заключеніе, что кличъ увеличивалъ наказуемость преступленія, ибо за воровство безъ клича платилось 40 сольдиновъ, а съ кличемъ 50 либръ⁵⁴). Вообще слѣдуетъ замѣтить, что Винодольскимъ законамъ неизвѣстна круговая отвѣтственность территориальныхъ общинъ. Леонтовичъ же говоритъ, что если виновный „не входилъ въ составъ семейной общины, стоялъ „сам по себѣ“, то по общему началу круговой поруки, повинность вражды перелагалась на общину территориальную, къ которой принадлежалъ преступникъ“. (Древнее хорватодалм. законодательство. 36). Мы полагаемъ, что если бы въ Винодолѣ существовала круговая порука территориальныхъ

союзовъ, то о ней непремѣнно говорилось въ Законѣ; а между тѣмъ онъ нигдѣ не упоминаетъ о ней. Ссылка же Леонтовича на законникъ Душана и Полицейскій статутъ не можетъ быть принята, такъ какъ существованіе въ этихъ памятникахъ славянскаго права круговой отвѣтственности территориальныхъ общинъ отнюдь не доказываетъ, чтобы она практиковалась и въ Винодольскомъ княжествѣ.

Законъ Славонскій 1273 г. говоритъ о круговой поруцѣ въ одной только 17 статьѣ:

Item, alter pro alterius delicto, sicut pater pro filio emancipato, vel e converso, aut frater pro fratre, divisionis titulo separato, non debeat condemnari, nisi fuerint conscii vel participes criminis perpetrati, sed quisque in bonis propriis et porcionibus iuxta suum meritum aggravetur. (Сводъ слав. зак. 387).

Гораздо примѣчательнѣе въ этомъ отношеніи предписанія Полицкаго статута:

I da bratja ali ini dionici, postanovljаетъ статья 31, dokle se, godir nerazdile, tada im je sve zajedno: i dobro i zlo, i korist i šteta i duzi, komu su dužni i tko je nim dužan; to im je zajedno obćeno, dokle se razdile; a kada se razdile, tada je svakomu svoj dio. (Сводъ слав. зак. 406).

И пока не раздѣлятся братья или другіе участники (члены задруги), до тѣхъ поръ для нихъ все общее; и добро, и зло, корысть и убытокъ, и долги, кому они должны и кто имъ долженъ, все для нихъ общее, пока не раздѣлятся; послѣ раздѣла же всякому своя доля.

Солидарность членовъ семейныхъ общинъ или задругъ во всѣхъ дѣлахъ до раздѣла довольно ясно выступаетъ въ приведенной статьѣ. Въ пространныхъ спискахъ Полицкаго статута есть еще другая статья, указывающая на полную независимость отдѣльныхъ родовыхъ союзовъ или племенъ:

Podhiti se Vrane Kovačić, говорится въ статьѣ 249, po tolorig... (petnajest), da će vazda dati lupeža počtovanoj pravdi župskoj od svoga plemena, ako se naće.

Također Tadija Matijev tako je zgora.

I Pera Sirotković tako kako je zgora.

Zape se na plemenu Dragisica; nehti se podhititi nikor za nih pleme, da ni lupeža u nih plemenu.

I bi za ine, da nehti nitko za Ivana Lipopilovića, ni za Ivana Mascića.

Matij Ugrinović za svoje pleme; dale nehti za Matija Kordića.

I podhitise se dva Perića po tolarih četrdeset, da neće pobit dobre ludi, koje posla župa, a to kneza Vranu Sucića i kneza Matija Vidatovića i s inimi dobrimi ludmi, koji su ih prvo pohajali. (Mesić. Poljicki statut. 308).

Ручается Вране Ковачичъ за 15 талеровъ, что будетъ всегда почтенному общинному суду выдавать злодѣя изъ своего племени, если таковымъ кто-нибудь окажется.

Такъ же точно Ѡаддѣй Матвѣевъ, какъ (сказано) выше.

И Пера Сиротковичъ, какъ сказано выше.

Остановка произошла на племени Драгишича: никто не хочетъ ручаться за ихъ племя, что нѣтъ злодѣя въ ихъ племени.

И тоже случилось относительно другихъ: никто не хочетъ ручаться за Ивана Липопиловича, ни Ивана Машчича.

Матвѣй Угриновичъ (ручается) за свое племя. Дальше не хотятъ (ручаться) за Матвѣя Кордича.

И ручаются два Перичича за 40 талеровъ, что не будутъ больше бить добрыхъ людей, которыхъ пошлетъ жупа, и именно какъ случилось съ княземъ Вранемъ Сучичемъ и съ княземъ Матвѣемъ Видатовичемъ и съ другими добрыми людьми, которые раньше къ нимъ приходили.

И такъ, слѣдовательно, отдѣльные родовые союзы, или племена, могли выдавать или не выдавать преступниковъ. Если племена Ковачичей, Матвѣевыхъ, Сиротковичей, Угриновичей общаются отдавать въ руки правосудія преступныхъ членовъ, то въ свою очередь, племена Драгишичей, Липопиловичей, Машчичей и Кордичей прямо отказываются отъ этого. Въ высшей степени характерно самое выраженіе Полицкаго ста-

тута, гдѣ говорится, объ этомъ отказѣ: никто не желаетъ ручаться, что нѣтъ разбойниковъ среди такого то племени. Еще примѣчательнѣе окончаніе статьи 249, въ весьма яркихъ краскахъ рисуящее отношенія отдѣльных племенъ къ органамъ центральной власти: двое изъ членовъ племени Перичичей ручаются за извѣстное денежное вознагражденіе, что впредь ихъ племя не будетъ уже бить жупскихъ пословъ, какъ это случилось съ князьями Сучичемъ и Видатовичемъ, а также съ другими. Если мы вспомнимъ, что въ средніе вѣка большинство поличанъ занималось морскимъ разбоемъ и слыло за самыхъ смѣлыхъ и дерзкихъ корсаровъ, то обстоятельство это уяснитъ намъ въ нѣкоторой степени тѣ общественные порядки, о которыхъ упоминаетъ вышенприведенная статья.

Въ Полицкомъ статутѣ можно отыскать еще нѣсколько косвенныхъ указаній на круговую поруку родственныхъ союзовъ. Мы ограничимся здѣсь статьею 92:

To-j svi jedinno prijaše, i uzakoniše, i na to-j primiše vinami i dušami, da se nikomur neima prostiti, tko bi se u tom našao. Jošće ako bi ga tko u tom pomagao, ali za-nj stao za bratsvo, ali za inu prijažan: da mu je drug. (Сводъ слав. зак. 415).

Это все единогласно приняли и узаконили по чистой совѣсти, что никому не должно быть прощено, кто бы въ этомъ (въ государственной измѣнѣ) оказался виновнымъ. А если бы кто еще ему въ этомъ (преступленіи) помогалъ, или стоялъ за него изъ за братства или другаго рода дружбы: да будетъ онъ ему товарищъ (по преступленію).

Замѣчательно, что въ сводѣ Полицкихъ законовъ мы не находимъ прямыхъ предписаній о круговой поруки поземельныхъ союзовъ. Однако, принимая во вниманіе ту независимость, какою пользовались отдѣльныя территоріальныя общины, можно утверждать, что такого рода круговая отвѣтственность практиковалась въ Полицкой жупѣ. Изъ нѣкоторыхъ статей статута явствуетъ, что вся Полица распадалась на 12

вполнѣ самостоятельныхъ общинъ (сельъ, катуней). Мы приведемъ двѣ статьи пространныхъ списковъ, гдѣ наглядно обрисовывается автономія отдѣльныхъ сельъ:

Ст. 261. Svako selo skladno svojim katunarom da postave dva dobra i pravedna brata pod rotu, da imaju dobru pomnu za ovu naredbu, da se ima obslužiti; a dva pristava po sve godišće na svrsi dvijuh misecih po svoje župi da obhode ove ludi pod rotu; ako bi neimali pomne za ove naredbe da se župi opovide.

Ovo, ča učinismo jedino svikolici, šalemo, da svaki kapelan u svetac zapovidni prosti puku, je li dobrovolno svako selo ovoj naredbi, i da se podpisu na ovu kartu kako ju primaju: navistiv ju i podpisav da ju opet k nam povrate; a mi primiv iste naredbe da u statut polički stavimo.

Ja dom Bariša Kunačić navistih ove poštovane naredbe prid pukom na svetoga Jakova, i svim bi drago i ugodno, i rekoše, da je dobro, istom da se obsluži.

Ja do-M-atij navistih ovo pismo prid Sitnani, i biše kuntenti o istoj naredbi svi.

Ja do-M-atij Vukićević navisti ovo poštovano pismo prid pukom, i svi ga primiše dobrovolno, i svi rekoše, da je dobro i pravo, ako se obsluži.

Ja don Tadija Žulević navisti ovo pismo prid pukom, i svi primiše i dobrovolno rekoše, da se obsluži. (Mesić, 308).

Всякое село вмѣстѣ съ своимъ катунаромъ (старшиною) пусть приведетъ къ присягѣ двухъ добрыхъ и честныхъ людей, чтобы они хорошо помнили объ этомъ постановленіи (о которомъ говорилось выше), что оно должно имѣть силу (примѣняться). И два пристава пусть ходятъ круглый годъ по истеченіи двухъ мѣсяцевъ по своей жупѣ къ тѣмъ людямъ, которые поставлены подъ роту (присягу). Если бы они не помнили объ этомъ постановленіи, то да будетъ дано знать жупѣ.

То, что мы постановили всѣ единогласно, препоручаемъ, чтобы всякій священникъ въ законный праздникъ прочелъ народу, довольно-ли всякое село этимъ постановленіемъ, и

пусть подпишутся на той бумагѣ, что ее принимаютъ. Прочитайъ и подписавъ, пусть опять къ намъ ее вернуть и мы, принявъ то постановленіе, да внесемъ его въ Полиційскій статутъ.

Я, донъ—Барыша Куначичъ прочелъ то уважаемое постановленіе предъ собраніемъ въ день Св. Якова, и всѣмъ оно пришлось по сердцу и сказали, что нравится и по этому пусть имѣетъ силу.

Я, донъ—Матвій прочелъ ту бумагу предъ ситнянами и всѣ были довольны тѣмъ постановленіемъ.

Я, донъ—Матвій Вукичевичъ прочелъ ту уважаемую бумагу предъ собраніемъ, всѣ приняли охотно и всѣ сказали, что оно хорошее и справедливое и нужно его держать.

Я, донъ—Оаддѣй Жулевичъ прочелъ ту бумагу предъ собраніемъ и всѣ приняли и охотно согласились, чтобы оно примѣнялось.

Ст. 267. I na ovo se podpisaše svi zdola imenovani, koi se učiniše jamci i odgovornici za svoja sela:

Iz Dojnega Doca: knez Ivan Šušić, Matij Radičić, Mikula Braojević, knez Pava Stazić: ovi su jamci i odgovornici za sve Dojne Dočane.

Iz Gornjega Doca: knez Mijovio Marčela, Ivan Čule za Trinbušane; Ivan Jurić za Srijane; knez Marko Pavić i Mikula Atmača za Putičićane; Matij Rogujlić: ovi jesu jamci za vas katun gornji.

Iz Kostajn: knez Frane Gojsalić, Juraj Mandalinić, Petar Marasović; iz Smolojn Ivan Milavić: ovi su jamci za katun Kostanski.

Iz Zvečajn: poštovani knez Pava Sičić, Ivan Božić, Luka Stanić, Andrija Alfirević, Mihovijo Bajnakučić: ovi su jamci kako i ostali.

Cičla: knez Ivan Dragičević, i Jura Dragičević, Ivan Lelanović, Luka Damilanović, Ivan Kragujević: ovi jesu jamci za svoje selo Čičla.

Iz Gata: poštovani vojvoda Ivan Beojević, knez Pava Bartičević, Matij Kuhačević, Marko Jakovičić s Nakjlic: ovi su jamci za Gata i Nakjlice kako i ostali.

Dubrova: poštovani knez Jura Sinovčić, vojvoda Stipan Bašić, Tadija, Čotić: ovi su jamci za selo Dubrovu kako i ostali.

Iz Sitnoga: poštovani knez Jura Mihanović sa svimi sejlani obećaše, ako bi se naša ko neharan, da će oni sami svojom rukom neharmonika uštiti i pridati poštovanoj župi.

Iz Srijnina: poštovani knez Ivan Novaković i katunar Ivaniš Delisina, Pava Hajlinović, Petar Mužinić, Mikula Bulić Ivan Radilović: ovo su jamci za katun srinanski.

Duće i Truše: Stipan Katičić, Pava Vojinović, knez Šimun Franičević Baričić: ovi za svoga brata podpisa malo i veliko u općini. a ovi ostali jamci za katun dućski.

Iz Jesenic: ja Grgur Tomin pridajem sve moje u općinu župsku, ako pojdem u hajducinu; i ja Grgur Hruegović; tako i dva Stipišića, i Matij Ajlinović, Mikula Jerčić, i Pava Matiašev. i Stipan Remetić, i Stipan Zojlević: svi zgora imenovani podpisaše sve svoje, kako i Grgur Tomin, ako pojdu u ajdućinu.

I bi jamac Tadij Jerčić za svoga sinovca, i Petar Stipišić za svaka Matija Hajlinovića. I mi své sejlani od katuna jeseničkoga, ako koji vali, očemo poupiti svu župu na pomoć na zle jlude.

Za Postranu: knez Pava Milunović, Jure Bajnić, Matij Bagatinović, Kovač Rejlić: ovo su jamci i odgovornici za selo Podstranu kako i ostali. (Mesič. 311—312).

И на томъ подписались всѣ нижепоименованные, которые сдѣлались поручителями и отвѣтчиками за свои села:

Изъ Нижняго Доца: князь Иванъ Шушичъ, Матвѣй Радичичъ, Николай Браоевичъ, князь Павелъ Стазичъ: они суть поручители и отвѣтчики за всѣхъ Нижнихъ Дочанъ.

Изъ Верхняго Доца: князь Мiовiо Маркель, Иванъ Чуле за Тринбушанъ; Иванъ Юричъ за Сріянъ; князь Марко Павичъ и Николай Атмачъ за Путишичанъ; Матвѣй Рагуйличъ; эти суть поручители за весь Верхній катунъ.

Изъ Костаенъ: князь Францъ Гойсаличъ, Юрій Мандаличъ, Петръ Марасовичъ; изъ Смолойнъ Иванъ Милавичъ: эти суть поручители за костанскій катунъ.

Изъ Звечанъ: уважаемый князь Павелъ Сичичъ, Иванъ Божичъ, Лука Станичъ, Андрей Алфировичъ, Михаилъ Байнакушичъ: эти суть поручители подобно прочимъ.

Изъ Чичель: князь Иванъ Драгичевичъ и Юрій Драгичевичъ, Иванъ Леляновичъ, Лука Домилановичъ, Иванъ Крагуевичъ: эти суть поручители за свое село Чичлы.

Изъ Гата; уважаемый войвода Иванъ Беойевичъ, князь Павелъ Бартичевичъ, Матвѣй Кухачевичъ, Марко Яковичъ изъ Навелицъ: эти суть поручители за Гатъ и Накелицу, какъ и прочіе.

Изъ Дуброва: уважаемый князь Юрій Синовичъ, войвода Степанъ Башичъ, Ѡаддѣй Чотичъ: эти суть поручители за село Дуброву, какъ и прочіе.

Изъ Ситнова: уважаемый князь Юрій Михановичъ со всѣми сельчанами общалъ, что если бы нашелся какойнибудь неблагонадежный человѣкъ (преступникъ), они поймають собственноручно такого неблагонадежнаго человѣка и предадутъ уважаемой жупѣ.

Изъ Срійнинъ: уважаемый князь Иванъ Новаковичъ и катунаръ Иванишъ Делисинъ, Павелъ Хайлиновичъ, Петръ Мужиничъ, Николай Буличъ, Иванъ Радиловичъ: эти суть поручители за срийнянскій катунъ.

Изъ Дучей и Трушей: Степанъ Катичичъ, Павелъ Войновичъ, князь Семенъ Франичевичъ Баричичъ; этотъ за своего брата подписалъ все въ пользу общины (поручился безъ всякаго ограниченія); а тѣ остальные суть поручители за Дучскій катунъ.

Изъ Есеницъ: Я, Григорій Томиръ отдаю все свое (имущество) общинѣ жупской, если пойду въ хайдучину; и я, Григорій Хруеговичъ; также и двое Стипичей, и Матвѣй Аймановичъ, Николай Ерчичъ, и Павелъ Матіашевъ, и Степанъ Ремеличъ и Степанъ Зайлевичъ: все вышепоименованные записали все свое имущество, подобно Григорію Томиру, если пойдутъ въ хайдучину.

И былъ поручителемъ Ѡаддей Ерчичъ за своего племянника и, Петръ Стипишичъ за своего шурина, Матвѣя Хайлиновича; и мы всѣ сельчане Есеницкаго катуна, если кто

будетъ буйствовать, созовемъ всю жупу на помощь противъ злыхъ (лихихъ) людей.

За Пострану; князь Павелъ Милуновичъ, Юрій Байничъ, Матвѣй Багаиновичъ, кузнецъ Рейличъ: это суть поручители и отвѣтчики за село Пострану, подобно прочимъ.

Мы сказали, что въ Полицкомъ статутѣ нѣтъ прямыхъ указаній на существованіе круговой поруки территоріальныхъ союзовъ. Совершенно противоположнаго взгляда держится Леонтовичъ, выдающій прямое указаніе на солидарную отвѣтственность территоріальныхъ общинъ во всѣхъ статьяхъ, гдѣ говорится о враждѣ. Въ Полицкомъ статутѣ насчитывается восемь такихъ статей (см. 14, 37, 38, 56, 62, 65, 127 и 159), изъ которыхъ только одна (56), повидимому, относится къ круговой порукѣ, хотя и здѣсь имѣется больше основаній предполагать, что въ ней говорится о пенѣ, уплачиваемой родственниками убійцы.

Ст. 56. Ako li bi ubio tko koga zakonom ašašinskim, vola iz privarke, ali mu zasedši, ali ga ubio pri komu blagu, ali za koju korist, ali ga odró ubivši: tomu je zakon, da tu-j imaju poiti vraždi; ako bi se mogao takovi ašašin ali razbojnik uhititi, ima se obisiti ili razkvartati ili bi Poličanin ili izvanski. (Сводъ съ зак. 409).

Если кто убьетъ кого разбойничьимъ образомъ, обманомъ или изъ засады, или убьетъ возлѣ какогонибудь домашняго скота (т. е. съ цѣлью завладѣть этимъ послѣднимъ), или изъ за какогонибудь интереса, или ограбитъ убивши: на то есть законъ, что здѣсь должна имѣть мѣсто (т. е. быть уплачена) вражда; и если бы такой убійца или разбойникъ былъ пойманъ, то онъ долженъ быть повѣшенъ или четвертованъ, все равно будетъ ли это поличанинъ или чужеземецъ.

Что касается остальныхъ статей, то мы ихъ переводимъ такъ:

Ст. 14. A tko je vojvoda Polički, da nima nijedan danak davati, odlože desetinu, tere vraždu, tere kada se Turkom harač daje; od toga-j nemože se prostiti, a ino sve da mu je slobodno svakomu vojvodi. (Сводъ сл. зак. 403).

А что касается воеводы полицкаго, то онъ не долженъ платить никакой подати, исключая десятины, также вражды и когда туркамъ дается харачъ; отъ этихъ даней онъ не можетъ быть освобожденъ, а относительно всего остальнаго всякій воевода свободенъ.

Ст. 37. Ako li bi tko koga oklastio rukom, ter bi bio maganatan jednom rukom, ali nogom, ali toliko-je okom: svako jedno tich posi rô vgažde, ča je libar 120. (Сводъ сл. зак. 407).

Если бы кто кого лишилъ (окалѣчилъ) руки, такъ что у него была бы изувѣчена одна рука или нога или глазъ: одинаково платится за это половина вражды, что составляетъ 120 либръ.

Ст. 38. Ako li bi mankala dva ta-j uda, tada dva-krat toliko, ako li tri, tada tri-krat toliko; akoli četiri, tada četir krat; ako li pet, tada pet, krat; ako li sva šest, a čovik nebj z toga-j umro, tada li tako-j po ta-j račun, a za to-j je to-j tako-j uzakoneno na veće vgažde, jere je gorji i težji čoviku zao život, nego smrt, ka se jednom čoviku učini. (Сводъ сл. зак. 407).

Если бы не доставало двухъ такихъ членовъ; тогда дважды столько (т. е. уже полная вражда, равнявшаяся 240 либрамъ); если трехъ, то трижды столько; если четырехъ, то четырежды; если пяти, то пять разъ столько; если бы всѣхъ шести и человѣкъ не умеръ отъ этого, тогда также поѣтому же счету (т. е. три полныхъ вражды, или 720 либръ); а потому здѣсь положена такая больше обыкновенной вражда, что горьше и тяжче человѣку злая (несчастная) жизнь, нежели смерть, причиняемая одному человѣку.

Ст. 62. Ako li tko plemenita čovika uhitio za vlase Poličanin, tere vrgao nim na tle, rekši nezaimito ali prez takova podobna zloga uzroka, ako bi mu učinio takovu-j ku-j sramotu: dužan mu je život vgaždom, ča je libar 120. (Сводъ сл. зак. 409—410).

Если бы полицанинъ схватилъ за волосы племенитаго человѣка и таскалъ его по землѣ и не въ отвѣтъ за прежнее зло (преступленіе), но безъ всякаго подобнаго дурнаго

повода, если бы ему причинилъ подобный срамъ: обязанъ уплатить ему живую вражду, которая составляетъ 120 либръ.

Ст. 65. Ako li bi tko koga razbijao ali derao na putu, vola indi, ali mu zaseo. nebuduci mu kriv: dužan je osudom libar 100, po strani, a druga po občini Poličkoj; a da se prvo ima vratiti, ča mu je vazeto od blaga. Ni li bi ga udrio ali obranio: tomu je zakon rečen zgora. Ako li bi ga ubio na misti, dužan je dvi vraždi, kako je zgora prija pisano od ašašinstva. Ako li bi ovi sebe braneci ter ča učinio na sebi: to-j plaćaju Polica, kako je i prvo rečeno. (Сводъ сл. зак. 410).

Если бы кто на кого напалъ разбойничьимъ образомъ или ограбилъ на дорогѣ или въ другомъ мѣстѣ, или устроилъ ему засаду, хотя тотъ (на кого нападаютъ) ничего не сдѣлалъ ему дурнаго: обязанъ уплатить штрафъ въ 100 либръ, половине сторонѣ (обиженному), а другую половину Полицкой общинѣ; и да будетъ сперва возвращено, что у него было отнято изъ пожитковъ. Если же бы его ударилъ или обругалъ: то на это есть законъ, приведенный выше. Если бы же его убилъ на мѣстѣ, то долженъ уплатить двѣ вражды, какъ выше было писано объ убійствѣ разбоемъ. Если бы же тотъ (на кого нападаютъ), защищая себя, что нибудь причинилъ въ борьбѣ, то за это платитъ Полица, какъ сказано было и въ началѣ.

Ст. 127. Da sada su Polica milostiviji zakon učinila i uzakonila. Ako se pristav poreže i dostigne se za kriva, dužan je mrtvom vraždom po strani, druga občini Poličkoj; ako li ga nedostigne, nego se prav obmajde, tada toj pada na onogaj, ki ga je nepravо porekao po strani, a druga po občini.

Нынѣ же Полица составила и установила болѣе милостивый законъ. Если приставъ объявленъ и признанъ будетъ неправымъ, онъ повиненъ уплатить мертвую вражду, половине сторонѣ, а другую Полицкой общинѣ; если же не будетъ уличенъ, но окажется невиновнымъ, тогда это (т. е. мертвая вражда, равнявшаяся 240 либрамъ) падаетъ на того,

который его несправедливо оклеветалъ, половина сторонѣ (т. е. приставу), а другая половина общинѣ (Полицкой).

Ст. 159. Ako li se odstoji i prav se naide, tada ovi, ki ga je prava ozloglasio i na-nj to-j zlo uzrekaao, on ostaje pod onim uzrokom i pod onim pokorom, kom-no bi oni dužan, ako li bi se kriv našao. Nego ako bi od tolika, kako bi imila glava poiti, tere se ovi odstao i prav se našao: tada mu se ima oni izkupiti punom vraždom. (Сводъ слав. зак. 421).

Если же онъ (на кого взводится обвиненіе въ кражѣ) отстоятъ себя и найденъ будетъ правымъ, тогда тотъ, который праваго оклеветалъ и на него это зло возвелъ, онъ (самъ) подвергается тому же наказанію и униженію (позору), какому бы подвергся тотъ, если признанъ былъ виновнымъ. Но если дѣло идетъ о такомъ преступленіи, за которое преступникъ долженъ былъ бы отвѣчать головой и онъ (кто обвиняется) отстоятъ себя и будетъ найденъ правымъ; тогда другой (оклеветавшій праваго) долженъ искупиться полною враждою (240 либръ).

Какъ видимъ, ни одна изъ этихъ статей не упоминаетъ о круговой отвѣтственности. Терминъ вражда, встрѣчающійся въ нихъ, означаетъ денежное взысканіе, уплачиваемое виновникомъ за извѣстныя преступленія. Впрочемъ по поводу статьи 14-ой является сомнѣніе относительно смысла употребленнаго въ ней слова вражда. Хорватскій ученый Ф. Спевецъ полагаетъ, что и здѣсь, какъ и въ послѣдующихъ статьяхъ, идетъ рѣчь о денежномъ штрафѣ. (*Mjesiečnik pravnika* koga društva. Май 1885. 263). Но писатель этотъ упустилъ изъ виду, что вражда тутъ прямо отнесена къ числу общегосударственныхъ повинностей и рядомъ съ нею стоятъ десятина и дань туркамъ (харачъ). Если слово вражда означаетъ здѣсь уголовный штрафъ, какъ это думаетъ Спевецъ, то, на основаніи прамаго смысла 14-ой статьи, приходится допустить, что воевода Полицкій могъ безнаказанно совершать массу преступленій, обложенныхъ въ Статутѣ другими штра-

фами,—что представляется невѣроятнымъ. По нашему мнѣнію терминъ вражда означаетъ здѣсь государственный сборъ, взиравшійся въ тѣхъ случаяхъ, когда Полица брала на себя уплату пени за преступленія своихъ членовъ ⁵⁵).

В) Круговая порука у чеховъ.

Круговая отвѣтственность отдѣльныхъ округовъ за совершенныя въ ихъ предѣлахъ правонарушенія, сохранилась въ Чехіи вплоть до XIV вѣка. Почти во всѣхъ привиллегіяхъ чешскаго духовенства упоминается о ней. Привиллегіи эти могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: однѣ изъ нихъ совершенно отмѣняютъ древній обычай солидарной отвѣтственности сосѣдей; другія же обязываютъ подданныхъ на церковныхъ имѣніяхъ уплачивать впредь своимъ господамъ тѣ штрафы за преступленія, которые они до тѣхъ поръ обязаны были вносить въ царскую казну. О круговой поруцѣ, какъ объ отжившемъ учрежденіи, упоминаетъ и знаменитый сборникъ чешскихъ законовъ XIII вѣка, извѣстный подъ именемъ Статутовъ князя Оттона, или *Jus Conradi* (1229—1237 г.).

Изъ большинства средневѣковыхъ чешскихъ грамотъ мы видимъ, что институтъ круговой поруки превратился въ Чехіи въ чисто фискальную мѣру, гнетъ которой давалъ себя слишкомъ тяжело чувствовать подданнымъ. „*Nec graventur homines, читаемъ въ грамотѣ 1220 quando aliquis occisus vel strangulatus, quod hlava nuncupatur, infra campos alicujus villae projectus ab iniquis hominibus, reperitur, per quod pauperes calumniose puniuntur, seu invicem seditiose, seu a latronibus vulnerentur, quod est rannik, sed liberi sint etc.*“ (Erben, № 620) ⁵⁶). Видно случаи подбрасыванія труповъ и уплаты штрафовъ ни въ чемъ неповинными бѣдными жителями были слишкомъ часты, что о нихъ упоминаетъ въ такихъ выраженіяхъ самъ законъ. „По этому то, когда однаж-

ды данъ былъ примѣръ на церковныхъ помѣстьяхъ, вскорѣ и другіе владѣльцы стали ходатайствовать передъ королемъ объ освобожденіи ихъ подданныхъ отъ общей поруки. Нѣмецкія колоніи, появившіяся въ Чехіи, никогда не хотѣли принять ее, и такъ какъ въ послѣдствіи почти всѣ чешскія селенія стали вводить нѣмецкое право, то вскорѣ потомъ этотъ обычай совершенно исчезъ въ чешской землѣ, такъ что уже въ XIV столѣтіи ничего не слыхать о немъ". (Palacky Dějiny, I, 307—308).

Общинные штрафы, уплачиваемые жителями за разныя преступленія назывались по латыни *venditiones*, *venditiones hominum*; на туземномъ же языкѣ они носили разныя наименованія, смотря по роду преступленія, за которое они взи-мались. Грамота 1057 г. подробно вычисляетъ эти пени: *Jungimus praeterea*, говорится въ ней, *omnibus supradictis collectas generales, venditiones, ssvod, glava, narok, nedo- perné, grdost, quicquid ex hiis et talibus ad usum nostrum debet prevenire, totum libere et hilariter nostrae concedimus ecclesiae*. (Ergben, № 124).

Разсмотримъ отдѣльно каждый изъ упомянутыхъ штрафовъ.

Svod (*ssvod*, *suod*, *svvod*, *zvod*). „*Voce svod denotatur... poena, qua mulctabatur vicinitas, si culpa devolvebatur in reum incognitum aut fugitivum*“, говорится въ словарѣ Эрбена. (*Glossarium*, 811). Изъ § 27 Статутовъ Оттона мы узнаемъ, что село, къ которому приводилъ слѣдъ, обязано было уплатить штрафъ, само собою разумѣется, если не могло отвести слѣда. *Jus Congradi* отмѣняетъ этотъ древній обычай, постановляя:

Item si vestigia rei furtivae secus aliquam villam deperierint: eadem villa occasione ejusdem furti nullatenus puniatur. (Сводъ слав. зак. 491).

Въ привиллегіи духовенству 1222 г. читаемъ:

Et quandocunque fur capitur in aliqua villa: sola domus in qua furtum invenitur, publicetur vicinae vero domus in

pace permaneant, poenam tamen, scilicet CCC denarios, cum aliis persolvant. (Сводъ слав. зак. 496—497).

Hlava (glava, glaua, hlaua). Пеня эта уплачивалась всякій разъ, если совершенно было убійство или вообще находили мертвое тѣло въ границахъ даннаго округа. 1213: *Insuper liberos esse volumus ab aliis nummis qui dantur pro capite vel pro svod.* (Erben, № 457). 1222. *Si quis etiam in bonis episcopatus vel ecclesiae Pragensis homicidium praesumpserit perpetrare et homicida evaserit: consanguinei interfecti reum jure terrae perquirant, ita tamen, quod homines ecclesiae et episcopatus conserventur indempnes. Hanc autem poenam alleviare volumus, qua quando quis interficiebatur in aliqua villa et interfector non capiebatur, quilibet rusticus in CC denariis condemnari solebat; nunc nos mitius agentes cum eis, volumus ut tota villa in CC denariis condemnetur.* (Сводъ с.л. зак. 494, 497). 1288: *De eo quod vulgariter dicitur narok sive svod, et de eo, quando aliquis interficitur, quod vulgariter hlava vocatur.... jam supradictarum villarum incolae sint perpetuo liberi et immunes.* (Erben, № 725). 1259). *Statuimus etiam, ne homines memoratae ecclesiae graventur in hoc, quando aliquis occisus seu strangulatus fuerit, quod materna lingua hlaua nuncupatur, sive se invicem seditiose vulneraverint, sive a latronibus vulnerentur, quod dicitur rannik liberi sunt et absoluti.* (Иречекъ, Codet juris bohem. I, 147).

Narok. Подъ этимъ именемъ разумѣлся штрафъ, уплачиваемый въ случаѣ совершенія грабежа. 1228. *Si in culpam inciderint, sive aliquis in villis ecclesiae ejusdem casu miserabili ab alio suffocetur, quod vulgariter hlava dicitur, seu (ab) aliquo pro latrocinio incusetur, quod boemice narok vocatur.... ab omnibus hiis ipsos penitus decernimus absolutos, arbitrio domini abbatis relinquentes, ut pro hiis et aliis culpis homines suos poena debita puniat, in usus monasterii, quidquid ex culpa provenerit, convertendo.* (Erben, 753).

1236: Si vero naroc, quod latine vocatur accusatio furum vel nocturnorum predonum, super eorumdem homines evenerit... omnes culpe satisfactio cedat in usus fratrum. (Emler, II, № 2644). 1262: Ut omnis acquisitio, que provenire solet in istis, zuood, narok et quod vulgo dicitur hlava, super omnes homines.... damus in usum domine abbatisse et congregacioni ipsius nunc et in perpetuum. (Emler, II, № 345).

Nedoperné, „derivatum a práti, ferire: multa propter graves vulnerationes solvenda“. (Erben, glossarium, 809). 1252. Universos homines vestros, sive involuntarie a se ipsis, sive per violentiam ab aliis vulneratos, a noxa et necessitate se iudicibus praesentandi redimus absolutos, et pecuniam ipsis consuetudinarie iudicibus pro huiusmodi vulneratione solvendam auctoritate praesentium in perpetuum relaxamus. (Erben, № 1289).

Hrdost (grdost, herdost), — штрафъ, платившійся въ случаѣ совершенія надъ кѣмъ-либо насилія, но безъ грабежа. (Иречекъ, Slov. pravo, II, 247).

Выше мы упомянули, что къ концу XIII ст. исчезли послѣднїе слѣды круговой поруки въ Чехїи. Просмотрѣнныя нами изданныя недавно Эмлеромъ чешскія грамоты XIV в. (*Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*. Т. II. Прага 1882, и Т. III. 1884—1885) не содержатъ въ себѣ никакихъ постановленій о солидарной отвѣтственности сосѣдей за преступленія. Между тѣмъ Леонтовичъ усматриваетъ слѣды древняго института круговой поруки въ памятникахъ чешскаго законодательства XIV, XV и даже XVI ст. „Повинность общинъ, гов. онъ, „dobývati, honiti“ злодѣевъ (ради такого honěnía общины обыкновенно соединялись въ большіе округа — honitvy) составляла у чеховъ древнее учрежденіе и удержалась еще въ Zřízení Zemském 1500 г. Кромѣ того паны и общины, по древнему обычаю, заключали между собою формальные договоры о взаимной помощи и охраненіи отъ злыхъ людей, о honěníu и выдачѣ

ихъ во всѣхъ краяхъ государства, подъ угрозой общей „romstu“ при несоблюденіи договора“. (Госуд. устройство Дубровника 826).

Во первыхъ, что касается „гонитвъ“, о которыхъ упоминаетъ Леонтовичъ, то таковыхъ не знаютъ вовсе памятники чешскаго права. Терминъ этотъ впервые былъ употребленъ Палацкимъ въ его Исторіи чешскаго народа⁵⁷); затѣмъ мы его встрѣчаемъ въ Архивѣ Калачова за 1861 г., гдѣ переводчикъ статьи Герм. Иречка о жупныхъ судахъ (Штейнфельдъ), предпослалъ ей нѣсколько общинъ замѣчаній о жупномъ устройствѣ, почерпнутыхъ имъ изъ I тома Исторіи Палацкаго; и наконецъ слово гонитва является въ сочиненіяхъ Леонтовича. Необходимо замѣтить при этомъ, что у Палацкаго гонитва означаетъ малый округъ, а у Леонтовича уже большой, составившійся изъ соединенія многихъ общинъ въ одно! Ни Палацкій, ни Леонтовичъ не могли назвать ни одного памятника чешскаго права, гдѣ бы встрѣчался этотъ терминъ, по той простой причинѣ, что таковаго не имѣется. Только въ позднѣйшихъ источникахъ XV и XVI ст. мы находимъ глаголь „honiti“, въ смыслѣ преслѣдованія преступниковъ; но постановленія этихъ грамотъ, какъ сейчасъ увидимъ, вовсе не находятся въ связи съ древнимъ институтомъ круговой поруки. Существительное „honitwa“ встрѣчается въ одной польской грамотѣ XIV ст., однако оно отнюдь не имѣетъ того значенія, какое ему придавали Палацкій и Леонтовичъ. Et quia jure communi, говорится въ ней in regno Poloniae dictatur: ubi colunt rustici agros in bonis haereditariis, decimae dantur in communem cursum, dictum Gonitwam; sed hic per kmethones dictarum villarum agri coluntur de jure communi Canonico Cracoviensi supradicto decimare tenentur vel suo conventui. (Codex diplomaticus univers. cracov. I, № 5).

Принимая во вниманіе все вышесказанное, мы приходимъ къ заключенію, что терминъ „honitwa“, столь долго держав-

пійся въ славянской ученой литературѣ, долженъ быть, по нашему мнѣнію, исключенъ изъ исторіи чешскаго права, ибо онъ чуждъ памятникамъ чешскаго законодательства.

Указывая на сходство постановленій о круговой поруцѣ у древнихъ сербовъ, хорватовъ, поляковъ и чеховъ, Леонтовичъ ссылается на чешскія источники права XIV—XVI ст.; а именно на §§ 532—540 *Zřízení Zemského* 1500 г. и кромѣ того на другія постановленія, помѣщенные въ Архивѣ Палацкаго (I. 52—55, 58, 215, 252). Но упоминаемая въ этихъ памятникахъ поголовная обязанность всѣхъ жителей принимать участіе въ поимкѣ и задержаніи преступниковъ подъ угрозою наказанія за всякое упущеніе въ этомъ дѣлѣ, является просто охранительною полицейскою мѣрою и не имѣетъ ничего общаго съ институтомъ круговой поруки. Изъ источниковъ, на которые указываетъ Леонтовичъ, видно только, что всѣ жители края обязаны были съ крикомъ гнать злодѣевъ; край же, какъ мы знаемъ, былъ извѣстнымъ административнымъ дѣленіемъ, начало котораго относится къ XIV ст., когда вся Чехія раздѣлена была на 12 такихъ округовъ. Дѣленіе это знаменуетъ въ Чехіи введеніе новыхъ порядковъ и паденіе старыхъ. Кромѣ того, ни въ одномъ изъ занимающихъ насъ памятниковъ не упоминается о круговой отвѣтственности, а прямо сказано, что только не исполнившіе этого предписанія подлежатъ наказанію⁵⁸). Что же касается договоровъ чешскихъ пановъ заботиться о благосостояніи государства и помогать другъ другу, то мы отказываемся понимать, что имѣетъ общаго это постановленіе съ древнимъ славянскимъ общиннымъ бытомъ и порукой. Намъ невольно приходитъ здѣсь на мысль мнѣніе Мацѣйовскаго, искавшаго начала польскихъ конфедерацій въ древнемъ общинномъ устройствѣ славянъ. (*Histor. prawod.* II, 258). Эти союзы чешскихъ пановъ прямой результатъ того безначалія, которое воцарилось въ Чехіи во время гусситскаго движенія, не болѣе.

Г) Круговая порука у поляковъ.

О существованіи этого института въ древней Польшѣ свидѣлствуютъ памятники польскаго законодательства XII, XIII и XIV ст. Самымъ интереснымъ источникомъ въ этомъ отношеніи, безспорно, является сборникъ, или книга польскаго обычнаго права XIII в., составленная какимъ то анонимнымъ нѣмцемъ, желавшимъ познакомить своихъ единоплеменниковъ съ дѣйствовавшимъ въ его время туземнымъ правомъ у поляковъ. Кромѣ того о солидарной отвѣтственности сосѣдей упоминаетъ Вислицкій статутъ и многочисленныя грамоты. Грамоты эти, содержаніемъ которыхъ служитъ большею частью освобожденіе жителей монастырскихъ и дворянскихъ земель отъ разныхъ государственныхъ повинностей, говорятъ часто и объ увольненіи ихъ отъ обязанности вициніи, носившей по польски названіе ополе (a vicinia quae opole vulgariter dicitur). Послѣдній терминъ долгое время служилъ предметомъ догадокъ для первыхъ изслѣдователей польской исторіи и права, и Нарушевичъ, а также Чацкій не могли уяснить себѣ его значенія. Штенцель, въ своемъ изданіи памятниковъ, полагалъ, что здѣсь идетъ рѣчь объ освобожденіи отъ денежной подати⁵⁹), упустивъ изъ виду, что въ приводимыхъ имъ же грамотахъ сказано: in districtu opole. Писатель этотъ вообще неправильно смотрѣлъ на характеръ учрежденія круговой поруки, встрѣчающейся въ источникахъ древняго польскаго права. По его словамъ, не слѣдуетъ сравнивать упоминаемой въ нихъ отвѣтственности территоріальныхъ округовъ за найденный въ ихъ предѣлахъ трупъ съ круговою порукой англо-саксонскихъ законовъ, — ибо послѣдняя вытекла изъ народной жизни, — а скорѣе съ тѣми мѣрами, къ которымъ успѣшно прибѣгали французы для искорененія разбоевъ, во время ихъ владычества въ Италіи⁶⁰).

Рёпелль, въ замѣчательномъ трудѣ, считающимся до сихъ поръ лучшимъ сочиненіемъ по исторіи древней Польши, одинъ изъ первыхъ высказалъ правильный взглядъ какъ на характеръ, такъ и на происхожденіе круговой отвѣтственности сосѣдей древняго польскаго права. Во первыхъ, что касается термина „*orole*“, то онъ вполне соответствуетъ латинскому „*vicinia*“, означая поля, земли вокругъ лежащія, въ смыслѣ сосѣдства. Изъ грамотъ польскихъ несомнѣнно явствуетъ, что *vicinia* или *orole* было извѣстнымъ территоріальнымъ дѣленіемъ соединеніемъ отдѣльныхъ участковъ въ одно замкнутое цѣлое. Жители этихъ ополей отвѣчали всѣ вмѣстѣ за преступленія, совершенныя въ ихъ округѣ, если не находили виновника или не шли на помощь вызывающему о ней (615—616). Что касается далѣе происхожденія, то круговая эта отвѣтственность за убійство, воровство и другія нарушенія общественнаго порядка и спокойствія внутри ополя, гораздо старше княжеской власти. „Подобное учрежденіе отвѣчаетъ вполне требованіямъ того времени, когда княжеская власть не брала еще на себя всеобщей защиты права, каковая находилась исключительно въ рукахъ членовъ независимыхъ родовыхъ союзовъ, которые могли осуществлять ее только при помощи подобнаго рода солидарной отвѣтственности. Княжеская власть впослѣдствіи только воспользовалась этимъ готовымъ учрежденіемъ, видя въ немъ лучшее средство для правильнаго отбыванія подданными государственныхъ повинностей и платежей.... Точно такъ какъ отдѣльныя семейства въ родовомъ союзѣ, такъ и собраніе родовъ въ разсматриваемомъ учрежденіи представляетъ одну замкнутую правовую единицу, нѣкоторымъ образомъ какъ-бы одинъ родъ. Эта аналогія заставляетъ насъ искать начало этого института не въ чуждой вообще древнимъ временамъ правильной, впередъ придуманной организаціи, а принуждаетъ смотрѣть на него, какъ на дальнѣйшее органическое развитіе семейныхъ и родовыхъ союзовъ. Семейства отдѣльныхъ родовъ

осѣдали сперва вмѣстѣ въ одномъ округѣ; при умноженіи семействъ, тѣ изъ ихъ членовъ, которые нуждались въ новыхъ жилищахъ, искали ихъ вблизи своей старой родни, такъ что округъ, занимаемый родомъ, все болѣе и болѣе расширялся. По этому какъ семейства одного рода представляли одну правовую единицу, такъ и весь занятый ими округъ составилъ, въ правовомъ отношеніи, одно замкнутое цѣлое, и сохранилъ этотъ характеръ даже тогда, когда съ теченіемъ времени стало исчезать среди отдѣльныхъ семействъ сознаніе принадлежности къ одному роду, и когда, съ другой стороны, водворились въ округѣ чуждыя первобытному роду семейства". (Roepell, 86—88).

Вышеупомянутая книга польскаго обычнаго права говоритъ довольно подробно (въ §§ VIII, IX и X) объ отвѣтственности ополей и содержитъ весьма любопытныя детали о порядкахъ, соблюдавшихся въ то время при отысканіи виновника преступленія. Мы предлагаемъ текстъ этихъ статей въ томъ видѣ, какъ онѣ изданы Гельцелемъ, во второмъ томѣ его памятниковъ древняго польскаго права.

VIII. Wirt eyn man gemordet, uf dem velde adir uf der strose, wer zo den begrebit, der mus daz houbt geldin, und des herren und hand (?) beszern mit L. marken (der mus das houbt gelden unde des herren unde beszern mit L. marken, въ изд. Фольемана). Ist der geslagene eyn ritter adir koufman, den gildet her mit vumfczig marken. Vor eynen duetschen man, den heysen dy polen gast, gildet her mit XXX marken. Blibet abir eyn gemordet man uf dem velde adir uf der strose legende, und weis man nicht, wer in geslagen hot, zo ledt der herre dy gegenote vor sich, und gibt der schuld umb den toten; und en mag die gegenote den mort uf andirs nyman-de brengen, zo mus ze den toten geldin als do vorgesprochen ist. Spricht abir dy gegenoten uf eyn dorf, daz der mort dor us gescheen sy, und spricht daz dorf, daz is unschuldig sie, des mus is zich entreden mit camphe, adir mus den toten geldin. Zagit aber das dorf uf ein geslechte von dem is sie geschen, und spricht daz geslechte is zy unschuldig, des mus is sich entschuldigen mit camphe,

adir geldin den toten. Spricht abir daz geslechte uf eyn man, daz her den mort habe getan, und spricht her daz her sy unschuldig, dor vor mus her vechten, adir daz ysen tragen. Wirt her vorwunden, her mus bessern, als dicke do vorgesprochen ist.

Wirt aber eyn man geslagin in eyme dorfe adir bey eynem dorfe, und vaen dy gebuer den, der den schadin hat getan, und entwerten den herren adir dem richter, ze bliben is ane schaden. So glicher wis wirt eyn man geslagen by eynem dorfe, und mogyn ze den nicht gevaen, der den schaden hot getan, zo volgen ze mit geschrey zcu eynem andirn dorfe, so einleidin ze keine not dorumb: zo mus abir den daz dorf vorbas mit geschrey volgen zcu eynem andirn dorfe, und also mus iclich dorf volgen eyns zcu dem andirn also lange, bis der gefangen wirt, der den schadin hat getan. Welch dorf nicht envolget zcu dem das gechrey alsus kumt, daz mus gelden den toten.

IX. Czu der selbin wyse volget man ouch umb roub, adir umb doube, von gegenote zcu gegenote, von dorfe, zcu dorfe, alz hy vorgesprochen ist.

X. Ist daz ouch eyn man irtrinket, wer den us dem wassir gewynnet ane des richters orloub, der mus den toten geldin. Gewynnet in abir nymant us, zo ledt der herre adir der richter dy gegenote, dy mus bewysen, wer in irtrenkit hat, zcu aller wyse, alz do vorgesprochen ist von den morten gemordeten manne, adir ze mus in gelden. (Helcel, II, 18—19).

VIII. Если кто будетъ убить въ полѣ или на дорогѣ, тотъ кто похоронитъ его, долженъ заплатить за его голову, а князю 50 гривенъ ⁶¹⁾. Если убитый рыцарь или купецъ, за него платитъ 50 гривенъ; за нѣмца, котораго поляки именуютъ гостемъ, платитъ 30 гр. Если же убитый въ полѣ или на дорогѣ человекъ лежитъ на мѣстѣ и неизвѣстно кто его убилъ, тогда господинъ призываетъ къ себѣ ополе и налагаетъ на него вину за убитаго; а если ополе не можетъ возвести ни на кого другаго вины, тогда должно заплатить за голову, какъ было сказано. Если же ополе назоветъ какую нибудь деревню, что въ ней совершенно было убійство, а деревня эта опять утверждаетъ, что она невин-

новна, тогда она должна доказать свою невиновность поединкомъ, или уплатить за голову. Но если деревня уличаетъ извѣстный родъ въ убійствѣ, а родъ этотъ признаетъ себя невиновнымъ, тогда родъ долженъ доказать свою невиновность поединкомъ, или уплатить за голову. Если опять родъ сваливаетъ вину на извѣстное лицо, а оно говоритъ, что невиновно, тогда оно должно выйти на поединокъ или нести раскаленное желѣзо. Если при этомъ доказательствъ останется побѣжденнымъ, тогда должно вознаградить за голову, какъ выше было сказано.

Но если кто будетъ убитъ въ деревнѣ или возлѣ деревни, и деревенскіе жители поймають и выдадутъ убійцу господину или судѣ, тогда не понесутъ никакого ущерба. Также точно, если кто будетъ убитъ возлѣ деревни, а сельчане, не будучи въ состояніи изловить убійцы, гонятъ по слѣду его съ крикомъ до другой деревни, тогда не несутъ никакого ущерба; но деревня должна дальше съ крикомъ преслѣдовать по слѣду убійцу до другой деревни, и такимъ способомъ должна каждая деревня гнать по слѣду, съ одной деревни въ другую, до тѣхъ поръ, пока не будетъ пойманъ тотъ, кто совершилъ преступленіе. Деревня, къ которой съ крикомъ довели слѣдъ, въ случаѣ не пожелаетъ гнать дальше по слѣду, должна уплатить за голову.

IX. Такимъ же точно образомъ гонятъ по слѣду за разбойникомъ или воромъ, отъ ополя къ ополу, отъ деревни до деревни, какъ здѣсь было сказано.

X. Если также кто утонетъ, тогда тотъ, кто безъ позволенія судьи вытащить его (утопленника) изъ воды, долженъ заплатить за голову. Если его никто не вытащить, тогда господинъ или судья позоветъ ополе, и оно должно доказать, кто его утопилъ, такимъ же точно образомъ, какъ выше было сказано объ убитомъ человѣкѣ, въ противномъ случаѣ, должно заплатить за голову.

Статутъ Вислицкій говоритъ о круговой отвѣтственности сосѣдей въ одной статьѣ, которую мы приведемъ какъ въ оригиналѣ, такъ и въ польскомъ переводѣ XV вѣка. Польскій переводъ законовъ Вислицкаго статута, помѣщенный въ первомъ томѣ Памятниковъ польскаго права Гельцеля (Краковъ 1856), представляетъ для изслѣдователей древняго быта славянъ гораздо болѣе интереса, нежели латинскій оригиналъ, на что указывалъ еще Лелевель въ своемъ сочиненіи, Польша въ средніе вѣка (III, 483). Удивительно, что славянскіе юристы до сихъ поръ не обратили на него должнаго вниманія и Герм. Иречекъ въ Сводѣ славянскихъ законовъ, а также Р. Губе въ своемъ трудѣ, Польское право XIV ст., ограничились только латинскимъ текстомъ Вислицкихъ статутовъ ⁶³).

XLVIII. Nagod villanus deposuit querelam contra suos vicinos villanos, quod cum equus tempore nocturno fuisset sibi subtractus, idem Nagod cum instantia requisivit et petiit eosdem suos vicinos villanos, ut per vestigia eundem furem, pro eodem equo rehabendo insequi ipsum adjuvarent: villani vero furem insequi recusarent, et ita Nagod praedictum equum amisit. Nos itaque, in tali casu declaramus, praedictos villanos ad solvendum equum praedicto Nagod condemnandos.

Nagod wieśnica położył skargę przeciwko sąsiadom swoim, kako gbyż koń czasu nocnego był jemu ukradzion, ten to Nagod z nastojnością upomnionał a prosił tych-to swoich sąsiadów wieśnic, aby śladem tego to złodzieja, ku zasię nabyciu tego-to konia gonić jemu pomogli; ale wieśnice pościgać złodzieja odmowili się, a także Nagod przerzeczonego konia stracił. My takie w takiej przytczy wykładamy, przerzeczone wieśnice ku zapłaceniu przerzeczonego konia przerzeczonemu Nagodowi być skazane (Helcel, I, 39).

Наконецъ грамоты XII, въ особенности же XIII и XIV в. постоянно упоминаютъ о круговой отвѣтственности, отмѣняя болѣею частью этотъ институтъ. Приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1145: absolvit omnes homines in premissis villis commorantes... a vicinia quod opole dicitur vulgariter (Rzyszczewski i Muczkowski,

I, 4); 1221: in praedictis villis caput non solvent eo more, quo Poloni solvere consueverut, nec condempnabatur in capite interfecti, vel occisi, quod fuerit inventum in terminis eorum (Stenzel 280); 1242: et omnes villas ejusdem monasterii...pro una vicinia et solutione...admissimus permanere et si ex eis aliquae ad aliquas vicinias pertinebant...; ipsas omnes a supradictis vicinias liberas facimus et immunes (Raczyński, 21); 1252: sint etiam preter Opolie et extra ipsius soluciones, kme thones vero et incolae ipsorum si se vulneraverint, per Abbatem aut judicem ipsius judicentur et condempnentur et condempnans recipiatur (Kodeks dypl. katedry Krak, Wacławowa, 21). 1253: quod si solutio capitis super viciniam ceciderit, homines episcopi vel Glagoviensis ecclesiae, qui sunt de illa vicinia, solvant dominis suis portionem, quae ipsos contingit, similiter si non venerint ad clamorem, cum aliquis in via spoliatur aut percutitur (Stenzel, 332); 1277: statuimus ut villae supradicti monasterii...sint in perpetuum ab omnibus viciniis liberae, exemptae, scilicet Starigrod, Malpino, Dalevo, Vyrchreka, Scodrochov, Cychov, Gorka, Rademisko, Vanesc de Crivinensi vicinia deliberamus, ita ut cum dicta vicinia circuitiones septuginta bovem et vaccam, homicidia, omnesque exactiones dicta villa non solvat sed specialiter omnes villae ex integro supra nominatae domus habeant se pro una vicinia et solutione, si quid in eis evenerit (Raczyński, 65); 1278: si homo occisus vel qualicunque morte preoccupatus, sive plures intra terminos bonorum domus dictae inventus fuerit...villas et incolas... a poena hujusmodi homicidii, sive Ducatus nostri, sive cujuscunque honorati. et precipue Castellani castri de Bala et ab urna mellis capitalis...absolvimus (Rzyszczewski, 103); 1286: volumus, ut in omni causa judiciaria capitis, manus, mutilationis membrorum, quacunque sanguinis effusione, vel quacunque causa emergente majore seu minore, in forto seu quacunque causa, nec quidem citari ratione opol possint, sicut prius, nec comparere, nec respondere compelli debeant aliquatenus (Rzyszczewski, 119).

Разсмотрѣнныя постановленія древняго польскаго права о круговой поруцѣ позволяютъ намъ сдѣлать слѣдующіе выводы. Во первыхъ изъ нихъ явствуется, что ополе представляло собой довольно обширный территоріальный округъ. Слѣ-

чалось, что польскіе короли измѣняли иногда величину ополей, исключая извѣстныя деревни изъ одного округа и приписывая ихъ къ другому. Порядокъ отвѣтственности соблюдался слѣдующій: прежде всего отвѣтственность падала на ополе, которое однако могло очистить себя отъ подозрѣнія, назвавъ какую-нибудь деревню; эта послѣдняя, въ свою очередь, могла свалить вину на какой-либо родъ, которому опять предоставлялось: или уплатить штрафъ или назвать виновника. Другимъ оправдательнымъ средствомъ былъ поединокъ, а для отдѣльнаго виновника—поединокъ и желѣзо. Грамота 1278 г. указываетъ намъ тѣ штрафы, которымъ подвергалось ополе по старинному обычаю. Главною пенею была княжеская пеня; независимо отъ этого ополе должно было уплачивать штрафъ еще мѣстнымъ властямъ. Кромѣ штрафа, а можетъ быть и штрафовъ, которые поступали въ пользу князя и его чиновниковъ, ополе обязано было уплачивать за голову господину убитаго или его родственникамъ, если убитый былъ лицомъ свободнымъ. Далѣе ополе отвѣчало за пораненіе, а также за всякій разбой и воровство, совершенное въ его округѣ, если жители его не шли на помощь вызывающему о ней. Наконецъ ополе несло наказаніе за всякаго найденнаго въ его границахъ утопленника, если не было въ состояніи доказать, кто былъ причиною его смерти. Грамота 1278 г. идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше, говоря: *si homo occisus vel qualicunque morte preoccupatus inventus fuerit*. Эти слова грамоты указываютъ, что круговая порука въ Польшѣ пріобрѣла такой же фискальный характеръ, какой она имѣла въ средневѣковой Чехіи и какой до сихъ поръ удерживаетъ въ Турціи.

Намъ остается еще упомянуть, что и въ законодательныхъ постановленіяхъ балтійскихъ славянъ встрѣчаются указанія на существованіе круговой отвѣтственности сосѣдей за совершенныя въ околоткѣ преступленія. Поморскій князь Богославъ писалъ въ 1182 г.: „Повелѣваемъ всѣмъ, нахо-

дящимся подъ нашею властью, со всѣмъ стараніемъ наблюдать, чтобы любезнымъ намъ каноникамъ (водвореннымъ въ Бродскомъ монастырѣ) не причинялось никакого вреда и ущерба, тайнаго или явнаго, такъ какъ не только виновный, если будетъ открытъ, подвергнется тяжелой отвѣтственности, но и сосѣди, вокругъ живущіе, будутъ принуждены вознаграждать сполна изъ собственныхъ средствъ нанесенный имъ (каноникамъ) убытокъ (*quia non solum reus, si detectus fuerit, gravi sententie subiacebit, verum etiam vicini circumstantes cogentur damnum eis illatum ad integrum de propriis rebus restituere. Cod. Pomer. 50, Гильфердингъ, I, 160⁴*).

Д) Круговая порука по древне-русскому праву.

Самымъ древнимъ памятникомъ, откуда мы почерпаемъ свѣдѣнія объ институтѣ круговой поруки на Руси, является Русская Правда, краткіе и пространные списки которой упоминаютъ о солидарной отвѣтственности вервей⁶³). Въ нашей ученой литературѣ рѣдко какой вопросъ вызывалъ столько споровъ и разнообразныхъ мнѣній, какъ статьи Правды о верви. Одни изъ изслѣдователей полагали, что какъ учрежденіе верви, такъ и самое слово занесены были къ намъ норманнами, у которыхъ округъ, платившій виру, назывался „Hwarf“⁶⁴). Другіе, напротивъ, стоятъ за туземное происхожденіе верви и производятъ этотъ терминъ отъ слова „веревка, вервие“, которую употребляли при земельномъ измѣреніи⁶⁵). Въ пользу послѣдняго мнѣнія съ особенной силой высказывается Мрочекъ-Дроздовскій, приводящій въ защиту его цѣлый рядъ филологическихъ доказательствъ, взятыхъ изъ языка Библии (II, 134—135)⁶⁶). „Названіе земской общины, міра вервью, говоритъ оное, произошло отъ древняго способа опредѣленія земельныхъ границъ посредствомъ обведенія даннаго участка ужемъ, веревкою, вервиемъ

или вервью, такъ что вервь въ первоначальномъ прямомъ-смыслѣ есть уже веревка" (II, 134). Сергѣевичъ повидимому склоняется также въ пользу такого происхожденія термина вервь, хотя и не безъ нѣкотораго колебанія. „Трудно допустить, замѣчаетъ онъ по этому поводу, чтобы въ древности всѣ верви были точно измѣрены. Огороды и пахатныя земли можетъ быть и измѣрялись уже съ древнѣйшихъ временъ; но лѣса и луга не измѣрялись даже и въ сравнительно позднѣйшее время; этихъ угодій было очень много и каждый пользовался ими въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ чувствовалъ потребность". (365).

Мы думаемъ, что вервь Русской Правды получила свое наименованіе вовсе не отъ веревки, которая употреблялась при измѣреніи земель, какъ это утверждаютъ Соловьевъ, Миллеръ и Мрочекъ-Дроздовскій; такое объясненіе намъ представляется искусственнымъ и несоотвѣтствующимъ начальной эпохѣ нашей исторіи. Терминъ „вервь“, кромѣ Русской Правды, встрѣчается еще въ древнихъ памятникахъ хорватскаго права, гдѣ онъ обозначаетъ связь родства, родъ: „*како гге vgv od bašćine, po pravoј vgvі*“, читаемъ мы въ Полицкомъ статутѣ⁶⁷⁾. „*Vgv ob bašćine*“ значитъ развѣтвленіе рода послѣ отца (ср. Ягича, пр. 90). Въ Полицкомъ же статутѣ члены родовыхъ союзовъ носятъ наименованіе „врвныхъ братьевъ“ (ст. 48—49, 114). „Врвной братъ“ (сербскій „врвникъ“) это тоже самое, что „ужика“ (цересл. *ajika-consanguineus*). Терминъ „ужика“ образовался отъ слова „уже-аже, вполнѣ тождественнаго съ словомъ „врв, вервь“, и означаетъ родственника, человѣка связаннаго узами родства, ужемъ, вервью. (См. Миклошича—*Etymolog. Wörterbuch der slav. Sprach*: „*вѣзъ, сѣѣзъ, сѣвѣзъ, ѡза, вѣза, сѣвѣза, —аже, вѣже, ѡжика*“).

Слово „вервь“ имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ латинскимъ „*linea*“ и французскимъ „*ligne (la)*“, которыя означаютъ не только веревку, но и связь родства, родъ.

Изъ множества примѣровъ, гдѣ слово „linea“ употребляется въ послѣднемъ значеніи, я ограничусь приведеніемъ нѣкоторыхъ: *Non tibi clara quidem, senior placidissime, gentis linea, nec, proavis demmisum stemma* (P. Papin. Stat. Silv. lib. III, carm, III, 43—44); *ex paterna vel materna linea venientes* (Imp. Just. L. 10, Cod. 5, 10); *servando tam in moribus normam justitiae, quam etiam lineam nobilitatis in sanguine; unde videris nobilissimi sanguinis lineam* (Gregorius VII. P. P. lib. 6. Epist. 29; lib. 7, Epist. 21).

Отъ слова, *linea-ligne*“ произошли французскіе термины — „*lignée, lignage*“ въ значеніи рода (испанск. „*linage*“, итальянск. „*lignaggio*“). Французскій „*lignager*“ есть тоже, что и славянскій „връникъ-ужика“, т. е. членъ рода, лицо связанное общимъ происхожденіемъ, родовой связью.

Хотя въ Русской Правдѣ вервь является уже территориальнымъ союзомъ, но такое значеніе она приобрѣла лишь въ послѣдствіи; первоначально же вервь означала у насъ отдѣльный родовой союзъ, весь родъ со всѣми его развѣтвленіями. Съ теченіемъ времени, когда исчезло между членами сознаніе родства, родовой союзъ преобразился въ территориальный, при чемъ прямое указаніе на генетическую связь этого территориальнаго союза съ прежнимъ кровнымъ сохранилось въ его наименованіи „вервь“. И такъ, слѣдовательно, территориальная община, извѣстная въ Русской Правдѣ подъ именемъ верви, получила свое названіе не отъ веревки, посредствомъ которой будто бы опредѣлены были ея границы: она называлась вервью потому, что прежде была родовымъ союзомъ. — Такое объясненіе происхожденія верви Русской Правды представляется намъ наиболѣе естественнымъ. Оно опровергаетъ мнѣнія ученыхъ, видѣвшихъ въ верви искусственное административное дѣленіе, установленное у насъ впервые норманскими князьями. Мы думаемъ, напротивъ, что наши верви старѣе самой княжеской власти и вовсе не были учреждены князьями для уплаты виръ и исполненія извѣстныхъ

полицейскихъ обязанностей. Установленіе правильнаго административнаго дѣленія есть дѣло позднѣйшей эпохи. Вначалѣ же княжеская власть должна была воспользоваться для государственныхъ цѣлей тѣми естественными союзами, которые выработала сама жизнь. Вотъ такимъ то союзомъ и была территоріальная община—вервь, развившаяся изъ кровнаго союза.

Взглядъ на вервь Русской Правды, какъ на союзъ территоріальный, можно считать окончательно установившимся въ нашей литературѣ. Въ числѣ ученыхъ, считающихъ вервь территоріальной общиной, мы можемъ назвать такіа авторитетныя имена какъ Сергѣевича, Владимірскаго - Буданова, Мрочекъ-Дроздовскаго. Но главнымъ выразителемъ такого взгляда является Лешковъ, представившій намъ подробную теорію вервнаго устройства въ своемъ сочиненіи „Русскій народъ и государство“ (89—142). Ученіе Лешкова о верви, несмотря на много весьма мѣткихъ и вѣрныхъ замѣчаній по отдѣльнымъ вопросамъ, въ общемъ представляетъ тотъ существенный недостатокъ, что въ основаніи выводовъ автора лежатъ большею частью не факты, а однѣ лишь гипотезы, что и дало поводъ Сергѣевичу замѣтить, что „предлагаемое Лешковымъ подробное описаніе верви все основано на однихъ предположеніяхъ. (365). Желая представить полную картину развитія древнихъ вервей съ момента ихъ возникновенія, Лешковъ пополняетъ постановленія Русской Правды“ своими собственными логическими соображеніями, „которые однако не всегда намъ представляются основательными. Такъ, примѣръ, если мы съ одной стороны согласны съ нимъ, что вервь въ Русской Правдѣ является территоріальной общиной, что къ дѣятельности ея слѣдуетъ отнести все, что говорится въ Правдѣ о людяхъ и мірѣ; что союзъ верви не былъ чѣмъ нибудь случайнымъ, зависѣвшимъ отъ составлявшихъ его членовъ;—то съ другой стороны, авторъ безъ всякаго основанія утверждаетъ, что „наши верви заключали въ себѣ по нѣскольку сотъ квадратныхъ верстъ, напр. версть 20 въ

длину и столько же въ ширину, т. е. 400 квадратных верстъ, или даже (?) до 40 въ длину и до 30—35 въ ширину, что составляетъ отъ 1,200 до 1,300 квадратныхъ верстъ“ (115); что далѣе „владѣльческіе, отдѣльные поземельные участки въ вервныхъ союзахъ были совершенно равны и раздавались по жребію всѣмъ желавшимъ, такъ какъ было все равно, какой участокъ кому ни достанется“ (117).

Желая держаться исключительно на фактической почвѣ, мы будемъ касаться въ изложеніи только тѣхъ сторонъ дѣятельности нашихъ древнихъ вервей, которые затронуты Русскою Правдой. Краткіе списки говорятъ о круговой отвѣтственности вервей въ двухъ статьяхъ:

„А иже оубьютъ огнищанина въ разбои или (и) оубища не ищють, гласить 19 ст. академическаго списка, то вирное платити въ немъ жи вири (верви) голова начнетъ лежать“.

Предыдущая же статья постановляетъ: Аще оубьютъ огнищанина въ обиду, то платити зань 80 гривенъ оубища а людемъ не надобѣ; а въ подѣздномъ княжи 80 гривенъ.

Гораздо больше указаній даетъ намъ Правда пространная, въ которой насчитывается семь статей, относящихся къ занимающему насъ вопросу. Вотъ текстъ этихъ статей по Троицкому списку:

Ст. 3. Аже кто убьетъ княжа мужа въ разбои, а головника не ищуть: то виревную платити въ чьей же верви голова лежить... то 80 гривенъ: наемъ ли людинъ, то 40 гривенъ.

Ст. 4. Которая ли вервь начнетъ платити дикую вѣру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, занеже безъ головника имъ платити: будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зань къ нимъ прикладываетъ, того же дѣла имъ помогати головнику, либо си дикую вѣру; по сплатити имъ вообщи 40 гривенъ, а головничество самому головнику, а въ 40 гривенъ ему заплатити изъ дружины свою часть; но оже будетъ убитъ или въ свадѣ или въ пиру явлено: то тако ему платити по вервиннѣ иже ся прикладываютъ вирую.

Ст. 5. Будетъ ли сталъ на разбой безъ всякой свады: то за разбойника люди не платятъ, но выдаютъ и всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и разграбление.

Ст. 6. Аже кто не вложится въ дикую вѣру; тому людье не помогаютъ, но самъ платитъ.

Ст. 15., А по костехъ и по мертвеци не платитъ верви, аже имене не вѣдаютъ ни знаютъ его.

Ст. 62—63. Аже украдетъ кто бобръ, то 12 гривенъ. Аже будетъ розсѣчена земля, или знамение, имъ же ловлено, или сѣтъ: то по верви искати татя, ли платити продажу.

Ст. 70. Не будетъ ли татя, то по слѣду женуть. Аже (не) будетъ слѣда ли къ селу, или къ товару, а не отсочать отъ себе слѣда, ни ѣдутъ на слѣдъ, или отбьются: то тѣмъ платити татбу и продажу, а слѣдъ гнати съ чюжими людми а съ послухи. Аже погубятъ слѣдъ на гостиньцѣ на велицѣ, а села не будетъ, или на пустѣ, вѣ же не будетъ ни села, ни людии: то не платити ни продажи, ни татбы.

Изъ приведенныхъ статей мы во первыхъ усматриваемъ, что община-вервь привлекается къ отвѣтственности, если въ ея предѣлахъ совершенно умышленное убійство и убійца не отысканъ ею; если же вервь находила убійцу, то освобождается отъ всякаго платежа. Изъ статьи 18 ак. сп. видно, что преступникъ въ такомъ случаѣ самъ обязанъ былъ изъ своихъ собственныхъ средствъ уплатить князю штрафъ за убійство огнищанина⁶⁸). Пространные списки замѣняютъ этотъ денежный штрафъ болѣе тяжкимъ наказаніемъ, а именно: умышленный убійца отдавался вмѣстѣ съ женою, дѣтми и всѣмъ имуществомъ въ полную власть князя („...за разбойника люди не платятъ, но выдаютъ и всего съ женою и съ дѣтми на потокъ и разграбленіе“).

Ст. 4. Троицкаго списка постановляетъ, что въ случаѣ если кто либо изъ членовъ верви совершитъ неумышленное убійство (въ ссорѣ или на пиру открыто), то вервь помогаетъ такому преступнику уплатить штрафъ князю. Но вервь помо-

гаетъ лишь такимъ членамъ, которые „прикладываютъ къ верви“, состоятъ съ нею въ круговой порука; при этомъ общая уплата простирается только на 40-гривенный княжескій штрафъ (виру), а не на головничество (вознагражденіе родственникамъ убитаго), которое уплачиваетъ самъ преступникъ. Что же касается княжескаго штрафа, то преступникъ платитъ въ соотвѣтственной долѣ (сколько приходится на его часть по расчету числа членовъ товарищества). Тѣ изъ членовъ верви, говоритъ статья 6-я, которые „не владывались въ общинную (дикую) виру“, не могли рассчитывать на подмогу общины, а платили штрафъ сами⁶⁹).

Эти постановленія Правды подали поводъ нѣкоторымъ ученымъ думать, что вообще союзъ верви въ древней Руси носилъ характеръ личный и временной, что отъ произвола каждаго зависѣло принадлежать или не принадлежать къ такому союзу. „По всей землѣ, гдѣ жилъ русскій народъ, говоритъ Бѣляевъ въ своемъ сочиненіи „О круговой порука на Руси“, были устроены общины круговой поруки, извѣстныя подъ именемъ вервей, погостовъ, волостей, сотенъ и подъ другими наименованіями; общины эти устраивались по добровольному согласію членовъ, а не по принужденію и правительство въ это дѣло вовсе не вмѣшивалось, а только признавало законность такого порядка дѣлъ“... Древняя Русь „представляла такимъ образомъ собою нѣсколько союзовъ общинъ, основанныхъ на круговой порука и сложившихся добровольно, а не по распоряженію административной власти“. (21—29).

Приведенное мнѣніе Бѣляева есть результатъ смѣшенія двухъ видовъ круговой поруки, встрѣчаемыхъ въ Русской Правдѣ. Съ одной стороны, какъ мы видѣли, Правда говоритъ о круговой отвѣтственности всѣхъ членовъ верви или территоріальной общины за случившееся въ ея предѣлахъ умышленное убійство. Вervi, не желавшая искать провинившагося члена, уплачивала князю штрафъ. Это предписаніе

Правды совершенно тождественно съ постановленіями законника Душана о круговой порукѣ территоріальныхъ общинъ. Какъ здѣсь такъ и тамъ общинѣ предоставлялось право выдать преступника или уплатить за него штрафъ. Такого рода солидарная отвѣтственность членовъ верви развилась историческимъ путемъ. Съ другой стороны члены верви могли составлять нѣчто въ родѣ добровольныхъ страховыхъ обществъ, вступать въ которыя никто не принуждался. Если кому изъ членовъ такого товарищества случалось совершить неумышленное убійство, то остальные члены помогали ему заплатить штрафъ изъ общей складочной суммы ⁷⁰⁾. Но такого рода свободныя товарищества, представляющія извѣстный родъ артели, нельзя смѣшивать съ вервью или территоріальной общиной, развившейся изъ родового союза. Совершенно справедливо, замѣчаетъ Лешковъ, что мнѣніе ученыхъ, будто вервь, въ смыслѣ союза, была связію произвольною, временною, личною, есть послѣдствіе неправильнаго толкованія статьи 6-й Правды. Въ статьѣ этой говорится только о правѣ вложиться или не вложиться въ уплату виры за неумышленное убійство, а не о правѣ принадлежности къ верви. Принадлежность къ верви есть законъ: союзъ верви внѣ произвола; внося вкладъ свой въ дикую виру, или не внося его, члены все таки находятся въ союзѣ. Участвовать въ уплатѣ дикой виры значило участвовать въ одномъ случайномъ дѣйствіи союза; отказаться отъ этого участія значило отказаться отъ одного дѣйствія верви и отъ соотвѣтствующаго ему права. Не вкладываясь въ дикую виру, членъ терялъ право на помощь верви въ извѣстномъ одномъ случаѣ; но вся остальная связь съ союзомъ была ненарушима, всѣ остальные обязанности и права были сохранены и всѣ остальные узы принадлежности къ верви не были прерваны“. (107—108) ⁷¹⁾.

Вервь Правды вовсе „не была устроена добровольно для платежа дикой виры, какъ это утверждаетъ Бѣляевъ, и ее нельзя отождествлять съ разными купеческими ассоціаціями

на томъ только основаніи, что члены купеческихъ ассоціацій, о которыхъ говоритъ Бѣляевъ, были также связаны круговою порукой. Сочиненіе Бѣляева о круговой поруцѣ на Руси можетъ служить образчикомъ смѣшенія и отождествленія самыхъ разнородныхъ учрежденій на томъ только основаніи, что имъ всѣмъ присущъ одинъ общій признакъ—круговая порука. Бѣляевъ называетъ безразлично общиною—вервью и Новгородское Иванское купечество и весь Новгородъ и административныя подраздѣленія города Москвы, установленныя въ 1486 г. и ассоціацію волочанъ, отвѣчавшую за всякую потерю товара при перевозкѣ. Но такое употребленіе термина „община“ для обозначенія самыхъ разнородныхъ понятій вносить большую путаницу въ дѣло. И нашему времени извѣстна масса ассоціацій съ круговою отвѣтственностью членовъ, основанныхъ на разнообразныхъ началахъ; но эти ассоціаціи не имѣютъ ничего общаго съ древними общинными порядками, о которыхъ упоминаетъ Правда и другіе памятники славянскаго законодательства.

Возвращаясь къ толкованію остальныхъ статей Правды о круговой отвѣтственности членовъ верви, мы видимъ, что по статьѣ 15 вервь освобождается отъ платежа виры: 1) когда найденный на ея землѣ трупъ принадлежалъ лицу, никому неизвѣстному; 2) когда находили только человѣческія кости. По словамъ Соловьева вервь не платила виры въ этомъ случаѣ, такъ какъ кости свидѣтельствовали о давности преступленія. (I, 232). Кавелинъ не согласенъ съ такимъ толкованіемъ и считаетъ возможнымъ объяснить положеніе 15 ст. только историческимъ происхожденіемъ виры. Такъ какъ вначалѣ виры были выкупомъ за убійство, замѣною мести, то и не полагалось виры за неизвѣстнаго человѣка по той простой причинѣ, что за него некому было мстить, а слѣдовательно не отъ кого было и откупаться. (118). Гораздо правильнѣе изъясняетъ происхожденіе 15 ст. Ланге. Во первыхъ, говоритъ онъ, по отиѣнѣ самосуда, право мстить за всякое убій-

ство перешло къ князю, такъ что, слѣдовательно, тутъ было отъ кого откупаться. Кромѣ того могло случиться, что вѣсьмъ извѣстный убитый человѣкъ былъ круглымъ сиротою и не имѣлъ родственниковъ мстителей; однакожъ нѣтъ никакого основанія полагать, что виры за него не платились. „Верьвь освобождалась отъ платежа виры за мертвеца, котораго имени не вѣдали, потому что убитый, никому неизвѣстный въ округѣ человѣкъ, могъ быть подброшенъ изъ другой отдаленной верви нарочно, для избѣжанія собственной отвѣтственности.... За человѣческія кости общинная вира не назначалась, безъ сомнѣнія, потому что ими не представлялось возможности опредѣлить, дѣйствительно ли совершено убійство: погибшій могъ замерзнуть и потомъ сгнить, могъ быть съѣденъ звѣрями“. (115).

Разсматривая разные списки Правды, мы узнаемъ, что общинные штрафы за убійство, уплачиваемые вервью назывались „вервьное, вервеное, виревное, вирное, дикая вира, людская вира. Терминъ „вервьное“ безспорно туземный и болѣе древній, нежели „вира, вирное“. Онъ есть производное слово отъ „вервь“ и вначалѣ долженъ былъ обозначать штрафъ, платившійся цѣлымъ родомъ, а затѣмъ общиною. Что касается названія „вира, вирное“, встрѣчающагося и въ болѣе позднихъ памятникахъ нашего законодательства, то оно нѣмецкаго происхожденія и попытка нѣкоторыхъ изъ нашихъ ученыхъ произвести „вира“ отъ слова „вервь“ не можетъ быть названа удачною ⁷²⁾. (Ср. Миклошича „Die Blutgache bei den Slaven, 17; Эверсъ, 310; Палацкій, Dĕjiny, I, 310; Мрочекъ-Дроздовскій II, 136; Приложенія, 15—20; Погодинъ, I, 132; Калачевъ, Объ уголовн. правѣ по судебнику, 353; Дополненіе къ разсужденію Делпа, 25; Михайловъ, 21; Герм. Иречекъ, Slov. pravo I, 162).

Въ Русской Правдѣ „вира“ означаетъ вообще штрафъ за убійство уплачиваемый князю; съ эпитетомъ же „дикая“ „людская“ она означала пеню, уплачиваемую вервью, т. е.

общинную пеню (прежнее „вервьное“) ⁷³). Мнѣніе Ланге, будто названіе „дикая вира“ употреблялось только для означенія одного вида штрафа, (а именно того, который уплачивался вервью вмѣстѣ съ преступникомъ, совершившимъ неумышленное убійство) противорѣчить прямому смыслу постановленій Правды о дикой вирѣ. Ст. 4-ая прямо называетъ обязательный для всѣхъ членовъ верви общинный штрафъ за неотысканіе преступника „дикой вирой“. Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру (виру), говорится въ ней колико лѣтъ заплатити ту виру, „занеже безъ головника имъ платити“.

Круговая отвѣтственность членовъ верви не ограничивалась только платежемъ дикой виры за убійство, но простиралась и на платежъ пени, извѣстной подъ именемъ продажи. Ст. 63 постановляетъ, что если въ какой-нибудь верви будетъ украденъ бобръ и преступленіе воровства доказано (будетъ разрыта нора, или найдены будутъ остатки орудій ловли, напримѣръ сѣть, или устроены будутъ силки), то вервь обязана найти вора, въ противномъ случаѣ повинна уплатити князю продажу. Владимірскій-Будановъ предлагаетъ иное толкованіе приведенной статьи. По его мнѣнію въ ней идетъ рѣчь объ отвѣтственности верви вообще въ дѣлахъ о воровствѣ, когда слѣды приведутъ къ ней. „Если будетъ слѣдъ, т. е. земля разсѣчена копытами лошадей (?) ногами людей (?) или колесами повозки (?), говоритъ онъ, или если найдены будутъ остатки орудій ловли, напр. сѣть, и эти слѣды (?) приведутъ къ верви, то вервь обязана найти среди себя вора; въ противномъ случаѣ платитъ продажу (Христ. I, пр. III, на стр. 62“). Но о доводѣ слѣдовъ говоритъ одна изъ послѣдующихъ статей Правды, которая прямо постановляетъ, что вервь не отвѣчала за преступленія татьбы, совершенныя въ ея границахъ. Слова „Аже будетъ разсѣчена земля“ Владимірскій-Будановъ безъ всякаго основанія объясняетъ „если

будетъ слѣдъ, т. е. земля разсѣчена копытами лошадей, ногами людей или колесами повозки“.

Ловля бобровъ, какъ это видно изъ сочиненія одного изъ лучшихъ натуралистовъ — Брэма (II, 164 — 172), производится самымъ разнообразнымъ образомъ. Въ Америкѣ, говоритъ Брэмъ, ихъ убиваютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но чаще ловятъ въ силки, устраиваемые разными способами. Бобровъ заманиваютъ въ нихъ свѣжими сучьями. Зимой взламываютъ часть льда подлѣ ихъ хижинъ, покрываютъ проломъ толстою сѣтью, затѣмъ ломаютъ шалаши и убиваютъ бобровъ (167). Конечно, если бобръ находится въ простой земляной норѣ, то можно поймать его, разрушивъ нору. Въ статьѣ 63 Троицкаго списка именно и перечислены подробно всѣ эти способы ловли бобровъ: („оже будешь розсѣчена земля, или знаменіе, имъ же ловлено, или сѣть“) и статья эта имѣетъ въ виду лишь одинъ случай тѣтбы — похищеніе бобра. Вербъ отвѣчаетъ здѣсь не потому, что къ ней привели слѣды (для насъ непонятно, какимъ образомъ остатки орудій ловли, напр. сѣть, могли привести къ какой-нибудь верви), а что въ ея предѣлахъ украденъ бобръ и самый фактъ преступленія доказанъ тѣмъ, что разрушена нора, устроены силки или оставлена на льду сѣть.

Въ древности бобры считались собственностью князя. Въ средневѣковой Польшѣ сельское населеніе обязано было стеречь бобровъ; въ противномъ случаѣ подвергалось тяжелымъ наказаніямъ. Интересно, что папы чрезъ посредство мѣстнаго духовенства, старались объ отмѣнѣ этихъ наказаній (Hube, I, 154). Вербъ въ Русской Правдѣ привлекается къ отвѣтственности, если въ ея предѣлахъ охотился кто на бобровъ, на томъ основаніи, что этимъ нарушалось право князя. Вотъ почему вервь и уплачиваетъ только штрафъ князю (продажу). Она освобождалась отъ платежа лишь въ такомъ случаѣ, если ей удавалось разыскать виновнаго. (См. Калачева,

Измѣд. о Руск. Правдѣ, 131; Раковѣдкаго, II, 89—90. Дубенскаго, Пр. 212 на стр. 92).

Я упомянулъ выше, что вервь не привлекалась къ отвѣтственности за случаи воровства, хотя бы и слѣды потерялись въ ея предѣлахъ. „Если тать скроется, гласить 70 ст., должно искать его по слѣду. Если слѣдъ приведетъ къ селу или къ товару и если они не отведутъ отъ себя слѣда, не пойдутъ на слѣдъ и станутъ отбиваться, то платить имъ и частное вознагражденіе и уголовный штрафъ въ пользу князя. А гнать слѣдъ надлежитъ съ чужими людьми и съ свидѣтелями. Но если слѣдъ потеряется на большой дорогѣ или вообще на мѣстѣ безлюдномъ, то взысканіе не слѣдуетъ съ той верви, гдѣ потерянь слѣдъ“.

И такъ слѣдовательно, отвѣтственность за воровство возлагается не на вервь, а на отдѣльныя небольшія общины (села), входившія въ составъ ея. Если слѣдъ приводилъ къ нимъ и онѣ не указывали дальнѣйшаго продолженія его или употребляли силу для воспрепятствованія розысковъ, то законъ признаетъ ихъ виновными въ совершеніи воровства и велитъ уплачивать какъ татьбу, такъ и продажу. О преслѣдованіи вора общиной по слѣдамъ, говоритъ подробно Литовскій статутъ 1588 г., предписаніе котораго на этотъ счетъ весьма близко подходитъ въ только что разобранный нами статьѣ Правды, почему мы и приводимъ его здѣсь цѣликомъ.

О погоненіе следомъ въ якой колвекъ шкоде покраденый
Коли бы покрадены кони, волю, быдло, и иншыя речы въ дому и гдежъ кольвекъ, а тотъ шкодный понялъ бы следъ тое шкоды своею и собравшы людей добрыхъ околичныхъ суседовъ водле давнего обычая гонилъ следомъ, а тотъ следъ где бы ку которому селу албо въ чый домъ привелъ, тогда послати до того села або до дому где следъ вышолъ, людей добрыхъ стороннихъ годъныхъ веры абы з села своего и з дому где бы следъ вышолъ або з грунту земли села своего следъ вывели, таковое село або в чый домъ следъ будеть вшолъ мають тотъ следъ в тое копы взяти и з села а або з дому и з земли своею того села следъ вывести ажъ до иншого границы куды тотъ следъ пойдетъ. А если бы тое село, до котораго следъ приведено, отъ себе следу не вывели або отъ следу отъбили або выгнавши быдломъ затоптали и на таковомъ застановившыся тая копа где следу не отведено або отъбито, мають взяти возного и с тымъ вознымъ люди сторонние копа вся мають оную школу осумонати на чомъ оный шкодникъ само треть присягнетъ менючи собе школу отъ того села, а егда

присягнутьъ, тогда оное село тую шкоду винни будутъ заплатить а собе винного искати и по сказанью мають черезъ возного и сторону которые при томъ были объявити то вряду кгородскому того повету и половицу пересуду вряду дати а вряду маеть рокъ водле важности шкоды и науки статутное заплате сложити и тотъ рокъ листомъ своимъ пану тыхъ людей ознайти и въ томъ его напомути абы тую шкоду людемъ своимъ заплатить велелъ, абы если о самого его дому копа будетъ самъ заплатить, а не станетъ ли ся в той речи заплата на рокъ отъ вряду зложной, тогда уквивжная сторона кгда позвавши, о то сторону противную до вряду кгородскаго доведетъ тою же тая копа и сказанье слушне вчинено тотъ тую шкоду будетъ виненъ совито заплатити а естлибы уквивжонный злодействомъ хотелъ шкоды свое доходити копою, тогда вси въ той околицы в околъ на мило со всихъ четырехъ сторонъ мають казати подъяннымъ своимъ на копу сходитися а то ся маеть разумети в передъ на тые местца где до сихъ местъ копы не бывали которые коповища каждый подъяморій в повете своемъ назначити и села тыхъ хто ся тамъ становити будетъ описати маеть а на руси и инде где давна копы бывали тамъ мають быти и теперъ копы отправованы на старыхъ коповищахъ тымъ обычаемъ яко первой того бывало а на тыхъ тежъ местцахъ гдѣ до селъ копы не бывали, таковымъ же порядкомъ и поступкомъ копы збираны и отправованы быти мають яко ся и на руси заховывало и заховуетъ. (Лит. Ст. 1588 Розд. 14 арт. 9, Временникъ 1854, кн. 19, 336—337).

Слѣды древняго обычая уплаты общиной штрафа за неотысканіе преступника мы находимъ и въ болѣ позднихъ памятникахъ нашего законодательства. Замѣчательно, что позднѣйшія постановленія нашего права о платежѣ дикой виры въ основныхъ чертахъ согласны съ предписаніями Правды. „Оже учинится вира, читаемъ мы въ Уставной Двинской грамотѣ 1398 г., гдѣ кого утепуть, и нѣ душегубца изыщутъ: а не найдутъ душегубца, и нѣ дадутъ намѣстникомъ десять рублевъ“ (Ав. Э. I, 13). „А учинится у нихъ въ городѣ душегубство, говорится въ Уставной Бѣлозерской грамотѣ 1488, а не доищутся душегубца ино вины четыре рубли заплатятъ горожаня; а учинится душегубство въ коемъ стану или въ коей волости, а не доищутся душегубца. и они вины четыре рубля заплатятъ въ стану или въ волости, въ коей душегубство учинилося; а доищутся душегубца, и они его дудутъ намѣстникомъ или ихъ тиуномъ, а крестьянамъ въ томъ продажи нѣтъ. А кого у нихъ въ лѣсѣ дерево заразитъ, или съ дерева убіется, или звѣрь съѣстъ, или кто

въ воду утонетъ, или кого возомъ сътретъ, или кто отъ своихъ рукъ потеряется, а обыщутъ безъ хитрости, и въ томъ вины и продажи нѣтъ (А. Э. I. 123^а). Сходное же постановленіе находимъ и въ Уставной грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ 1506 г.: „А учинится у нихъ душегубство, а не доищутся, душегубца, ино намѣстникомъ за голову виры четыре рубли, а заплатятъ виру всѣми рыболовными дворами; а доищутся душегубца, и они его дадутъ намѣстникомъ и ихъ тиуномъ, а крестіаномъ въ томъ продажи нѣтъ. А кто въ водѣ утонетъ, или кого возомъ сотретъ или кто отъ своихъ рукъ утерается, или рѣкою или съ озера наплавъ убитого или утопленника подъ ихъ дворами подъ рыболовными, привалитъ а обыщутъ того безъ хитрости, ино въ томъ виры и продажи нѣтъ“ (А. Э. I, 143).

Изъ губнаго Московскаго устава конца XV ст. мы узнаемъ, что Москва съ ея окрестностями была разбита на пять округовъ, на которые падала отвѣтственность за случившееся душегубство:

„А на Москвѣ на посадѣ лучится душегубство за рѣкою за Москвою, ино къ тому и Даниловское; а будетъ душегубство за Яузою, ино къ нему Анѣдроніевъ монастырь и Городище; а лучится душегубство на Великой улицѣ у Николы у Мокраго, ино къ тому отъ Остраго конца и до Варьской улицѣ; а лучится душегубство за Варьскою улицей, ино къ тому и у Стрѣтенской улицѣ и по Неглиму; а за Неглимною лучится душебство, ино къ тому и Дорогомилово, все Занеглименье и Семьчиньское. (А. Э. I, 115).

Бывали случаи, что правительство освобождало нѣкоторыхъ жителей отъ повинности дикой виры. Такъ въ жалованной грамотѣ Сторорусскимъ тонникамъ 1504, находящейся въ Румянцевскомъ собраніи Государственныхъ грамотъ и договоровъ, (I, 142 143) сказано, а въ виру имъ съ Рушаны не тянути“.

Въ царствованіе Іоанна Грознаго въ государственной жизни русскаго народа происходитъ интересное явленіе. Правительственная власть возлагаетъ на своихъ подданныхъ обязанность суда и расправы надъ разбойниками. Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ думаютъ, что Грозный, распространяя губныя учрежденія, имѣлъ въ виду „выдвинуть впередъ самостоятельное значеніе земскихъ общинъ и сообщить характеръ положительнаго закона исконнымъ обычаямъ русскаго народа“. Такъ какъ въ основаніи губной повинности лежитъ круговая отвѣтственность мѣстныхъ жителей, то и полагаютъ, что Грозный, заботясь о распространеніи губныхъ учреждений, выказалъ этимъ желаніе вернуться къ древнимъ общиннымъ порядкамъ, слѣды которыхъ сохранились въ Правдѣ. „Замѣчательное во многихъ отношеніяхъ царствованіе царя Ивана Васильевича IV-го, замѣчаетъ Бѣляевъ, въ высшей степени замѣчательно въ отношеніи къ развитію круговой поруки. Этотъ Государь, хорошо знавшій бытъ и устройство русскаго общества, особенное обратилъ вниманіе на значеніе круговой поруки въ жизни русскаго народа и постоянно заботился... выдвинуть ее и дать ей обширнѣйшее освященіе положительнаго закона; ибо общинное устройство на Руси постоянно держалось на круговой порука“. (О круг. пор. на Руси, 27—28).

Но изъ цитируемыхъ Бѣляевымъ же губныхъ грамотъ, мы видимъ, что московское правительство, вводя губныя учрежденія, руководилось совершенно другими мотивами и видѣло въ нихъ чрезвычайную полицейскую мѣру для прекращенія страшно усилившихся разбоевъ. Не только сельскіе, но и городскіе жители жаловались постоянно царю на полное отсутствіе личной и имущественной безопасности, прибавляя при этомъ, что присылаемые къ нимъ царскіе чиновники только ухудшаютъ дѣло, причиняя бѣднымъ жителямъ волокиту и убытки. „Били ести намъ челомъ, читаемъ мы въ губной Бѣлозерской грамотѣ 1539, что у васъ въ тѣхъ ва-

пихъ волостяхъ многія села и деревни разбойники разбиваютъ и животы ваши грабятъ, села и деревни жгутъ, и на дорогахъ многихъ людей грабятъ и разбиваютъ, и убиваютъ многихъ людей до смерти; а иные многіе люди у васъ въ волостяхъ разбойниковъ у себя держатъ, а къ инымъ людямъ разбойники съ розбоемъ прїѣзжаютъ и розбойную руклядь къ нимъ привозятъ: и мы къ вамъ посылали на Бѣлоозеро обыщиковъ своихъ, и отъ нашихъ де обыщиковъ и отъ недѣльщиковъ чинятся вамъ великіе убытки, а вы деи съ нашими обыщики лихихъ людей разбойниковъ не имаете для того, что вамъ волокита велика; а сами деи вы разбойниковъ межъ себя, безъ нашего вѣдома, обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете“. (А. Э. I, 187).

Результатомъ такого рода челобитныхъ и было возложеніе на мѣстныхъ жителей обязанности ловить и казнить преступниковъ, при чемъ на жителей же возлагалась тяжелая отвѣтственность за всякое упущеніе въ этомъ дѣлѣ: „А не учнете межъ себя разбойниковъ обыскивати, говорится въ той же грамотѣ, и имати, а тѣхъ людей, къ которымъ разбойники прїѣзжаютъ, или не учнете за разбойники ѣздити и имати и казнити, или станете разбойниковъ пущати, или кто станетъ разбойниковъ норовити, и мнѣ велѣти на васъ на всѣхъ имати иски тѣхъ людей, которыхъ въ вашей волости розобьютъ, и безъ суда вдвое; а самимъ вамъ отъ меня быти въ казнѣ и продажѣ“.

Совершенно справедливо замѣчаетъ Чичеринъ, что московское правительство „видѣло въ губномъ управленіи не общинное дѣло, а государственное, и только по недостатку собственныхъ средствъ возлагало это дѣло на общины. По этому то государство признавало за собою право требовать отъ земскихъ людей строгаго исполненія ихъ обязанностей возложило на нихъ тяжелую отвѣтственность и поставило губное управленіе подъ надзоръ центральной власти, подчинивъ его разбойному приказу.... Никогда оно на губное

управленіе не смотрѣло, какъ на право земскихъ людей, и доказательствомъ этому служить то, что всякій разъ, какъ оно находило болѣе удобнымъ, оно поручало губныя дѣла другимъ властямъ, назначаемыхъ отъ правительства. (450—451).

Что касается величины губныхъ округовъ, то размѣръ ихъ былъ различенъ и первоначально не имѣлъ никакой опредѣленности, такъ какъ губныя грамоты давались уѣздамъ, волостямъ и даже селамъ, принадлежавшимъ одному владѣльцу. Но впослѣдствіи, съ распространеніемъ губныхъ учреждений, губное раздѣленіе кажется совпало съ уѣзднымъ". (Ср. Чичерина, 69; Сергѣевича, 830; Дмитріева 52).

И такъ, круговая отвѣтственность губныхъ округовъ мало имѣетъ что общаго съ древними общинными порядками. Тамъ имѣемъ мы дѣло съ свободно дѣятельностью естественно развившихся общественныхъ организмовъ; здѣсь же идетъ рѣчь объ отбываніи извѣстныхъ государственныхъ повинностей, возложенныхъ на отдѣльныя административныя округа. Московское правительство, установливая круговую отвѣтственность губныхъ округовъ, находилось въ такомъ же положеніи, въ какомъ мы застаемъ въ настоящее время мѣстное начальство Кавказа. И здѣсь страшно усилившіеся въ послѣднее время разбои, грабежи и поджоги заставили высшія мѣстныя власти установить круговую отвѣтственность мѣстныхъ туземныхъ обществъ за преступленія, совершенныя въ ихъ округѣ, въ качествѣ чрезвычайной мѣры для возстановленія общественнаго порядка и безопасности. Мы помѣщаемъ въ приложеніи правила о круговой отвѣтственности на южной окраинѣ нашего отечества, которыя конкурируютъ тамъ съ судебными уставами 1864 г. ⁷⁴).

Разсмотрѣнныя нами статьи древнихъ славянскихъ памятниковъ убѣждаютъ насъ, что у всѣхъ славянъ существовали когда-то тѣ родовые и общинные порядки, о которыхъ мы

говорили во второй главѣ нашего сочиненія. Слѣды ихъ сохранились въ статьяхъ о круговой отвѣтственности родовыхъ и территоріальныхъ союзовъ. Употребленіе Русской Правдой термина „вервь“ для обозначенія территоріальнаго союза, въполнѣ аналогичнаго съ древне-польскимъ „ополемъ“ или „вициніей“ и сербской „околиной“, представляетъ для насъ неоспоримое доказательство генетической связи между этими территоріальными и прежними кровными союзами. Повторяемъ, что вервь Правды получила свое названіе отъ родоваго союза, который былъ первичною степенью общественной жизни нашихъ предковъ. Статьи Правды о верви, а также о родовой кровной мести убѣждаютъ насъ, что въ общественной жизни русскихъ славянъ родовыя начала имѣли гораздо больше значенія, нежели придаютъ имъ защитники теоріи общиннаго бѣта.

Ссылки, примѣчанія и дополненія.

¹⁾ Къ числу ученыхъ, отвергавшихъ пользу сравнительнаго изученія древне-русскаго права съ другими славянскими законодательствами, принадлежалъ и покойный И. Д. Бѣляевъ. „Русскіе славяне, замѣчаетъ онъ по этому поводу, оставивъ придунайскую родину, рѣшительно разошлись съ западными своими собратами, и въ древности не сходились съ ними долгое время; такъ что между ними осталось общимъ то, что тѣ и другіе принесли изъ первобытной родины, т. е. основныя формы языка и можетъ быть первоначальныя очень немногія религіозныя вѣрованія; все же прочее тѣ и другіе пріобрѣтали отдѣльно независимо другъ отъ друга. А по сему образъ жизни и обычаи русскихъ славянъ вообще нельзя объяснять образомъ жизни и обычаями ихъ западныхъ собратій, выключая только очень не многихъ случаевъ“ (Русская земля передъ прібытіемъ Рюрика въ Нрвгородъ. Въ Временникѣ Императ. Моск. Общества Исторіи и древностей Россійскихъ. 1856, кн. 8, стр. 59).

²⁾ См. его „Unechtheit der Könighofer und Grüneberger Handschrift.“ Archiv für slavische Philologie, herausgegeb. von Jagiö. Zehnter Band, drittes und viertes Heft. 1887.

³⁾ См. его сочиненіе: „Libušin Soud domnelà nejstarši památka řeči české jest podvržen, tež zlomek Evangelium sv. Jana“. Вѣна 1879.

⁴⁾ См. его книгу: Filologický důkaz ze Rukopis Kralodvorský a Zelenohorský, tež zlomek Evangelia sv. Jana jsou podvržena díla Václava Hanky“. V. Brně, 1879.

⁵⁾ Герменегильдъ Иречекъ принадлежитъ къ числу самыхъ ревностныхъ защитниковъ подлинности Любушина Суда и Краледворской рукописи. Въ 1862 г. онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Іосифомъ, издалъ извѣстное защитительное сочиненіе: „Die Echtheit der Könighofer Handschrift kritisch nachgewiesen. Prag. 1862.“

⁶⁾ Послушаемъ, что говоритъ по этому поводу Маѣйковскій въ четвертой главѣ I-го тома своей Исторіи славянскихъ законодательствъ („Черты характера славянъ и германцевъ“): Всматриваясь внимательно въ лицо славянина и нѣмца, я усмотрѣлъ изъ запечатлѣвшихся на немъ радостей и горестей, что въ глубинѣ сердца cadaго лежитъ причина счастья перваго и несчастья вто-

раго... Слѣдя за источниками этихъ противоположныхъ чувствъ, я увидѣлъ, что, духъ оживляющій оба лица, дѣйствуя въ противоположномъ направленіи, вель насъ къ тому, чтобы мы не особенно заботились о будущемъ и старались лишь поддерживать въ сердцѣ нашемъ образъ Бога; а также, любя челоѣчество, развивали обѣ добродѣтели; нѣмца же, такъ какъ онъ слишкомъ заботился о себѣ, тотъ самый духъ заставлялъ безпрестанно выискивать себѣ правила, которыя бы въ будущемъ обезпечили ему счастье. Остановливаясь затѣмъ надъ послѣдствіями, вытекшими изъ этихъ двухъ противоположныхъ стремленій, я убѣдился, что усилія, употреблявшіяся этими двумя народами къ достиженію цѣли, развили въ нихъ два вполне опредѣленные и отличные другъ отъ друга характера... Славянинъ руководствовался въ своей жизни чувствомъ, а не разумомъ, что и было причиной неполнаго развитія его характера. Нѣмецъ же напротивъ, обращая больше вниманія на разумъ, нежели на чувство, настолько усилялъ развитіе свой характеръ, что нельзя въ немъ измѣнить ничего, развѣ преобразовать весь народъ.... Развивая пребывающую въ его сердцѣ любовь къ Богу и ближнимъ, славянинъ распространялъ ее въ частной жизни на все челоѣчество, дѣлая все большіе успѣхи въ нравственности; напротивъ въ государственной жизни онъ явился эгоистомъ, впрочемъ скорѣе по отношенію къ себѣ, чѣмъ къ другимъ. Все это вытекло изъ политическихъ причинъ, которыя понятны лишь для того, кто близко знаетъ народъ. Поэтому то иностранцы принимали наше излишнее влеченіе къ другимъ національностямъ и любовь къ свободнымъ учрежденіямъ—за легкомысліе по отношенію къ націи и правительству; щедрость въ жизни—за расточительность, а беззаботное отношеніе къ будущему—за нежеланіе трудиться. Наоборотъ, забота о своемъ благосостояніи, развившая въ нѣмцахъ двѣ ихъ выдающіяся добродѣтели—трудолюбіе и бережливость, заразила ихъ въ домашней и общественной жизни эгоизмомъ, скрываемымъ ими старательно подъ видомъ любви къ ближнему. На этомъ чувствѣ эгоизма основывалась и привязанность къ своей народности, главной опорой которой служить языкъ. Но какъ только дѣло касалось матерьяльной выгоды, нѣмецъ готовъ былъ поступиться всѣмъ, кромѣ денегъ, такъ какъ былъ всегда ненасытнымъ.... Эти черты характера существуютъ и теперь, какъ существовали нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ". Стр. 103—107.

7) У кумыковъ, живущихъ въ сѣверо-восточной части Кавказа, актъ примиренія родственниковъ убійцы съ родственниками его жертвы совершается нижеслѣдующимъ образомъ: родственники убійцы, скрывшись послѣ убійства у кого-либо изъ именитыхъ и вліятельныхъ лицъ селенія и переждавъ нѣсколько дней, пока будетъ отданъ послѣдній долгъ умершему, посылаютъ затѣмъ къ обиженному роду депутацію, составленную изъ одного или нѣсколькихъ духовныхъ лицъ и возможно большаго числа имени-

тыхъ жителей, съ просьбою разрѣшить имъ явиться съ повинною головою. Депутація, явившись къ родственникамъ убитаго, почтительно сообщаетъ имъ о цѣли своего прихода, выражая надежду, что тѣ къ кому они пришли, не откажутъ примириться съ своими обидчиками. Въ случаѣ отказа ищущіе примиренія, спустя нѣкое время, посылаютъ новую депутацію, на просьбы которой обиженный родъ наконецъ сдается. Тогда родственники убійцы спѣшатъ явиться къ оскорбленному роду въ сопр. вожденіи значительнаго числа именитыхъ жителей и, въ знакъ примиренія, передаютъ установленные обычаемъ подарки, а именно: отъ семейства убійцы передается одинъ быкъ или одна корова или же 13 рублей денегъ и два аршина шелковой матеріи (зарбабъ); отъ братьевъ убійцы, живущихъ отдѣльно, передается отъ каждаго по 5 рублей; отъ каждаго дяди съ отцовской стороны—по 3 рубля; отъ двоюродныхъ братьевъ, а также внуковъ и племянниковъ передается отъ каждаго по 1 рублю, и отъ родственниковъ въ дальнѣйшихъ степеняхъ съ отцовской стороны по 50 и 25 копѣекъ.

Послѣ состоявшагося примиренія обыкновенно всѣ женщины, принадлежащія къ дому убійцы, приходятъ въ домъ убитаго и здѣсь произносятъ энергическія проклятія убійцѣ. Этимъ оканчивается актъ примиренія родственниковъ канлы (убійцы) съ родственниками убитаго. Когда родственники убійцы уже заключили формальный миръ съ родомъ убитаго, то они начинаютъ хлопотать о примиреніи самаго виновника убійства съ оскорбленнымъ родомъ. Обычай требуетъ, чтобы убійца съ момента убійства до момента примиренія съ родственниками жертвы, не брилъ и не стригъ волосъ на головѣ въ знакъ скорби и раскаянія. Заручившись предварительно, чрезъ посредство своихъ родственниковъ и почетныхъ и вліятельныхъ жителей, согласіемъ обиженного рода, убійца отправляется къ нему для принесенія раскаянія и испрошенія прощенія. Ему предшествуютъ муллы и почетные лица изъ своего селенія, а также приглашенные изъ другихъ селеній. Передъ убійцею ведутъ осѣдланнаго коня, на сѣдлѣ лежитъ панцырь и къ луцъ сѣдла привѣшено ружье. За лошадыю слѣдуетъ убійца; онъ безъ папахи и безъ оружія; его ведетъ за руку мулла. Рядомъ съ убійцею идутъ его родственники, также съ обнаженными головами и безъ оружія. По вступленіи процессіи въ домъ оскорбленнаго рода, мулла читаетъ молитву, произноситъ рѣчь и затѣмъ подводитъ убійцу къ матери убитаго. Стоя на колѣняхъ, убійца кланяется въ ноги матери своей жертвы и молитъ ее о прощеніи и принятіи его своимъ сыномъ на мѣсто скончавшагося. Вслѣдъ за убійцею глубокіе поклоны матери убитаго дѣлаются и всѣми родственниками убійцы. Послѣ матери, такая же честь оказывается отцу, братьямъ и другимъ ближайшимъ родственникамъ. Величина платы за голову опредѣляется по особому договору; но кромѣ нея убійца долженъ сдѣлать подарки ближайшимъ родственникамъ.—По исполненіи вышеизложеннаго убій-

ца и его родственники устраивают пиршество для родственников убитого (черногорская „trpeza od vrazde“. См. Богишича Zbornik pravnih običaja, 581). Убийца должен угощать своих примирившихся гостей съ обнаженной головой. По окончании угощения, родственники убитого приглашают кого-нибудь из присутствующих обрить убийцу часть головы, чѣмъ и заключается акт примирения. Между родственниками убитого и убийцею, послѣ примирения, образуется родство, называемое кровнымъ (канъ-кардашъ), т. е. вытекающимъ изъ дѣла крови. Родство это считается равносильнымъ ближайшему родству по отцу. (См. Собрание юридическихъ обычаевъ кумыкскаго народа по дѣламъ кровнымъ. Юридическое Обзорѣніе. Тифлисъ. 1881. № 29).

⁸⁾ Интересно, что, раньше Иванишева, Филиппъ пытался придать древне-германской мести религиозный характеръ, основываясь на томъ, что германцы, приступая къ мести, призывали боговъ въ свидѣтели. „Durch alle die Scheu und Verehrung, замѣчаетъ по этому поводу критикъ Филиппа — Вильда, welche den Todten zu Theil wird, wie es fast bei allen in einem jugendlichen Zustand sich befindenden Völkern in so hohen Masse der Fall ist, wird daher die Blutrache gestützt und getragen. Durch diesen Zusammenhang der Ehrfurcht vor den Todten, welche auf dem religiösen Glauben des Volkes, seiner Vorstellung von der Fortdauer und dem Künftigen Leben begründet ist, entsteht zwischen der Blutrache und dem Glauben eine Art mittelbarer Verbindung. Nicht lässt sich wohl aber darthun, dass die Blutrache selbst eine religiöse Grundlage hat, dass sie eine Religionspflicht war“ (170—171).

⁹⁾ На страницѣ 183-й своего сочинения Pouillet передаетъ содержание одного изъ актовъ примирения XV ст. Изъ него мы узнаемъ, что убийца долженъ былъ на колѣняхъ просить прощенья у родственниковъ жертвы, и въ знакъ смиренія поцѣловать руку. Обрядъ этотъ назывался „Voetval“.

¹⁰⁾ Причину послѣдняго явленія Иванишевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Древнія богемское и моравское законодательства, говоритъ онъ, предоставивъ законодательную власть родоначальникамъ (?), владѣвшимъ обширною поземельною собственностью, долго подавляли начало движимости (Bewegungsprincip) въ организмѣ государственномъ и тѣмъ сохранили въ большей чистотѣ національныя славянскія начала“. (См. Положенія, помѣщенные въ концѣ книги).

¹¹⁾ Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ, думаютъ, что и въ древнемъ русскомъ правѣ размѣръ частнаго вознагражденія (головничество) былъ таксированъ. Такъ по мнѣнію Сергѣевича упоминаемая въ 1-й статьѣ Академич. списка Правды 40 гривенъ были платой за голову родственникамъ убитого, а не княжескимъ штрафомъ (Лекціи и изслѣдов. 449. Ср. Владимірскаго-Буданова, Христом. I вып. 7 прим. на стр. 90).

¹²⁾ Пeня, извѣстная подѣ именемъ „триста“ (trzysta, trecenta, pena trecentorum) занимала послѣднюю ступень въ общей лѣстницѣ уголовныхъ взысканій древняго польскаго права (Ср. Hube, I, 157).

¹³⁾ „Слово вражда производится отъ врагъ (какъ кривѣда, правѣда —отъ кривъ, правъ) и первоначально означаетъ состояніе или положеніе, въ которомъ находится врагъ, потомъ и дѣйствіе врага, понимая слово врагъ (ворогъ) въ значеніи: inimicus, hostis, homicida, maleficus, miser. Въ юридическомъ отношеніи самое обыкновенное значеніе слова вражда есть пеня или вообще та сумма денегъ, которая бралась за убійство (сначала въ пользу родственниковъ убитаго, потомъ отчасти имъ, отчасти князю), средневѣковое weregildus, widrigild, русская вира“. Ягичъ, Примѣч. 89, на стр. 44.

¹⁴⁾ Въ Сводѣ славянскихъ законовъ Герменегильда Иречка стоитъ цифра 7, вмѣсто 60.

¹⁵⁾ Společná ruka v pravu staroslovanském byla povinnost rodu, osady neb okoliny, pokutu nésti za zle činy v hájemství jich spáchané. Předpokládalo se, že rod, osada neb okolina, zločince buďto nevydaly nebo nevypatraly. Počátek takovéto společné ruky hledati třeba v pradávnm zřízení rodův, jenž členům svým, dobrým i zlým, vůči jiných rodů poskytoval ohradu a útolek, tak že rod byl kžademu hradbou. Za zločiny, od jednotlivého člena spáchané přejímal rod odpovědnost a pokutu raději než aby ho vydal v ruce protivníkůvy. Nefvýrazněji jevílo se toto společné zastupování při vraždě neb zibiti, kdež rod vražedníkův podniknul výplatu za plavu zabitého, aby se smířil srodem padlého a nadešel vzájemnému konání pomsty-rodově. Náhrada neboli výplata plativala se za starodavna v dobytku, později v penězích“ (Slov. pravo. I, 161).

¹⁶⁾ „Satis enim inter omnes constat, virium modum potius quam leges apud Germanos jura distinxisse, ideoque privatorum securitatem magnam in partem in ipsorum manibus fuisse positam. Cujuslibet igitur quam maxime intererat ut quantos posset, vires sibi compararet, seque cum aliis, mutuae defensionis causa, quam arctissime conjungeret, quo omnes caeteros, oblato armorum metu, a criminibus deterreret, illatasque injurias graviter vindicars posset. Tali rerum conditione fieri non potuit, quin homines, jam natura ipsa, communi sanguine mutuaeque necessitudine inter se juncti, communis etiam metus, tuendarumque personarum et bonorum suorum necessitate, arctissimis inter se vinculis constringerentur. Sic in unum corpus, ad communia pericula propulsanda promptum paratumque, unaquaque familia, unaquaevis gens coaluit. Qui cum unamquasi personam constituerent, non potuit aliter fieri, quin cuiadam ex iis ab extraneo illata injuria, omnes cognati, tota familia, universa gens sese laesam esse sentiret, nec prius quam de crimine aut laeso, aut, hoc non superstite, suis satisfactum fuerit, cum hoste ejusque familia

stirpeve in gratiam rediret. Sed contra eadem ista familiarum intima conjunctio faciebat, ut, si unus e cognatis in extraneos delicti quid commiserit, caeteri omnes, licet ab omni culpa alieni, tamen ejusdem injuriae participes esse videntur, ideoque cum laesi, tum ejus cognatorum vindictae obnoxii, pacem propriae securitatis causa ab adversariis redimere cogerentur. Sic igitur quaelibet familia non solum pro delictis omnium, qui cum ea conjuncti erant, ad satisfaciendum laeso obligata erat, sed etiam, si quis ex ea laesus vel occisus fuerit, petendae compositionis jus habebat.“ Feuerbach, *De univers, fidejussione*, стр. 36—38.

17) „Maxime igitur veri simile est, in primordio rerum Germanicarum, omnes, qui vicum aliquem vel regionem quandam incolerent, ut ejusdem familiae, ejusdem stirpis homines cognatione inter se fuisse junctos.... Sed haec, primordio rerum, e cognatis tantum conflata corpora, sensim sensimque extraneis miscebantur, quum alii ob affinitatem, alii ad augendas, alii ad restaurandas certaminibus exhaustas vires, alii aliis ex causis reciperentur. Qui tamen extranei in societatem assumpti, si non apud omnes, certe apud plurimas gentes, si non semper, plerumque tamen, antiquissimis saltem temporibus, in familiam et gentem adscisciebantur, omniaque cognationis cum jura tum onera participabant. Qnamvis autem procedente tempore, magis magisque commixtis vicorum incolis atque confusis, vera cum ficta illa cognatione evanisset, et sic fere omnis instituti ratio sublata esset, nihilo tamen minus onus ipsum remansit, sicut eidem respondens petendae compositionis jus.“ Feuerbach, 40, 42.

18) Feuerbach, *De univers, fidejus*. 42—45.

19) Мы просматривали сочинения какъ Шометта-Фоссэ, такъ и Палласа. Первый изъ нихъ говоритъ о круговой порукѣ, практикуемой въ Босніи. Вотъ его слова: „In der Türkei sind die polizeylichen Massregeln, vermöge der man bey uns die Handlungen der Bürger auszukundschaften weiss, nicht bekant; die Regierung ersetzt dieselben, indem sie die Unterthanen einen für den andern verantwortlich macht. Jedes Dorf, und in den Städten jede Strasse, ist unter die Aufsicht eines, meistens des ältesten, der Einwohner gestellt; wenn ein Mord oder Raub daselbst vorgeht, werden alle Häuser der Strasse, oder das ganze Dorf durch einen solchen Obmann willkürlich geschätzt, um dafür, dass sie eine solche Unthat nicht verhinderen, oder ihr zuvorkamen, gestraft zu werden. Diese Strafe heisst: das Blutabkaufen. Dieselbe Gerichtsweise tritt ein, wenn die That auf einem dem Ort gehörigen Felde vorgefallen ist.“ См. *Morgenblatt für gebildete Stände* (Einige Nachrichten über Bosnien, aus der *Voyage en Bosnie dans les années 1807 et, 1808, par Amédée Chaumette des Faussés autrefois chancelier du consulat général de Bosnie etc.*) за Декабрь 1825 (1, 2, 3, 5 и 6), стр. 115. Что касается Палласа, то писатель этотъ, издавшій сочинение еще въ 1776 г., послѣ своего путешествія, приводитъ много фактовъ о

круговой порукѣ, какъ онъ наблюдалъ ее у разныхъ монгольскихъ народовъ. Такъ между прочимъ онъ указываетъ, что если въ зимнее время слѣдъ украденнаго скота приводитъ къ одной изъ деревень, то всѣ жители отвѣчаютъ за воровство, если не могутъ отвести слѣда, при чемъ каждый изъ нихъ обязанъ дать одну лошадь въ видѣ штрафа. Далѣе, если найденъ будетъ убитый въ какой-нибудь долину или глухомъ мѣстѣ, то сосѣдніе жители обязаны дать родственникамъ убитаго одного верблюда и девять штукъ скота. Pallas, Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Theil. Стр. 202—209.

²⁰⁾ „Quod enim sua sponte nasci potuisse, explicavi, institutum, privatorum modo inservit satisfactioni, et ut ita dicam, indirecto tantum modo publicae consulit securitati: illud autem Anglo-Saxonicum publicam praesertim pacem spectat, neque tam id agit, ut laeso, quam ut reipublicae satisfiat, magisque pertinet ad crimina avertenda, et ad poenas de facinorosis sumendas publicas, quam ad obtinendas conservandasque compositiones. Itaque hic, ubi publica potissimum causa agitur, satagunt socii publicae securitati cavendo reoque exhibendo: illic autem ubi privatorum praesertim satisfactioni prospicitur pro reo etiam praesente, sed inope ipsi satisfacere tenentur. Ibi friborgus, ob suam propriam culpam, qua se quodammodo criminis alieni participem facit, ad solvendum pro reo tenetur: hic autem non est, quod obligationem satisfaciendi ad aliquam obligatorum culpam referas. Alterum institutum nobis ob oculos ponit ordinatum legibusque compositum reipublicae statum: alterum civitatis incunabula. Illud legislatoris redolet consilium, nec nisi in populo, jam ad certum quendam culturae gradum proVecto, radices agere potuit, hoc autem, ipsa naturae necessitate pululans, rudibus adhuc indomitisque barbarorum ingeniis, primordiisque civitatum convenit. Facile igitur et ex illo mutuae custodiae et observationis munere atque officio, et ex illa, quam prae se fert, executionis juvendae ratione, nec minus ex artificiosa ista in decemvitalia collegia populi distributione, colligere licet, institum Legum Edowardi, ne in Anglia quidem, antiquissimis viguisse temporibus, nedum omnibus Germaniae gentibus fuisse communem.“ Feuerbach стр. 61—62.

²¹⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ постановленій приводитъ Вильда (См. Прим. I на стр. 217).

²²⁾ См. еще слѣд. сочиненія того же писателя: 1) Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Стр. 193; 2) Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland, T. I, стр. 348—351.

²³⁾ По мнѣнію Мацѣйовскаго весь современный государственный строй Англіи обличаетъ также славянское происхожденіе. Въ этомъ легко можетъ убѣдиться всякій, кто возьметъ на себя трудъ сравнить современную англійскую конституцію съ прежнею польскою. (Pierwotne dzieje, 306—311).

²⁴) „Sie (die Gesammbürgerschaft) ist nichts Angelsachsisches, nichts eigenthümlich Germanisches, sie ist das Product einer lange fortgesetzten, consequent fortschreitenden polizeilichen Legislation.“ Deutsche Verfassungsgeschichte. Стр. 481.

²⁵) Maurer, Über die Freipflege. Стр. 2.

²⁶) „From the moment when a tribal community settles down finally upon a definite space of land, the land begins to be the basis of society in place of the kinship. The change is extremely gradual, and in some particulars it has not even now been fully accomplished, but it has been going on through the whole course of history. Maine, Early history of institutions. Стр. 72.

²⁷) Въ Индіи встрѣчаемъ бокъ-о-бокъ и нераздѣльную семью и сельскую общину; иногда, впрочемъ, онѣ являются связанными одна съ другою сложными взаимными отношеніями.“ Мэнъ, Древній законъ и обычай. Стр. 187. Ср. его же—Ancient law, стр. 262; Village communities in the East and West, Lect. IV. The eastern village community); Early history of institutions. Lect. III, and. IV. Памятники древняго индійскаго законодательства сохранили довольно много постановленій о круговой поруцѣ семейныхъ и территоріальныхъ общинъ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ: A debt contracted by parceners shall be paid by any one of them who is present.—And so shall the debt of the father (be paid) by (any one of) the brothers (or of their sons) before partition. But after partition they shall severally pay according to their shares of the inheritance. Вишну. Гл. VI, ст. 34—36, (См. The sacred books of the East, edited by M. Müller. Vol. VII. The institutes of Vishnu, translated, by Jolly. Стр. 46). Объ устройствѣ семейной общины см. тамъ же еще гл. XVII, ст. 1, 2, 3, 17, 23 (Стр. 68—69); также гл. XVIII, ст. 41—44. См. далѣ другой сборникъ, Гаутама (The sacred books of the East. Vol. II), гл. XXVIII, ст. 27—31. О круговой отвѣтственности территоріальныхъ союзовъ свидѣлствуютъ слѣдующія мѣста древнихъ памятниковъ: If cows or the like have been lost, говорится въ Нарадѣ, or any kind of property has been taken away, let experienced men trace out the thief's footmarks. Wherever the trace goes, be it to a village, or a pasture ground or a solitude, that district has to make good that which may have been stolen, if the footmark be not carried forward from that district.

If the trace be obscured, or interrupted by a pit, or by the footmarks of other people, the village or pasture district nearest to it shall be made to pay for the loss. См. Nārada's Dharmasāstra or the institutes of Nārada, translated by Jolly. Гл. XIV, ст. 22—24, стр. 104. Другой памятникъ индійскаго законодательства, Яджнавалькя, тоже говоритъ объ этомъ институтѣ въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ: Wenn ein Todtschlag oder ein Diebstahl stattgefunden, so fällt die Schuld auf den Aufseher des Ortes, wenn

nicht die Spur aus dem Orte herausführt; geschieht desgleichen auf der Landstrasse, so fällt die Schuld auf den Aufseher des Ortsgebietes, auf den Diebeswächter, aber wenn es anderswo als auf dem Gebiete eines Ortes geschieht.

Der Ort soll es ersetzen in dessen Grenze, oder wohin die Spur geht; oder fünf Oerter, wenn es einen Krosa (о значеніи этого слова см. Apastamba въ изданіи Мюллера. Т. II священ. книгъ, примѣч. 7, на стр. 162) ausserhalb derselben geschehen ist, oder auch zehn Oerter. См. Jājnavalkya's Gesetzbuch, sanskrit und deutsch, herausgegeben von A. Stenzler, Ст. 272—273.

Джонъ Фентонъ проводитъ аналогію между этими постановленіями Яджнавалькин и слѣдующимъ мѣстомъ Второзаконія: Если кто-нибудь будетъ найденъ убитымъ на землѣ, которую Ягова, твой Богъ, далъ тебѣ во владѣніе, и неизвѣстно, кто убилъ его, то пусть выйдутъ твои старѣйшины и твои судьи и измѣрятъ разстояніе до городовъ, которые лежатъ вокругъ убитаго. Когда будетъ опредѣленъ тотъ городъ, тогда старѣйшины его должны привести тѣлицу и т. д. Второзаконіе XXI, 1—3, См. Джонъ Фентонъ, Древнѣйшая жизнь евреевъ, стр. 35.

²⁸⁾ „Da nebi osvetio sin otca, ili brat brata, ili rodjak rodjaka, a isto pobratim pobratima najdalje u godini dana, on bi sebe za najstidnijega i najbezobraznijega medju ljudima smatrao, pa se bi i od samih soeskih žena stidio.“ (Богишичъ. Zbornik obiĉ. стр. 578).

²⁹⁾ „Osveta biva najprije za ubijstvo, za ranui uvrijede, koje sramotu nanose, dakle kad ko koga ĉibukom ili zaušnicom udari, kad ko osramoŉi ili ostavi isprošenu djevojku. Što se ubijstva tiĉe, osvetiti je dužan najbliži rodjak, najprije brat, pa ako toga nije sin ubijenoga, a za nim i sve bratstvo. Osveĉuju se, ako jo moguĉe, na krvniku; ako ne, nanajbližemu njegovu rodjaku, ali ako nin jega ne moŉe dohvatiti, tad koga mu drago bratstveniku.“ (Богишичъ, Zbornik, 577—578).

³⁰⁾ „Нека само они главомъ плаћа, кои э зло учиніо, а други нико.“ Общій земальскій законникъ Прногорски 1855. Ст. 39. Ср. ст. 5 и 18 Черногорскаго законника 1798—1803 г. См. Сводъ славянскихъ законовъ. Иречка. Стр. 352, 356 и 373.

³¹⁾ Только въ послѣднее время нѣкоторыя братства стали отступать отъ этого правила. См. Богишичъ, Zborn. Стр. 513.

³²⁾ Богишичъ, 515—516.

³³⁾ „Pleme ima više znaĉaj teritorijalni, nego li srodstveni. Pleme je sastvljeno iz nekoliko bratstva. Teritorijalne granice pojedinih plemena strogo su oznaĉene. Plemenici se žene meĉju se i u opĉe nemaju rodstvenijeh sveza... Ali i ĉast ili sramota pojedinih osoba drŉe kao da je opĉa svemu plemenu, za to se cijelo pleme ponosi kad ima suplemenika junaka, — i naprotiv prekoraju cijelo pleme radi kakoe kukavice ili zla ĉovjeka“ (Богишичъ, 514).

³⁴⁾ „Крвнину не плаћа само онай кои е учинио, крв, него все оно село (а кашто и више оближњих села заедно), гдѣ е крв учинѣна. Крвнина се не плаћа само кад човек убіе човека, него и кад човек умре на путу од зиме, кад падне с дрвета или съ конѣа, те сломи врат, или одашта му драго онъ умрѣо, само кад га нађу на путу или уполю мртва (такови се човек не сміе прие сахранити, док не дођу турци да га чине ћеш). Турци слабо траже крвника, него ишту крвнину: за то крвник доста пута утече у другу нахію док люде плате крвнину и мало позабораве, на посліе опет дође натраг и нико му се ни чини ни вѣштъ осим рода онога, кога е он убіо а с родом мора да се мири: ер ће убити и они њега.“ Сриски рѣчникъ. Стр. 300. См. также объясненіе слова „глоба“ на стр. 89.

³⁵⁾ На турецкомъ языкѣ общинная вира называется „канпорасси“, т. е. плата за кровь.

³⁶⁾ „Die eigentliche und festeste Grundlage des politischen und socialen Lebens der Osseten ist nicht der Volksverband, auch nicht der sehr lose Gemeindeverband, sondern bei weitem vorherrschend der Familienverband... Die von demselben Ahnherren abstammende, denselben Namen führende Familie steht unter der Gessammbürgerschaft des Bluts; dies gewährt allein den politischen Schutz und verbürgt die Unabhängigkeit des Einzelnen. Der Volksverband sowie die Gemeinde gewähren nur geringen Schutz.“ Haxthausen, Transkaukasien. Andeutungen über das Familien und Gemeindeleben und die socialen Verhältnisse einiger Völker zwischen dem Schwarzen und Kaspischen Meere. T. II, стр. 26.

³⁷⁾ Люлье, Учрежденія и народные обычаи Шансуговъ и Натухажцевъ. Подобную же характеристику черкесскихъ братствъ даетъ намъ Белль въ своемъ сочиненіи: *Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837 — 1839*. „Dans toute la Circassie, говорить онъ, il existe des fraternités et de nombreuses associations de ce genre. Leur principal trait caractéristique, c'est que ceux qui en font partie sont tenus mutuellement de se protéger les uns les autres, et de contribuer aux amendes que peuvent encourir ceux qui se rendent coupables de meurtres ou d'autres crimes.... Un frère ne peut épouser la fille d'un de ces coassociés.... Chaque fraternité a son nom distinctif. Le terme circassien pour désigner les sociétés ou fraternités est *tleûch*, qui signifie aussi génération, descendance. La tradition est que les membres de chaque *tleûch* descendent tous de la même souche; de sorte qu'on peut les regarder comme autant de familles ou de clans, avec cette particularité que comme membres de la même famille tous sont regardés comme égaux. Il est aisé de concevoir, продолжаетъ Белль, que de telles institutions, quoique différant des notions de justice dans l'Occident, sont cependant d'une haute utilité pour le maintien du bon ordre, les familles et les fraternités étant sérieusement intéressés à surveil-

ler la conduite de chacun de leur membre, puisqu'elles en sont solidairement garants". T. I. стр. 78—80, 298; T. II, стр. 121.

³⁸⁾ „Das ganze Volk trennt sich in zehn Stämme. Diese Sfämme zerfallen wiederum in eine Anzahl durch Eidschwur befestigten Gaugemeinschaften... Die Gaugemeinschaften schwören sich gegenseitig zur Wehr und Abwehr beizustehen.... Damit kein Stamm durch Macht hervorgehen und so die Freiheit Aller gefährden möge, verbinden sich mehrere Gaugemeinschaften zu einem Bunde. Die Abgeordneten der Gau-n schwören im Namen ihrer Gemeinheiten gegenseitige Treue und Freundschaft.“ Neumann, Russland und die Tscherkessen. Стр. 97.

³⁹⁾ Комаровъ, стр. 43. До какихъ ужасающихъ размѣровъ доходило кровомщеніе въ Дагестанѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ. Въ селеніи Гадарь (Темирханъ-Шуринаго уѣзда), по словамъ Комарова, кровомщеніе между двумя тохумами, начавшееся вслѣдствіе убійства въ ссорѣ изъ-за курицы, длилось болѣе двухсотъ лѣтъ! „Въ Андіи, говоритъ Комаровъ, есть небольшой хуторъ Цибильда. По преданію лѣтъ 150 тому назадъ на этомъ мѣстѣ было довольно большое и богатое селеніе, жители котораго дѣлились на два тохума. Разъ въ праздникъ Курбанъ-Байрама молодежь вышла для состязанія въ стрѣльбѣ въ цѣль. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ завязался споръ, перешедшій въ драку, въ которой случайно былъ убитъ одинъ изъ молодыхъ людей. Родственники его сейчасъ же бросились на убійцу, отчего завязалась общая свалка между обоими тохумами. Когда въ селеніи сдѣлалось извѣстнымъ, что уже по нѣсколько человѣкъ убито съ обѣихъ сторонъ, старики и женщины начали въ свою очередь драться между собою и душить дѣтей другъ у друга. Убійства продолжались нѣсколько дней и изъ всего селенія остались въ живыхъ только четыре человѣка. Расскажъ объ этомъ происшествіи, продолжаетъ Комаровъ, передавъ мнѣ шестидесятилѣтнимъ старикомъ, правнукомъ одного изъ уцѣлѣвшихъ цибильдинцевъ.“ Сборникъ свѣд. о кавк. горцахъ, Вып. I, стр. 44.

⁴⁰⁾ Фактъ этотъ можетъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія извѣстнаго польскаго ученаго Р. Губе, приписывающаго возникновеніе покоры у западныхъ славянъ дѣятельности Церкви (См. небольшое сочиненіе этого писателя: *Wroźda, wroźba i pokora*)... Не выдерживаетъ критики также мысль автора, будто чешская и польская покура были подражаніемъ нѣмецкимъ порядкамъ. Никакъ мы не можемъ далѣе согласиться съ взглядомъ знаменитаго историка польскаго права о времени возникновенія института покоры въ древнемъ чешскомъ и польскомъ правѣ. „Podług wszelkiego podobieństwa do prawdy, говоритъ Губе на страницѣ 4-й, pojawienie pokory w tych stronach można odnieść do końca wieku trzynastego.“ Мы полагаемъ, что указанія на институтъ покоры, встрѣчающіяся въ законодательныхъ памятникахъ западныхъ славянъ, являются слабымъ только отголоскомъ прежнихъ родовыхъ порядковъ.

⁴¹⁾ Албанскій народъ распадается на двѣ народности: тосковъ и геговъ, изъ которыхъ первые являются потомками древнихъ македоно-эпиротовъ, а вторые—иллировъ. См. изслѣдованія: Гана (Hahn, Albanesische Studien. Гл. IV), Макушева (Историческія розысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка, стр. I) и Дринова (Заселеніе Балканскаго полуострова славянами, стр. 11).

⁴²⁾ „In Albanien findet sich.... eine aus der Idee des Stammes hervor gegangene Gesamtbürgerschaft der Geschlechter, welche nach der Volks Ansicht selbstständige Körper bilden, zu welchen sich die einzelnen Angehörigen wie die einzelnen Glieder zum ganzen Leibe verhalten.“ Hahn, Alban. Studien. Примѣчаніе 129, на стр. 153.

⁴³⁾ „Von jeder, einem Stammgliede widerfahrenen Unbill wird das ganze Geschlecht betroffen erachtet, und dessen sämtliche Glieder sind verpflichtet, dieselbe zu rächen und dem Beleidigten Genugthung zu verschaffen. Dies gilt besonders von dem an einem Stammgliede verübten Mord. In gleicher Weise ist aber auch das ganze Geschlecht für eine von seinen einzelnen Gliedern verübte Unbill verantwortlich und schuldet gemeinsam das von Einem vergossene Blut. Daher die Sitte der Geschlechtsblutrache, welche nicht nur das Leben des Mörders, sondern seiner sämtlichen Agnaten bedroht. Desswegen tragen diese auch zur Ablösung der Blutschuld gemeinsam bei, wenn darüber ein Vergleich mit dem beleidigten Geschlechte zu Stande kommt. Auch hat es sich nicht selten ereignet, dass ein ganzes Geschlecht, um sich den Folgen der Blutrache zu entziehen, aus der Heimath gezogen ist. Hahn, Alb. Stud., стр. 153.

⁴⁴⁾ Чрезвычайно подробныя и интересныя свѣдѣнія объ устройствѣ первобытныхъ родовыхъ союзовъ сохранились въ древнихъ законодательныхъ памятникахъ бриттовъ. (См. Ancient laws and institutes of Wales, Ed, by Aneurin Owen. См. далѣ Jolo manuscripts). Отдѣльные роды играютъ здѣсь большую роль, несмотря на присутствіе довольно развитой королевской власти. Весь народъ распадался на племена (II wyth teutu), роды (cenedl и семьи (gwelygord). (См. Walter, Das alte Wales, 131). Отдѣльные роды обнимаютъ всѣхъ родственниковъ до девятаго поколѣнія включительно. Во главѣ ихъ стоятъ пожизненные выборные старшины, заботящіеся о благосостояніи своего рода и законные его представители. (The gwentian code, XL. 10. См. Ancient laws, стр. 386. Rhodri the Great's constitution of sovereignty. См. Jolo manuscripts. Стр. 406). Всѣ члены рода связаны круговою порукой, помогаютъ другъ другу и отвѣчаютъ другъ за друга. (Walter, 135, 143). Каждый родъ имѣетъ свои преданія, пѣсни, увеселенія и отдѣльныя сходки. Молодежь выступаетъ въ сраженіе, группируясь по отдѣльнымъ родамъ, предводительствуемымъ главою рода. (Walter, 135—136). Законъ допускаетъ девять случаевъ, когда посторонній человѣкъ можетъ сдѣлаться членомъ рода (оказаніе матеріальной помощи, защита отъ врага и т. д.). (См. Ancient laws, стр.

547). Примѣчательны также постановленія о кровной мести, практиковавшейся въ довольно широкихъ размѣрахъ, а также о вирѣ. Въ случаѣ убійства плата за кровь распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: одну треть уплачиваетъ преступникъ вмѣстѣ съ отцомъ, матерью, съ братьями и сестрами; двѣ другія трети уплачиваются остальными членами рода въ извѣстной постепенности. (Ancient laws, 198). Если у преступника не хватаетъ хоть одного гроша для уплаты своей части, кровная месть вступаетъ въ свои права и онъ можетъ быть убитъ безнаказанно. Остальные родственники, уплатившіе сполна свою долю, не подвергаются кровной мести и, наоборотъ, подвергаются ей въ случаѣ неуплаты. (Ancient laws, 111—112). Въ уплату штрафа поступаетъ сначала движимое имущество, за недостаткомъ же его и земля, которая получала тогда названіе „кровоной“ (gwaet tyr, waetyr). Послѣ состоявшагося примиренія, враждовавшіе роды кланутся соблюдать вѣчный миръ и дружбу. (... „And then they are to have the oaths of a hundred men of the other kindred, that their relation is forgiven: and everlasting concord is to be established on that day, and perpetual amnesty between them.“ The Venedotian code, 16. См. Ancient laws, стр. 112).

45) Посвящая въ нашемъ трудѣ нѣсколько словъ древнему болгарскому праву, мы должны замѣтить, что все сказанное здѣсь о круговой поруцѣ у древнихъ болгаръ писано нами на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя приводитъ Конст. Иречекъ въ своей Исторіи болгаръ. Къ сожалѣнію, неимѣніе подъ рукой другихъ источниковъ, кромѣ собранія законовъ Богитиша (Pisani zakoni na slovenskom Jugu), исключало возможность самостоятельнаго труда въ этой части нашего сочиненія.

46) Конст. Иречекъ упоминаетъ еще объ одномъ постановленіи витошскаго хрисовула, гдѣ говорится о гадальствѣ, сравнивая его съ тою статьею Законника Душана, которая налагаетъ штрафъ на деревню, гдѣ будетъ вырытъ и сожженъ волшебниками трупъ. (Ст. 20 Законника).

47) Настоящая статья и всѣ слѣдующія взяты нами изъ отрывка Раковецкой Рукописи, помѣщеннаго въ Сводѣ славянскихъ законовъ Иречка. См. стр. 336.

48) Къ сожалѣнію авторъ не указываетъ, въ которой именно изъ грамотъ XIII ст. онъ усматриваетъ указаніе на круговую поруку?

49) Госуд. устройство стараго Дубровника. Стр. 803, 822—823. „Кромѣ того, слѣдуетъ принять во вниманіе, продолжаетъ аргументировать дальше Леонтовичъ, что большинство населенія Дубровника, въ особенности его жупъ, состояло исключительно изъ славянъ, а славяне вездѣ почти до позднѣйшаго времени удерживали всѣ существенныя принадлежности общиннаго быта, въ томъ числѣ и круговую поруку, какъ главную его основу. Изъ

жупъ порука, какъ и другія общинныя учрежденія, могла легко перейти (?) въ самый Дубровникъ, который въ сферѣ юридическихъ отношеній, по всему видно (?), немногимъ отличался отъ своихъ жупъ, тѣмъ болѣе, что источники долго не даютъ никакихъ указаній на учрежденія, которыя замѣнили бы собою поруку. Отмѣну ея—дѣло законодательства XIII, а можетъ быть только XIV вѣка (?), нужно считать естественнымъ результатомъ усилившагося промышленнаго духа дубровчанъ, разложенія старыхъ общинныхъ порядковъ, въ особенности усиленія однихъ разрядовъ (власелей) на счетъ другихъ, при чемъ уже не могла имѣть мѣста прежняя солидарность связей между дубровчанами. Дѣйствительно, уже въ половинѣ XIII ст. они стали вообще тяготиться учрежденіемъ круговой поруки, законодательство начало стѣснять ея дѣйствія, и наконецъ вовсе отмѣнило самый институтъ.“ Госуд. устройство старого Дубровника. Стр. 824.

⁵⁰⁾ „Вражба“—можетъ быть только описка переписчика вмѣсто вражда, хотя таже форма слова повторяется въ Законѣ Винодольскомъ четыре раза; но иначе южнославянскіе юридическіе обычаи знаютъ только вражду да и въ церковной славянщинѣ вездѣ только вражда.“ Ягичъ, Примѣч. 89, на стр. 44. Что форма *vražba* могла и не быть опискою переписчика, на это указываетъ *vgróžba* мазовецкаго права, какъ совершенно основательно замѣтилъ Ром. Губе (*Wróžda, wróžba, i rokoğa*. Примѣч. I, на стр. 15).

⁵¹⁾ Шпилевскій и Леонтовичъ толкуютъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что князь винодольскій получалъ вознагражденіе по договору, соглашенію съ племенемъ убійцы. См. Шпилевскій. Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, стр. 80; Леонтовичъ, Древнее хорватско-долматское законодательство, стр. 35. Но встрѣчающееся въ этой статьѣ слово „заговоръ“ вовсе не имѣетъ этого значенія. Выраженіе „заговоръ врнези“ слѣдуетъ понимать въ смыслѣ денежнаго обезпеченія, поруки, заклада, величину и качество котораго опредѣлялъ самъ князь. (Ср. Ягича, Примѣч. 89, на стр. 44.

⁵²⁾ Ягичъ полагаетъ, что слова эти, по оплошности переписчика, попали въ текстъ не на свое мѣсто. Законъ Винод. Примѣч. 94, на стр. 47.

⁵³⁾ Смыслъ послѣдней части этой статьи довольно теменъ. По мнѣнію Ягича „вѣроятно здѣсь имѣется въ виду такой случай, когда убійца сначала укрывался отъ поисковъ обиженнаго рода, членъ котораго былъ убитъ, въ своемъ родѣ, но послѣдній, желая выпутаться изъ неприятнаго положенія, въ которое былъ втянутъ поневолѣ убійцею являлся посредникомъ между родомъ убитаго и убійцею такимъ образомъ, что убійца все таки долженъ былъ явиться и платить осудъ, можетъ быть, съ нѣкоторою уступкою.“ Законъ Винод. Примѣч. 97, на стр. 49.

54) Вотъ статьи Винодольскаго статута о вличѣ:

Ст. 7. Ošče, ki bi v gradu hram razbil v noči, vola ako bi ukral v nem, ter ako bi gdo klical „pomagajte:“ platit ima knezu libar 50; vapiuc ubo „pomagajte“ jesu verovani, ako reku s rotù. da jesu onoga zlotvorca poznali; ništarmanje, ako nij' onde klicano, nima platit nego soldini 40, ter škodu, kakoj' vise izrečeno. Jako tu hudobu va dne učini; nij' drzan platit neveče soldini 40, ako se more pokazati po verovanu svedoku (Svod. zak. slov. стр. 391).

Еслибы кто разбилъ хоромы (лавку, погребъ) ночью въ городѣ или бы укралъ (что-нибудь) въ нихъ и былъ бы тутъ кричавшій „помогите,“ разбойникъ долженъ платить князю либръ 50. Кричавшіе „помогите“ считаются достовѣрными, если подъ присягою скажутъ, что они узнали того злодѣя. Однакожъ, если тутъ крика не было, злодѣй не долженъ платить болѣе сорока сольдиновъ, и вознаграждать убытокъ, какъ сказано выше (вдвое). Когда же это злодѣяніе совершено днемъ, злодѣй не долженъ платить болѣе 40 сольдиновъ, если можно доказать ему достовѣрнымъ свидѣтелямъ.

Ст. 8. Ošče, ako nigdo v noči je ukral v osiku niki skot, vola na gumnu žito, vola va ulnici, v mesti, gdi se shranuju pčele, med; takoje plati knezu libar 50, ako jest onde klic bil „pomagaj;“ a va dne soldini 40; i takoje v noči, ako nij' onde bil „vapaj“, i škodu duplu, kako j'pisano. I klic je verovan. (Свод. слав. зак. стр. 391). Если кто укралъ какой-нибудь скотъ въ оскѣѣ (хлѣвѣ) ночью или хлѣбъ на гумнѣ или медъ въ улейникѣ (въ мѣстѣ, гдѣ пчелы помѣщаются), долженъ также платить князю либръ 50, если тутъ былъ крикъ „помоги.“ Днемъ же сольдиновъ 40. Точно также и ночью, если тутъ не было крика. Вознагражденіе убытка двойное, какъ уже писано. Крикъ же долженъ быть достовѣрнымъ.

Ст. 9. Ako bude pred dvorom ot sili pra, vola od tatbi svrhu ke budi riči, i parac nima svidočastva svrhu krivca, i pusti se na rotu; od rubanja ima krivac priseć samo 20 ter 5; i od tatbi imenovani svrhu samo 20, ako su v toj tatbi škodni i ako onde je klican „pomagaj.“

Если предъ дворомъ будетъ разбираться дѣло по насилію или по татбѣ какой-либо вещи, истецъ же не имѣетъ доказательства противъ виновнаго и дозволится ему (т. е. виновному) присяга: въ такомъ случаѣ виновный долженъ присягнуть по разбою (грабительству) самъ 25, а по вышеупомянутой татбѣ самъ 20, если (истецъ) потерпѣлъ škodu въ той татбѣ, былъ же тутъ крикъ о помощи.

Ст. 23. Ošče, pudaria, to jest straža nad vinogradom, i od zemal i od guman i od inih riči, zvrhu kih pudari položena, verovano; neveče kada bude nika škoda (pred) nim činiti se, vapij tada „pomagajte“ godi ako nevazme nikoga znamenjem od škodnika onoga i tadaj ako pokaže verovanim sve dokom, vola pred dvor neodnese onoga znamenje, pria ner se bude ta krivac tužil pred dvorom, vola ako nepojde s tim istim krivcem tadaje pred dvor.

Пударія, т. е. стража, поставленная для охраненія виноградниковъ, земель, гуменъ и другихъ вещей, для которыхъ полагается сторожъ, считается достовѣрной; однакожь когда на глазахъ его совершается какой-нибудь вредъ, то онъ долженъ кричать о помощи (помогите); или если онъ не отобралъ никакой улики у повредителя, и тогда вѣрять ему, если докажетъ однимъ достовѣрнымъ свидѣтелемъ; также считается достовѣрнымъ, если (не?) представить ту улику въ княжескій дворъ, прежде чѣмъ тутъ же подадутъ жалобу на виновнаго, или если (не?) явится предъ дворомъ съ тѣмъ же виновнымъ въ одно время.

Ст. 24. I ošće, more zvati vsaki „pomogajte,“ ako vidi delajuc niko zlo, i za to se nima koštigati niednũ penũ.

Каждый можетъ взывать о помощи („помогите“), если видитъ, какъ совершается злодѣяніе; за это не должно наказывать его никакою пеней.

Ст. 37. Ošće za niednu tatbu, ká je va dne, nij' osud već od soldini 40, i takoje v noći neveće ako bi klič bil „pomogajte“ i bilo bi v gradu; osvan tatbe višeiменоване i takoje za vsaku tatbu vola va dne vola v noći ima platit ta krivac soldini 40, i imaju biti obćini grada, gdi se tatba učini.

Ни за одну татьбу, случившуюся днемъ, не назначается болѣе 40 сольдиновъ пени; столько же и за татьбу ночную, за исключеніемъ если тутъ призывалась помощь („помогите“) и татьба совершилась въ городѣ; за исключеніемъ упомянутаго случая, всякая другая татьба, совершена ли она днемъ или ночью, подлежитъ пенѣ 40 сольдиновъ съ виновнаго, которые должны принадлежать общинѣ города, гдѣ совершилась кража.

⁵⁵⁾ Ст. 21. I prijaše Polica svi kupno, da ki-koli bi Poličanin ubio čovika, ki bi ša na Polica istinim zakonom, u Policich da zlo učini, da togaj imaju sva Polica platiti. Ali tko bi naša lupeža pri svom imanju ili pri koga-koli Poličanina imanju, tko-koli ubije lupeža gredući ali vodeći, da ga Polica sva plate. Ili bi tko ubio gusara, a on ga choće derati, a ovi ki se brani, ubije ga: i toga -j Polica plaćaju. Ki li bi Poličanin svadiv se i skarav se tere ubio Poličanin Poličanina, da ga Polica neplaćaju (Сводъ слав. зак. стр. 405).

И вся Полица купно (сообща) приняла, что если какой-либо поличанинъ убилъ бы человѣка, который шелъ въ Полицу съ истиннымъ намѣреніемъ совершить преступленіе въ Полицѣ, за того вся Полица должна платить. Если бы кто-нибудь нашелъ вора при (возлѣ) своемъ имуществѣ или при имуществѣ какого-либо поличанина, кто убьетъ вора, совершающаго кражу или уносящаго украденное, за него платить вся Полица. Или если бы кто убилъ разбойника, который желаетъ ограбить, и тотъ, который защищается (т. е. на кого разбойникъ напалъ), убьетъ его (разбойника), и за него платить вся Полица. Если какой-либо поличанинъ, повздоривъ и поссорившись, съ другимъ поличаниномъ,

убъетъ его (поличанинъ поличанина), то за него Полица не платитъ. См. еще ст. 57, 58, 65 и др. Полицкаго статута.

Леонтовичъ утверждаетъ, что слова „Polica sua plate“ намекаютъ на институтъ круговой поруки территориальныхъ общинъ, — заключение рѣшительно невѣрное. Ягичъ объясняетъ такъ смыслъ 21 ст.: „Община, говоритъ онъ, брала на себя обязанность платить вражду, очевидно желая такимъ образомъ обезпечить своего члена, оказавшаго услугу цѣлой общинѣ, отъ мести родственниковъ убитаго. Такой же обычай господствовалъ и по островамъ: напр. на Рабѣ (Arbe) въ 1326 г. постановлено: Si aliquis in aliquo loco commorando ab aliquo homine molestatus fuerit, quod bona ejus rapere vellet vel etiam injuriam facere prae sumpserit ei, ed malefactor ille fuerit interfectus vel vulneratus, nullum bannum solvat pro eo, sed qui dictum malefactorem vulneratur aut interfecerit, a domino comite et curia Arbi debeat defensari“. См. Законъ Винодольскій. Примѣчаніе 178, на стр. 96.

⁵⁶⁾ Ср. также грамоты 1234 и 1249 гг. № 842 и 1235. См. даѣе у Эмлера грамоты 1259 и 1263 гг. № 230 и 416.

⁵⁷⁾ „Wŝecky kraje země české i morawské, rov. Палацкій, rozděleny byly od starodáwna w malé obwody, okresky neb aujezdy, welikosti rozdílne, any zahrnowaly do sebe tu wice tu méně osad a wesnic. Obwody tyto w ohledu práwním nazývány honitwy, bezpochyby z té příčiny, že všickni obyvatelé jedné honitwy, powinni byli honiti wŝecky zloděje a škúdce, jak daleko sahala půda honitwy jejich. To aspoň jisté jest, že zawázáni byli všichni rukau společnau a nerozdílnau statí a odpowídati auřadům práwním za wŝecky přečiny a zločiny, kteří spácháni byli w honitwě jejich.“ Dějiny, 278.

⁵⁸⁾ Kdyžby se mord nebo lúpež na silnicích nebo na cestách přihodil, tehdy všichni z zámknów, z twrzí i z měst, městeček i ze wsi aby honili; pakliby kto nehonil a w tom seznán byl, tehdy král JMt. mátakové neb takowého oběslati; pakliby nebylo krále w zemi, tehdy páni z plného saudu; a tu se má zprawiti, proč jest nehonil, a jestližby to swéwolnie bez hodné příčiny učinil, tehdy cožby jemu w tom pány nalezeno a rozkázáno bylo, aby tu pokůtu trpel... (Zřízení zemské. 1500, 542. См. Palacký Archiv český. T. V. Стр. 255).

⁵⁹⁾ Swolili sme sie, aby lúpežowé na silniciach nebo jinde kdekoliwék chudým lidem na jich dielech stawowani byli, takovým obyčejem: komužby sie to koliwék dalo, a pokřik učiněn byl, toho kraje všickni aby takowého zloděje honili až na místo. A jestližby kde puštění byli, mají wydáni býti; pakliby jich kto wydati nechtěl, k takowému má býti hledieno pomstú, jako k těm zlodějům kteřížby tu škodu ucinili (Sněmovní věci české, od 1440. См. Архивъ Палацкаго. T. I. Стр. 252).

My, Jošt markrabě a pán Morawský, Jindřich z Rosenberka etc... páni čeští, všickni jednostajně a zjewně listem tiemto wyznáváme

iż jsme w taką mezu sobú úmluwu a w taký slib... wstupujem, a to sobě... držeti slibujem: tak jménem, ež chceme a jmáme všicku, my w jednotu býti, a zemského dobrego hledati, a prawdu w zemi-ploditi a činiti.... A kohosby kolěk z nás nebo koho z našich, kterým koliwék činem kto kdy kterak tisknutí chtel, mimo zemský běh nebo mimo nález panský, toho tomu mámy a slibujem wěrně pomahati a po něm silně stati, aby sie vždy jemu toho nédalo, než aby sie každému pravé stalo. A to tak dlúho máme jednati, a w tom pewní stati, ażebychom zemi ku práwn a prawdě postavili i přiwedli, jakož jak dřewě za našich předkůw w prawdě stala. (1394. Архивъ Палацкаго. Т. I, стр. 52—53).

⁵⁹⁾ „Opolie.... So befreiete Herzog Wladislaus von Polen i. J. 1297 ein Dorf in Breslau, unter andern Lasten, auch: ab opole. Sollte es die Geldabgabe eines Obolus seyn?“ Tzschoppe und Stenzel, стр. 13.

⁶⁰⁾ „Zweitens, bedeutet es (głowa, głowszczyzna) das Strafgeld, welches ein gesammter Bezirk geben musste, wenn innerhalb seiner Grenzen ein Erschlagener gefunden wurde, ohne dass man den Mörder entdeckte. Sonach waren gewisse Bezirke gemeinschaftlich verpflichtet für die innere Sicherheit des Landes einzustehen, was nicht sowohl mit der Gesamtbürgerschaft in den Angelsächsischen Gesetzen verglichen werden kann, denn diese bildete sich aus dem Volke heraus, als mit dem Verfahren, welches die Franzosen als Herren Italiens zur Ausrottung der Räubereien sehr zweckmässig einschlugen, zu vergleichen ist, da es nur von mächtigen Händen behauptet werden kann.“ Stenzel, Urkundensammlung. Стр. 25.

⁶¹⁾ Переводъ Гельцеля: Jeśli kogo zamordują na polu, lub na drodze, tedy ten, który do pochowa, zapłacić ma jego głowę, a rąnu jego wynagrodzić 50 grzywien. (II, 18).

⁶²⁾ Польская терминологія свода въ высшей степени интересна и встрѣчающіяся здѣсь выраженія носятъ отпечатокъ глубокой старины. Такъ напр., подобно Винодольскому Закону, вмѣсто слова наказывать, наказаніе, въ переводѣ часто употребляется выраженіе мститъ, месть. Ст. LXVI (въ изданіи Гельцеля)... ut tales oppressores virginum et mulierum.... teneantur respondere et puniri. Aby tacy usilnicy dziewic albo niewiast... powinni byli odpowiedzieć i pomszczeni. Въ статьѣ LXV слово puniri передано mszczeni мѣка. Ст. XXIII Experientia nos edocuit quod quandoque non contumaces pro contumacibus, vel ipsi contumaces, modum tamen excedendo, pro contumacia puniuntur et graventur. Skuszenie nas nauczyło, iż niegdy stający ku prawu, jakoby niestający, alibo też po prawdzie nie stający, nad obyczajtego mszczenia uciążani bywają. Helcel, Starodawne prawa polskiego pomniki. Т. I, стр. 98, 99, 67. Далѣе встрѣчаемъ здѣсь выраженія: trzy skócce groszów (LXXII), ósm skot (С III) и т. д. Ibid. стр. 103, 122.

⁶³⁾ Нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ (Бѣляевъ, О круг. пор. 7—8; Эверсъ, 168. Куницынъ, 6; Михайловъ, 22; Пахманъ, 15)

усматриваютъ въ пятой статьѣ договорѣ Олега съ греками указаніе на круговую поруку. Но сравненіе этой статьи съ статьёю 14-й договора Игоря съ греками убѣждаетъ насъ, что она не имѣетъ никакого отношенія къ институту круговой поруки,

64) Кажется, что слово вервь, употребленное въ смыслѣ округи, есть норманское или шведское Hwarf.* Карамзинъ, Исторія государства Россійскаго. Т. II, примѣч. 72. „Co do słowa werw, wytłómaczonego po polsku słowem włość, to podobnie jak wira wziętem jest z Normandzkiego szyli Szwedzkiego Hwarf, t. j. obwód terytoryum.“ Rakowiecki, Prawda Ruska. Т. II. Примѣч. 39, на стр. 138.

65) „Вервь слово славянское, означаетъ и физически и нравственно: связь, вервь, веревка, союзъ... Мы думаемъ, что наше „вервь“ получило названіе отъ верви, веревки, которую обыкновенно употребляли при земельномъ измѣреніи: „отняли у насъ, государь, деревенку въ карзинѣ курьи, и дворъ и дворище; а пашни, государь, въ ней пять веревокъ (Акты юридич. №. 23); или въ правой грамотѣ 1535: ставъ передъ судьями, старецъ Іона и отвѣтчики Панкратъ и его товарищи тако рекли: дайте, господине, намъ цѣловальника Гаврила Ивойлова земли вервити... и старецъ Іона Панкрата и его товарищовъ вѣду третехъ въ ихъ увервилъ: а во се, господине, память вервная передъ нами.... Подобный обычай былъ въ употребленіи у многихъ народовъ: израильтяне, греки германцы, скандинавы мѣряли землю также вервями“. Соловьевъ, Т. I. 348. Ср. Лешкова. Стр. 135; Ланге, Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды. Стр. 277—278; Миллеръ, Опытъ обозрѣнія русской словесности. 136. Гильфердингъ, вслѣдъ за Микуцкимъ, отождествляетъ слово вервь съ санскритскимъ „urvi“ (земля), точно такъ какъ и нѣмецкое „gowe, gau“ съ санскритскимъ „gḍ“ (земля). См. Исторія балтійскихъ славянъ. Примѣч. 392 на стр. 100.

66) „Слѣды древняго землемѣрія ужемъ, или вервью, сохранились въ языкѣ Библии, гдѣ, наприм., Ханаанская земля называется ужемъ достоянія евреевъ („тебѣ дамъ землю Ханааню, уже достоянія твоего“ Пс. 104, 11; въ Амвросіевомъ переводѣ: „...во ужемѣріе достоянія твоего“ 105, 11, стр. 144); освоеніе кѣмъ-либо земельного участка выражается словами: „продолжати (продолжити) бразду свою“, а отнятіе освоенной земли словами: „пресѣщи вервіе“ („На хребтѣ моемъ ораша орущии, продолжиша бразду свою, но Богъ праведенъ,—пресѣче вервіе беззаконниковъ“ Амвр. Псалт. 129, 3, 4, стр. 175); похвала своей участи (своей части) образно выражается словами: „вервіе паде мнѣ въ веселыхъ мѣстѣхъ,—также достояніе мое красно у мене“ (тамъ же, 16, 6, стр. 39). Это мѣсто въ до—амвросіевскомъ переводѣ передано такъ: „оужя

нападоша въ державныхъ моихъ, ибо достояніе мое державно есть мнѣ (15, 6), т. е. мое достояніе мнѣ твердо, ибо отмѣрено мнѣ въ полное обладаніе“. Слѣды того же землемѣрія сохранены и нѣкоторыми памятниками нашего древняго права; такъ въ одной правой грамотѣ конца XVI ст. участки пашни называются веревками и вервями: „отняли; государь, у насъ деревенку въ Карзинѣ курьи, дворъ и дворище, а пашни, государь, въ ней пять веревокъ, а въ сошномъ обжа безъ трети“. а тое земли на три доли достанетца двадцать три веревки“, „отъ Елизара шло пять вервей, а другая пять вервей шла отъ Онтона и отъ Ивана, отъ ихъ же сродичевъ и язъ, Елизаръ, порядился на всю десять вервей, а сѣяти мнѣ на нихъ шесть пудовъ жита уркомъ (А. Ю. № 23, стр. 53. 55). Нечего и говорить о томъ, что нашему языку, а въ особенности старинному, были вполне свойственны названія пространствъ по ихъ измѣренію (см. Буслаева: Ист. грам. русск. яз. II, § 151, 61 — 67). Также свойственно нашему языку называть населеніе по тому земельному пространству, на которомъ это населеніе живетъ (ibid): земля и народъ—это два понятія, взаимно другъ друга исчерпывающія и употребляющіяся въ рѣчи одно вмѣстѣ другаго; по сему вервь, земля, есть, вмѣстѣ съ симъ, и та земская община, которая живетъ, сидитъ на этой землѣ, освоивъ ее,—сдѣлавъ ужемъ достоянія своего“. Мрочекъ-Дроздовскій II, 134, 135.—Изъ того обстоятельства, что въ XVI ст.; пахатныя земли измѣрялись веревкой еще не слѣдуетъ, чтобы вообще границы нашихъ древнихъ вервей подвергались также точному измѣренію. У евреевъ, у которыхъ земли было мало, весьма рано могла возникнуть потребность въ правильномъ опредѣленіи границъ и еврейская исторія въ занимающемъ насъ вопросѣ имѣетъ мало что общаго съ древнею русской.

⁶⁷⁾ Это обстоятельство дало поводъ Леонтовичу думать, что вервь Русской Правды была не территоріальнымъ, а кровнымъ союзомъ, вполне тождественнымъ съ южно-славянскою задругою. (См. „О значеніи верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ,“). Калачевъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій также склоненъ видѣть въ верви Правды родовую общину. „Очень можетъ быть, говорить онъ, что слово вервь въ Русской Правдѣ означаетъ не только искusstвенную гражданскую общину, которая составлялась для платежа пени въ случаѣ преступленій ея членовъ общими ихъ силами, но главнымъ образомъ и отдѣльныя родовыя общины, въ которыхъ члены были связаны кровными узами и общимъ имуществомъ“. (Дополненіе къ разсужденію Деппа о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до Царя Алексѣя Михайловича, 23—24).

⁶⁸⁾ Передавая смыслъ 18 и 19 ст. ак. сп., мы придерживались толкованія Владимірскаго - Буданова, считающаго убійство „въ разбои и въ обиду“ равнозначущими терминами. Но далеко не

всѣ ученые согласны съ такимъ толкованіемъ. Бѣляевъ, напри-
мѣръ, подъ словомъ „разбой“ не разумѣетъ, подобно Вл. Буда-
нову, умышленнаго убійства, а наоборотъ, принимаетъ этотъ тер-
минъ въ смыслѣ убійства нечаяннаго. „По современному намъ зна-
ченію слова разбой, гов. онъ, слѣдовало бы признать, что вервь
здѣсь помогаетъ въ платежѣ виры разбойнику, который стоитъ на
большой дорогѣ, грабитъ и рѣжетъ проезжихъ и прохожихъ; но
слово разбой въ старое время на Руси имѣло не одно то значе-
ніе, какое имѣетъ теперь: оно кромѣ грабежа и убійства, про-
ѣзжихъ по дорогамъ, означало еще грабежи и убійства, дѣлаемые
изъ мести за обиду или въ ссорѣ. Когда обиженный, подобравъ
знакомыхъ или родственниковъ, отправляется въ домъ обидчика
или въ его деревню, и тамъ, въ азартѣ, ломаетъ и портитъ все,
топчетъ поля, рубитъ лѣсъ, спускаетъ мельничную платину, бьетъ
посуду, рветъ платье, и подчасъ въ бѣшенствѣ, убиваетъ самаго
хозяина или его слугъ, которые задумываютъ защищать свое и
хозяйское добро; но все это дѣлаетъ не съ тѣмъ, чтобы восполь-
зоваться чужимъ добромъ, а только изъ желанія удовлетворить
свою месть и насолить врагу. Въ этомъ смыслѣ слово разбой при-
нималось и въ сѣверовосточной и югозападной Россіи даже въ
XVI и XVII ст.... Такимъ образомъ по понятіямъ XI и XII в.,
община или вервь на Руси помогала въ платежѣ виры не разбой-
нику и грабителю въ нынѣшнемъ смыслѣ слова, а напротивъ
нечаянному убійцѣ во время наѣзда по ссорѣ или изъ мести,
вызванному на этотъ поступокъ предшествовавшею обидою, ссо-
рою“. О круг. поруки на Руси. Ст. 10.

⁶⁹⁾ Ср. Владимірскаго-Буданова: Христоматія I, прим. 10, на
стр. 36. Совершенно иначе толкуютъ статью 4-ю Эверсъ, Пого-
динъ и Кавелинъ. По ихъ мнѣнію всякій убійца, все равно совер-
шилъ ли онъ умышленное или неумышленное убійство, платитъ
князю штрафъ съ подмогою отъ своей верви. (См. Эверсъ, 372.
Погодинъ, II, 435; Кавелинъ, 117—118).

⁷⁰⁾ Ср. Сергѣевича 451; Соловьева, Исторія Россіи I, 232—233.

⁷¹⁾ „Предположилъ на время случайность союза (верви); будетъ
ли онъ для насъ понятенъ? Какъ объяснимъ мы при этомъ поло-
женіе Правды, по которому въ извѣстныхъ случаяхъ, должно
было искать тятя по верви или въ верви, и, не отыскавши, тре-
бовать 12 гривенъ продажи съ верви? Какъ свяжемъ мы произ-
вольность союза съ его законной обязанностью уплачивать дикую
виру? Вѣдь законъ не говоритъ, что дикая вира уплачивается
только тамъ, гдѣ есть вервь; напротивъ онъ предполагаетъ союзъ
верви повсюднымъ и необходимымъ. Какъ можетъ быть случай-
нымъ союзъ, на которомъ лежитъ постоянная общественная обя-
занность? И что за обязанность, которой взыскивать не на комъ,
если, боясь потери, никто не вложится въ виру? А кому войдетъ
въ голову составлять союзъ для уплаты за чужіе грѣхи? Кто
вступитъ въ союзъ, сопряженный съ вѣрною потерей, которой

легко избѣжать, не входя въ составъ союза? Очевидно, что произвольнаго соединенія съ такою отвѣтственностью быть не могло въ то время, какъ быть не можетъ въ настоящее". Лешковъ, 107.

72) Въ пользу славянскаго происхожденія названія вервь высказываются: Ланге, Соловьевъ и Леонтовичъ. „Гдѣ основанія, что названіе вира непремѣнно произошло отъ слова Wehrgeld? Мы думаемъ, что слово вира образовалось отъ славянскаго слова вервь—веревка, а въ переносномъ смыслѣ—связь, союзъ, община. Сама Правда какъ бы указываетъ на порядокъ такого образованія. Въ ней встрѣчаются наименованія, произведенныя отъ слова вервь и имѣющія одинаковое значеніе съ названіемъ вира, именно: вервьное, вировное, вирное. Отъ такихъ производныхъ легко могло образоваться и самое слово вира, въ смыслѣ платы пени вервию, т. е. общинной платы, какою вира по преимуществу и была“. Ланге, 277—278. Ср. Леонтовичъ О значеніи верви по Р. Правдѣ и Полицк. стат. Прим. 4 на стр. 2. „Вира, говоритъ Соловьевъ; слово славянское: въ хорутанскомъ вира значитъ вольная оцѣнка, вольный переходъ; завирити — обязать задаткомъ, вировати—обвинить“. Исторія Россіи, Т. I, стр. 348. Для полноты укажемъ еще на мнѣнія Татищева и Діева. Первый видитъ корень виры въ сарматскомъ *wego*, (Ист. I, 220); а второй въ греческомъ *βαρέω* *grago*. (О вирахъ у Россіянъ, 31).

73) Варьянты, помѣщенные у Калачева: дѣкую виру, дѣкую вину; людскую, людцкую, людикую въ люди въ кою. См. ст. LXXXIX и XC. Почему общинная вира называлась дикой? По мнѣнію Соловьева, слово „дикій“ въ древнемъ русскомъ языкѣ означало: общій, неопредѣленный. Выраженіе дикая вира есть тоже что общая вира, т. е. вира, платимая всею вервию сообща. („О значеніи слова „черный“ въ древнемъ русскомъ языкѣ, 282). Другіе ученые передаютъ слово дикая словомъ чужая, въ смыслѣ виры, платимой за чужую вину (Дубенскій, 22, пр. 65; Сергѣевичъ, 451). По мнѣнію, Калачева общая вира получила названіе дикой потому, что она платилась за челоуѣка убитаго въ дикомъ, необработанномъ мѣстѣ. (Объ уголовн. правѣ по Судебнику Царя Іоанна Васильевича, 353—354. Ср. Эверсъ, 418). Наконецъ Діевъ производитъ прилаг.: дикая отъ греч. глаг. *δίχω* (*jasio. dejicio*). Дикая вира, говоритъ онъ, есть пеня за трупъ, найденный лежащимъ, какъ бы брошеннымъ, покинутымъ. (О вирахъ у Россіянъ, 40—41).

74) Въ Терской и Кубанской областяхъ установлены слѣдующія правила о коллективной отвѣтственности туземныхъ обществъ, въ случаѣ неоткрытія виновнаго:

1) „Всѣ проѣзжія дороги въ области, для безопасности на нихъ, подраздѣляются на участки, съ припискою къ каждому изъ нихъ ближайшихъ или окрестныхъ туземныхъ селеній, которыя отвѣтствуютъ за всякій на сихъ дорогахъ случай смертоубійства, разбоя

или грабежа въ той формѣ, которая для сего начальствомъ установлена съ 1879 г. Отвѣтственность эта, въ формѣ наложенія денежныхъ штрафовъ, содержанія карауловъ и административныхъ ссылокъ, равнымъ образомъ устанавливается за случаи убійства, пораненія или грабежа въ самыхъ селеніяхъ, по особымъ каждый разъ указаніямъ на этотъ предметъ со стороны начальника области.

2) Въ случаяхъ воровства изъ русскихъ селеній или колоній, равно съ пастбы и дороги, скота, лошадей и прочаго имущества, когда слѣды доведены до юрта туземнаго населенія и имъ приняты, подлежащій участковый приставъ производитъ присяжную оцѣнку похищенному имуществу, съ опредѣленіемъ убытковъ потерпѣвшаго, назначаетъ срокъ и способъ удовлетворенія и доводитъ до свѣдѣнія окружнаго начальника на утвержденіе; при возбужденіи туземными селеніями пререканія о доведенныхъ слѣдахъ воровства участковый приставъ разрѣшаетъ пререканіе посредствомъ присяги участвовавшихъ въ доведеніе слѣдовъ и, по выясненіи факта виновности, въ дальнѣйшемъ поступаетъ согласно изложенному выше.

3) Доведеніе слѣдовъ уворованнаго изъ станицъ и прочихъ селеній или съ пастбищныхъ мѣстъ скота и лошадей считается имѣющимъ силу тогда, когда въ доведеніи слѣдовъ, кромѣ потерпѣвшаго, участвовалъ станичный атаманъ, или его замѣняющій, при двухъ понятыхъ. Неявка къ принятію доведенныхъ слѣдовъ, немедленно по требованію аульнаго старшины или его помощника, а при отсутствіи ихъ исправляющихъ ихъ обязанности, — равносильна сознанію виновности такого аула, который и отвѣтствуетъ въ такомъ случаѣ какъ за безспорные слѣды воровства.

4) Въ случаѣ признанія отвѣтственности аула за слѣды воровства, аульному обществу предоставляется указать виновнаго въ этомъ. Когда такимъ образомъ виновный въ кражѣ лошадей или скота будетъ обнаруженъ и подлежащій судъ постановитъ обвинительный приговоръ, то взысканіе обращается на имущество виновнаго; если же у виновнаго не окажется имущества, чтобы удовлетворить потерпѣвшаго, то недостающая сумма обращается на имущество ближайшихъ — состоящихъ въ одной съ нимъ сказкѣ — родственниковъ; при недостаткѣ же имущества у сихъ послѣднихъ, окончательное удовлетвореніе потерпѣвшаго возлагается на то сельское общество, къ которому принадлежитъ виновный.

5) Указаніе сельскаго общества на извѣстное лицо, какъ виновное въ совершившемся преступномъ дѣяніи, принимается только тогда, когда оно основано на достаточно вѣскихъ фактическихъ данныхъ или уликахъ. Если, несмотря на то, указанный сельскимъ обществомъ виновный будетъ подлежащимъ судомъ, по недостаточности улики, оправданъ, то и въ такомъ случаѣ онъ обязанъ еще въ присутствіи довѣренныхъ отъ того сельскаго общества, къ которому принадлежитъ, очистить себя обычною присягою. Не

выполнившій присяги признается виновнымъ и удовлетворяетъ потерпѣвшаго порядкомъ, указаннымъ въ 4 пунктѣ.

6) При возложеніи на туземныя общества круговой отвѣтственности за доведенные слѣды кражи,—какъ изъ станицъ и слободокъ, такъ съ настѣищъ и проѣзжихъ дорогъ,—скота, лошадей и прочаго имущества, принадлежащаго русскому населенію, дѣлается 'безусловно обязательнымъ для станичныхъ и слободскихъ обществъ выполнение нижеслѣдующихъ правилъ, въ зависимость отъ чего поставляется означенная выше отвѣтственность туземныхъ обществъ: а) каждая станица должна имѣть табунщиковъ и пастуховъ, отвѣтственныхъ за всякую кражу изъ подъ ихъ надзора скота или лошадей, когда пастухами этими не исполнено все отъ нихъ зависящее для обнаруженія виновныхъ или открытія слѣдовъ; б) каждый изъ станичныхъ и слободскихъ жителей ненужныхъ ему рабочій скотъ и лошадей обязанъ сдавать въ стадо или табунъ; остающіеся въ станицахъ и слободахъ на самопастъ скотъ и лошади должны находиться подъ наблюденіемъ хозяина или охраняться черезъ особыхъ наемныхъ людей; в) при ночлегахъ во время полевыхъ работъ и на дорогахъ скотъ и лошади на ночь сгоняются въ одно мѣсто, которое по возможности оцѣпляется и охраняется ночными караульщиками; г) удовлетвореніе за кражу скота или лошадей, при выполненіи сихъ условий, можетъ быть дано въ такомъ только случаѣ, если заявленіе о кражѣ сдѣлано потерпѣвшимъ приставу, сельскимъ или постовымъ властямъ, непременно до наступленія вечера того дня, когда совершена кража, или до наступленія вечера, слѣдующаго дня, если она совершилась ночью; д) каждая станица и слободка обязаны имѣть ночной обходъ, и наблюдательные секреты по главнымъ путямъ, ведущимъ изъ станицы или слободки, при чемъ въ свѣтлыя ночи какъ обходъ, такъ и секреты имѣть въ меньшемъ размѣрѣ, а въ темныя въ усиленномъ составѣ; обходы и секреты обязательно провѣряются станичными атаманами или ихъ помощниками, или же дежурными по станицѣ урядниками и старшинами слободокъ. Независимо отъ сего обязательно имѣть при станичныхъ правленіяхъ резервъ изъ конныхъ льготныхъ казаковъ въ числѣ отъ 4—6 человекъ на случай ночной тревоги. Несоблюденіе сихъ правилъ лишаетъ права на вознагражденіе. Такимъ образомъ, для установленія факта кражи, приставъ прежде всего изслѣдуетъ—были ли вполнѣ соблюдены вышеизложенныя правила пастбы и охраны, и если нѣтъ, то потерпѣвшему отказываетъ въ удовлетвореніи административнымъ порядкомъ, дѣло передаетъ по подсудности, съ предоставленіемъ потерпѣвшему искать убытки свои въ подлежащемъ судѣ; а вмѣстѣ съ тѣмъ доносить по начальству о несоблюденіи правилъ охраны, для зависящаго распоряженія о наложеніи взысканія на виновныхъ въ этомъ.

7) Если бы, несмотря на удостовѣренное мѣстною полиціею исполнѣнное точное соблюденіе означенныхъ правилъ тѣмъ или другимъ

русскимъ селеніемъ, случаи воровства изъ этого селенія повторялись, а слѣды невозможно было бы открыть и довести до какого либо аульнаго юрта, за сухостью почвы или по другимъ причинамъ, независимымъ отъ бдительности потерпѣвшихъ, то окружный начальникъ представляетъ объ этомъ начальнику области съ своимъ заключеніемъ—есть ли уважительныя данныя предполагать, что какой либо изъ ближайшихъ ауловъ принималъ участіе въ совершеніи или сокрытіи замѣченныхъ и удостовѣренныхъ, но необнаруженныхъ кражъ. Если указанныя на этотъ предметъ потерпѣвшимъ селеніемъ и мѣстною администраціею данныя начальникъ области признаетъ заключающими въ себѣ достаточный поводъ къ принятію чрезвычайныхъ мѣръ, указанныхъ въ ст. 541, II т., I кн. общ. губерн. учрежд., изд. 1876 года, то онъ дѣлаетъ распоряженіе, чтобы на основаніи этой статьи отъ навлекающихъ на себя подозрѣніе ауловъ были выставлены въ видахъ обезпеченія потерпѣвшаго русскаго селенія, караулы, съ возложеніемъ на караульныхъ, или на выставившіе ихъ аулы, денежной отвѣтственности за всякій новый случай удостовѣренныхъ, но не обнаруженныхъ кражъ изъ означеннаго русскаго селенія.

Примѣчаніе I. Время содержанія туземными аулами выставленныхъ такимъ образомъ карауловъ опредѣляется начальникомъ области по его усмотрѣнію.

Примѣчаніе II. Выставленіе сихъ карауловъ не снимаетъ съ русскихъ селеній обязанности соблюденія объясненныхъ въ пунктѣ 6 правилъ охраны, при отсутствіи коей денежныя штрафы на туземныя общества ни въ какомъ случаѣ не налагаются.

Кромѣ сѣвернаго Кавказа круговая отвѣтственность по уголовнымъ преступленіямъ введена и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Закавказья. Такъ въ Елисаветпольской губерніи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ числѣ чрезвычайныхъ мѣръ для возстановленія общественнаго порядка и безопасности, главноначальствующимъ была установлена солидарная отвѣтственность сельскихъ обществъ на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) «Имущественная отвѣтственность за умышленное истребленіе огнемъ чужаго движимаго и недвижимаго имущества возлагается на сельскія общества, въ районѣ которыхъ эти преступленія совершаются, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда судебное преслѣдованіе виновныхъ, за необнаруживаніемъ ихъ, окажется невозможнымъ. При этомъ условіи стоимость сожженнаго имущества и размѣръ причитающагося потерпѣвшимъ вознагражденія, по приведеніи ихъ въ извѣстность полицейскимъ дознаніемъ, при участіи понятыхъ изъ числа членовъ подлежащаго сельскаго общества, взыскиваются съ общества въ административномъ порядкѣ и передаются потерпѣвшимъ. Окончательное утвержденіе опредѣленной мѣстною полиціей суммы вознагражденія предоставляется губернатору».

2) «Въ дѣлахъ о кражѣ лошадей и домашняго скота, если виновные въ этихъ преступленіяхъ останутся необнаруженными, имущественная отвѣтственность возлагается также на сельскія общества, въ предѣлахъ которыхъ онѣ совершены; въ случаяхъ же, если слѣды украденнаго будутъ доведены до какого либо селенія и затѣмъ не отведены изъ онаго, то отвѣтственность по вознагражденію за похищенное возлагается на данное сельское общество, на изложенномъ въ предыдущемъ пунктѣ основаніи». (См. Дѣло Канцеляріи главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ. № 215. Суд. отд. I ст. 18 Окт. 1883 года).

20 августа 1883 года главноначальствующимъ были изданы «Правила охраны желѣзной дороги въ Елисаветпольской и Бакинской губерніяхъ», по которымъ отвѣтственность за цѣлость пути и безопасность желѣзно-дорожныхъ агентовъ возлагается на жителей ближайшихъ къ дорогѣ населенныхъ мѣстностей. Вся линія желѣзной дороги дѣлится на участки. Къ каждому изъ нихъ приписывается опредѣленное число сосѣднихъ къ линіи населенныхъ мѣстностей. Въ случаѣ умышленной порчи пути или разбойническаго нападенія на линейныхъ сторожей или другихъ агентовъ желѣзной дороги, находящихся на постахъ при исполненіи обязанностей службы, приписанное къ участку население привлекается къ отвѣтственности въ слѣдующей постепенности:

а) Если виновные не были задержаны и слѣды ихъ неизвѣстны, то убытки, причиненные этими преступленіями какъ обществу желѣзной дороги, такъ и частнымъ лицамъ, по приведеніи ихъ въ извѣстность полицейскимъ дознаніемъ, взыскиваются съ приписаннаго къ участку населенія въ административномъ порядкѣ.

б) Если слѣды преступниковъ будутъ доведены до какого-либо селенія или кочевья, и жители не выдадутъ ихъ властямъ, то къ виновному обществу посылается на экзекуцію военная команда, довольствіе которой относится на счетъ общества. Сверхъ того, виновное общество обязано вознаградить, вышеуказаннымъ порядкомъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія.

в) Если подвергнутое экзекуціи или денежному взысканію общество дозволить себѣ при этомъ или при задержаніи преступниковъ какое-либо сопротивленіе властямъ, то такое общество немедленно обезоруживается, и ему воспрещается навсегда носить или имѣть оружіе, а принимавшіе дѣятельное участіе въ оказанномъ властямъ сопротивленіи предаются суду или высылаются съ мѣста жительства въ отдаленныя мѣстности края (Пунктъ 3-й правилъ). Далѣе правила говорятъ подробно объ организаціи, обязанностяхъ и отвѣтственности охранной стражи (Пункты 4, 5, 6, 7 и 8).

Изъ другихъ мѣстностей Закавказья особый видъ круговой поруки установленъ начальствомъ въ одномъ изъ уѣздовъ Тифлисской губерніи, а именно Борчалинскомъ. Уѣздъ этотъ, населенный большею частью татарами, «издавна пользовались незавидною сла-

вою мѣстности, въ которой менѣе, чѣмъ гдѣ либо, обезпечена личная и имущественная безопасность жителей и въ которой убійства, разбои, грабежи, зажигательства, не говоря уже о скотокрадствѣ, составляли ежедневныя явленія. Принимавшіяся обыкновенныя и экстренныя мѣры, указанныя въ законахъ, противъ нарушителей общественнаго порядка оказывались недѣйствительными и дѣло дошло до того, что христіанская часть населенія этого богато отъ природы одареннаго уѣзда начинала свыкаться съ мыслью о необходимости переселиться въ другую, болѣе безопасную мѣстность» (Записка Главноначальствующаго министру юстиціи. Стр. 3.) При такомъ положеніи вещей, мѣстныя власти прибѣгли къ исключительнымъ мѣрамъ для возстановленія въ уѣздѣ общественнаго спокойствія и безопасности. «Исходя изъ того основанія, что всѣ преступленія въ районѣ того или другаго сельскаго общества совершаются лицами, принадлежащими къ тому же обществу, подъ прикрытіемъ вліятельныхъ покровителей, гарантирующихъ имъ защиту и безнаказанность, уѣздный начальникъ отобралъ отъ агаларовъ и другихъ вліятельныхъ въ каждомъ обществѣ лицъ особыя подписки, въ которыхъ они обязываются выдавать властямъ всякаго члена общества, совершившаго преступленія, съ полными доказательствами его виновности, если же сего не исполнять, то отвѣтствуютъ собственнымъ имуществомъ передъ потерпѣвшимъ отъ преступленій. Съ тѣхъ поръ въ Борчалинскомъ уѣздѣ возстановились миръ и спокойствіе. Въ случаѣ какого-либо преступленія, потерпѣвшій не идетъ болѣе въ мировой судъ или къ слѣдователю, а обращается прямо къ вліятельнымъ лицамъ, выдавшимъ вышеупомянутыя подписки, и немедленно получаетъ удовлетвореніе» (Зап. главнонач.).

Цитированные въ книгѣ источники и пособія.

- Адаты южно-дагестанскихъ обществъ. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Вып. VIII.
- Брэмъ: Жизнь животныхъ. Т. II С.-Птб. 1866.
- Бѣляевъ: 1) О круговой поруки на Руси. Русская Бесѣда. 1860, II.
2) Русская земля передъ прибытіемъ Рюрика въ Новгородъ. Временникъ Императ. Моск. общества Исторіи и древностей россійскихъ. 1850, кн. 8.
- Владимірскій-Будановъ: 1) Хрестоматія по Исторіи русскаго права. Вып. 1-й. Изданіе 2-е. Кіевъ 1876.
2) Обзоръ исторіи русскаго права. Выпускъ II: Исторія русскаго уголовного права, гражданскаго права и процесса. Кіевъ 1886.
- Гильфердингъ: Исторія балтійскихъ славянъ. Томъ 1-й. Москва 1855.
- Діевъ: О вырахъ у Россіянъ. Русскій Историческій Сборникъ. Томъ I, кн. 2.
- Дмитріевъ: Исторія судебныхъ инстанцій. Москва 1859.
- Дриновъ: 1) Болгарія наканунѣ ея погрома. Славянскій Сборникъ Т. II 1877.
2) Заселеніе Балканскаго полуострова славянами. Москва 1873.
- Дубенскій: Памятники древняго русскаго права. Русскія Достопамятности. II Москва 1843.
- Дунинъ: О Мазовецкомъ правѣ. I. Варшава 1876.
- Зигель: Законникъ Стефана Душана. Вып. I. С.-Птб. 1872.
- Записка Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ Министру юстиціи. (Обязательно сообщена въ Канцеляріи Главноначальствующаго въ 1884).
- Иречекъ Константинъ: Исторія болгаръ. Переводъ Бруна и Палаузова. Одесса 1878.
- Иванишевъ: О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ славянскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою. Кіевъ 1840.
- Кавказъ 1847.

II

- Кавелинъ: Критика 1-го тома Исторіи Россіи Соловьева. Отечественныя Записки, Декабрь 1851.
- Калачевъ: 1) Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Москва 1846.
2) Объ уголовномъ правѣ по Судебнику царя Іоанна Васильевича. Юридическія записки, издав. П. Рѣдкинымъ II Москва 1842.
3) Дополненіе къ разсужденію Денпа о наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до царя Алексѣя Михайловича. Архивъ Калачева. 1861. Кн. 3.
- Карлгофъ: О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣверовосточный берегъ Чернаго моря. Русскій Вѣстникъ. 1860 № 60.
- Караджичъ Вукъ: Српски рѣчникъ. У Бечу. 1852.
- Карамзинъ: Исторія государства Россійскаго. Т. II. С.-Птб. 1842. (Изд. Эйнерлинга).
- Ковалевскій: Исторія полицейской администраціи въ англійскихъ графствахъ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Эдуарда III. Вып. I. Прага 1876.
- Комаровъ: Адаты и судопроизводство по нимъ. Матерьялы для статистики Дагестанской области. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ. Тифлисъ 1868.
- Куницынъ: Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. С.-Птб. 1841.
- Ланге: Исслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской Правды.
- Леонтовичъ: 1) Исторія русскаго права. Вып. I. Одесса 1869.
2) Древнее Хорвато-Далматское законодательство. Записки Императ. Новороссійскаго Университета 1868. Вып. 3 и 4.
3) Государственное устройство стараго Дубровника. Журналъ Министерства Народн. просвѣщенія. 1867. СXXXVI.
4) О значеніе верви по Русской Правдѣ и Полицкому статуту, сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ. Журн. Мин. Нар. Просвѣщ. 1867. СXXXIV.
- Лешковъ: Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в. Москва 1858.
- Литовскій статутъ 1588 г. Временникъ Императ. Моск. Общества Исторіи и древностей російскихъ. 1854, кн. 19.
- Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изданіе Археографич. Комиссіи С.-Птб. 1872.
- Люлье: Учрежденія и народныя обычаи Шапсуговъ и Натухацевъ. Записки Кавказскаго Отдѣл. Импер. русск. географич. Общества. Вып. I кн. VII. Тифлисъ 1866.

III

- Майковъ: Исторія сербскаго языка въ связи съ исторіею народа. Москва 1857.
- Мауреръ: Введеніе въ Исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Переводъ Корша. Москва 1880.
- Макушевъ: Историческія разысканія о славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка. Варшава 1871.
- Миллеръ: Опытъ обозрѣнія русской словесности. С.-Птб. 1866.
- Михайловъ: Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г. С.-Птб. 1848.
- Мрочекъ-Дроздовскій: 1) Изслѣдованія о Русской Правдѣ, Вып. II. Москва 1885.
2) Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Приложенія ко второму выпуску. Москва 1886.
- Мэнъ: Древній законъ и обычай. Переводъ съ англ. Москва 1884.
- О чрезвычайныхъ мѣрахъ для возстановленія въ Елисаветпольской губерніи общественнаго порядка и безопасности. Дѣло Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ, № 215. Суд. Отд. I ст. 18 Окт. 1883. (Обязательно сообщено въ Канцеляріи Главноначальствующаго въ 1884 г.).
- Палацкій: Сравненіе законовъ Стефана Душана сербскаго съ древнѣйшими постановленіями чеховъ. Чтенія въ Императорск. Обществѣ Исторіи и древностей російскихъ. 1846, № 2.
- Пахманъ: О судебныхъ доказательствахъ по древне-русскому праву. Москва 1851.
- Погодинъ: Древняя русская исторія до монгольскаго ига. Т. I и II. Москва 1872.
- Пфафъ: Народное право осетинъ. Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ. Т. I. Тифлисъ 1871.
- Пыпинъ и Спасовичъ: Исторія славянскихъ литературъ. Изд. 2-е. Т. II. СПб. 1881.
- Сергѣевичъ: Лекціи и изслѣдованія по Исторіи русскаго права. СПб. 1883.
- Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ. Изд. Румянцева. Т. I. 1813.
- Соловьевъ: 1) Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Изд. 5-е. Москва 1874.
2) О значеніи слова „черный“ въ древнемъ русскомъ языкѣ. Сборникъ историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи. Т. I. Москва 1845.
- Татищевъ: Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Т. I. Москва 1768.

IV

- Фентонъ Джонъ: Древнѣйшая жизнь евреевъ. Перев. съ англ. Москва 1884.
- Чичеринъ: Областные учрежденія Россіи въ XVII в. Москва. 1856.
- Шилевскій: 1) Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ. Казань 1866.
2) Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ. Казань. 1869.
- Эверсъ: Древнѣйшее русское право въ историческомъ его раскрытіи. Переводъ Платонова. СПб. 1835.
- Юридическое обозрѣніе. Тифлисъ. 1881. № 29.
- Ягичъ: Законъ Винодольскій. Подлинный текстъ съ русскимъ переводомъ, критическими замѣчаніями и объясненіями. СПб. 1880.
-

- Behrend: Lex Salica. Berlin 1874.
- Bell: Journal d'une résidence en Circassie pendant les années 1837—1839. I—II. Paris 1841.
- Bobrzyński: O dawnym prawie polskim, jego nauce i umiejętnym badaniu. Warszawa 1874.
- Bogišić: 1) Pisani zakoni na slovenskom Jugu. U Zagrebu 1872.
2) Zbornik sadašnjih pravnih običaja u južnih Slovena. Gradja u odgovorima iz različnih krajeva slovenskoga Juga. U Zagrebu 1874.
3) Pravni običaji u slovena. Privatno pravo. U Zagrebu 1867.
- Chaumette des Faussés: Voyage en Bosnie dans les années 1807 et 1808. Morgenblatt für gebildete Stände. December 1825, 1, 2, 3, 5, 6.
- Codex diplomaticus Universitatis cracoviensis. I. Cracoviae 1870.
- Corpus juris civilis. Ed. fr. Kriegelli. Impressio septima decima Pars II (Codex) Lipsiae 1887.
- Emler: Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. II. Praeae 1882.
- Erben: Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae. Pars I. Praeae 1855.
- Feuerbach: De universali fidejussione, quam germanice Gesamtbürgschaft vocant. Norimbergae 1826.
- Gebauer: Ueuechtheit der Könighofer und Grüneberger Handschrift. Archiv für slav. Philologie, herausg. von Jagić. Zehnter Band, drittes und viertes Heft. 1887.
- Gregorius VII: Epistolae. См. Du Cange: Glossarium ad scriptores mediae et infimae latinitatis. 1710. T. II, pars I, 334.

Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer Göttingen 1828.

Hahn: Albanesische Studien. Wien 1853.

Haxthausen: Transkaukasien. Andeutungen über das Familien- und Gemeindeleben und die socialen Verhältnisse einiger Völker zwischen dem Schwarzen und Kaspischen Meere II. Leipzig 1856.

Helcel: Starodawne prawa polskiego pomniki. T. I, Warszawa 1856; T. II, Krakow 1870.

Hube. 1) Prawo polskie w wieku XIII. Warszawa 1875.

2) Prawo polskie w XIV wieku. Ustawodawstwo Kazimierza Wielkiego. Warszawa 1881.

3) Wroźda, wroźba i pokora. Warszawa 1884.

Jireček Hermenegild; 1) Slovanské právo v Čechách a na Moravě T. I—II. V Praze 1863, 1864.

2) Codex juris bohemicus. T. I. Pragae. 1867.

3) Svod zákonů slovanských, V Praze 1880.

4) Die Echtheit der Königinhofer Handschrift kritisch nachgewiesen. Prag 1862.

Jolly: Naradiva Dharmasastra or the institutes of Narada. London 1876.

Jolo manuscripts. A selection of ancient welsh manuscripts in prose and verse, from the collection made by the Ed. Williams, Jolo Morganwg. With english translations and notes by his son. 1848.

Kodeks dyplomatyczny Katedry Krakowskiej św. Wacława. Krakow 1874.

Lelewel: Polska wieków średnich T. III. Poznań 1859.

Maciejowski: 1) Historia prawodawstw słowiańskich. T. I—VI Warszawa 1856.

2) Pierwotne dzieje Polski i Litwy. Warszawa 1846.

3) Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie słowian. I—II. W Petersburgu i Lipsku 1839.

Maurer: 1) Geschichte der Markenverfassung in Deutschland. Erlangen 1856.

2) Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland. T. II. 1865.

3) Ueber die Freipflege (plegium liberale) und die Entstehung der grossen und kleinen Jury in England. München 1848.

Maine: 1) Ancient law. London 1861.

2) Early history of institutions. 1875.

3) Village communities in the East and West. 1872.

VI

- Mesić: Poljički štatut. Arkiv za povjestnicu jugoslovansku. Kn. V. 1859.
- Miklosich: 1) Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien 1886.
2) Monumenta serbica. Viennae 1858.
3) Die Blutrache bei den Slaven. Wien 1887.
- Müller Max: The sacred books of the East. vol. II und. VII. Oxford 1879, 1880.
- Neumann: Russland und die Tscherkessen. Stuttgart und Tübingen. 1840.
- Owen Aneurin: Ancient laws and institutes of Wales, comprising laws supposed to be enacted by Howel the Good (907—948), modified by subsequent regulations under the native prince prior to the conquest by Edward the first. With an english translation of the welsh text. 1841.
- Palacky: 1) Dějiny národu českého. I. v Praze 1862.
2) Archiv český. T. I. 1840; T. V, 1862. v, Praze.
- Palgrave: The rise and progress of the english commonwealth. T. I—II London 1832.
- Pallas: Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkerschaften. Erster Theil. St. Petersburg, gedruckt bei der Kayserlichen Akademie der Wissenschaften. 1776.
- Papinius Statius: Libri quinque sylvarum. Volum. primum. Parisiis 1825.
- Pertz: Monumenta Germaniae historica. T. III—IV.
- Post: 1) Der Ursprung des Rechts. Oldenburg 1876.
2) Bausteine für eine allgemeine Rechtswissenschaft auf vergleichend ethnologischer Basis. Oldenburg 1880.
- Poullet: Histoire du droit pénal dans le duché de Brabant. Mémoire faisant suite au mémoire traitant du droit pénal brabançon depuis ses origines jusqu'au XVI Siècle. Louvain 1869.
- Rakowiecki: Prawda Ruska. T. 1—2. Warszawa 1820—1822.
- Raczyński: Codex diplomaticus Majoris Poloniae. Posnaniae 1840.
- Reutz: Verfassung und Rechts—Zustand der dalmatinischen Küsten—Städte und Jnseln im Mittel—Alter. Dorpat 1841.
- Roepell: Geschichte Polens. Hamburg 1840.
- Rzyszczewski i Muczkowski: Codex diplomaticus Poloniae T. I. Varsoviae. 1847.
- Schaeffner: Geschichte der Rechtsverfassung Frankreichs bis auf Hugo Capet. I. Frankfurt 1845.
- Spěvēc: См. его критику на сочинение Губе (Wroźba, wroźda i pokora), помещенную въ хорватскомъ журналѣ: Мје-сеѣник правниѣкога дру̀тва. У Загребу. Маѣ 1885.

VII

- Stenzel: Urkundensammlung zur Geschichte der Städte. Hamburg. 1832.
- Stenzler: Jājnavalkya's Gesetzbuch, sanskrit und deutsch herausgegeben. Berlin 1849.
- Šembera: Soud Libušin domnělá památka řeči české jest podvržen, tež zlomek Evangelium sv. Jana. Běha 1879.
- Thorpe: Ancient laws and institutes of England. 1840.
- Vášek: Filologický dukaz že Rukopis Kralodvorský a Zelenohorský, tež zlomek Evangelia sv. Jana jsou podvržena díla Václava Hauky. V Brně 1879.
- Waitz: 1) Deutsche Verfassungsgeschichte. I. Dritte Auflage. Kiel. 1880.
2) Das alte Recht der Salischen Franken. Kiel. 1846.
- Walter: Das alte Wales. Ein Beitrag zur Völker — Rechts — und Kirchengeschichte. Bonn 1859.
- Wilda: Das Strafrecht der Germanen — Halle 1842.
-

Замѣченныя опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Стр.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
2	32	Миклосичъ	Миклошичъ
4	24	исторiи	Исторiи
4	30	prinesechu, otci	prinesechu otci
9	16	(182—186).	(713—714).
15	16	služabniki	služabniki
17	17	učinio	učinio
22	4	gašuć	gašun
22	27	požni	požni
29	24	сѣмейныя власти	Семейныя власти
31	25	характеръ	Характеръ
43	17	находится	находиться
44	33	dogovorili se	dogovorili se
45	13	Общины	общины
74	15	наименованiя,	наименованiя:
102	24	Codet	Codex
118	14	академическаго списка	Академическаго списка
136	26	Beligionspflicht	Beligionspflicht
150	39	edocuii	edocuit.

КЪ ВОПРОСУ О КРУГОВОЙ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

По поводу книги Собѣстіанскаго: *„Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ и въ законодательствѣ“*. Прага. 1886.

Читая книгу, заглавіе которой нами выписано, мы между прочимъ замѣтили въ ней пробѣлы въ отношеніи пользованія источниками и нѣкоторые изъ этихъ пробѣловъ намѣрены указать здѣсь.

Такъ, значительно, по нашему мнѣнію, неполнотою отличаются данныя древне-русскаго права, изъ источниковъ котораго авторъ пользуется только Русскою Правдою, Московскими губными грамотами XV вѣка и Литовскимъ Статутомъ. На договорныя грамоты русскихъ съ нѣмцами XII—XIII в. мы не находимъ указаній въ книгѣ; но они заключаютъ въ себѣ интересныя свѣдѣнія объ занимающемъ насъ институтѣ въ древней Руси.

Древнѣйшій договоръ русскихъ съ нѣмцами—грамота новгородскаго князя Ярославъ Владиміровича и новгородцевъ до 1199 года (Русско-Ливонскіе Акты, собр. Нанпрскимъ, № 1). Въ ней мы читаемъ условія («правду») такого рода: «если убьютъ новгородскаго посла за моремъ или нѣмецкаго въ Новгородѣ—платить 20 гривенъ серебра за голову; если убьютъ новгородскаго купца (за моремъ) или нѣмецкаго въ Новгородѣ,—платить 10 гривенъ за голову; если свяжутъ мужа безъ вины,—платить за соромъ 12 гривенъ старыхъ кунъ; если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ,—платить за рану 7 кунъ», и т. д. Грамота не говоритъ ничего о круговой отвѣтственности нѣмцевъ передъ Новгородомъ и Новгорода передъ нѣмцами, но можно видѣть намекъ на возможность ея въ какомъ либо случаѣ въ словахъ: «если дѣло начнется въ другой землѣ, въ русскихъ городахъ, оно Новгорода не касается».—Точно также не находится прямыхъ

№ 9. 362. № 362.

указаній на круговую отвѣтственность русскихъ и нѣмцевъ другъ передъ другомъ и въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригю и Готскимъ берегомъ 1229 года (Русско-Лив. Акты, прилож. № 1). Она говоритъ о вирахъ за убійство, за поврежденіе членовъ, за разнаго рода оскорбленія, но нигдѣ не упоминаетъ о томъ, кто долженъ платить эти виры, виновные ли, если они на лицо, или въ случаѣ неизвѣстности и отсутствія виновныхъ, — община, къ которой они принадлежатъ. Вполнѣ ясное указаніе на круговую отвѣтственность мы видимъ въ договорной грамотѣ неизвѣстнаго по имени смоленскаго князя съ нѣмцами 1230 года (Русско-Лив. Акты, прилож. № 2). Здѣсь мы читаемъ: «если убьютъ свободного мужа, — выдать преступниковъ, сколько бы ихъ ни было; если не будетъ преступниковъ, — дать за голову 10 гривенъ серебра; если убьютъ посла или попа, дать за голову вдвое, когда не будетъ преступниковъ; когда будутъ на лицо эти послѣдніе, — выдать ихъ».

Слова этой грамоты о выдачѣ виновныхъ въ уголовномъ преступленіи, если они на лицо, и о платежѣ виры за «голову», если ихъ нѣтъ, показываютъ, что упомянутыя нами ранѣе грамоты, пазначая виру за убійство, имѣли въ виду именно отсутствіе виновныхъ; выдача этихъ послѣднихъ въ случаѣ наличности ихъ, повидимому, разумѣлась сама собою. Убійства чужестранныхъ купцовъ и иногда ихъ поголовныя избіенія, «рубѣжи», были нерѣдкою въ древнюю эпоху какъ на Руси, такъ и у нѣмцевъ. Въ виду этого условіе относительно платежа виры не оставалось мертвою буквою договорныхъ грамотъ и нерѣдко выполнялось сторонами. На это указываетъ договорная грамота Александра Невскаго и новгородцевъ съ нѣмцами 1262—63 г., въ которой новгородцы говорятъ: «по Ратшину дѣлу мы уплатили 20 гривенъ серебра за двѣ головы, а третью выдали». Изъ нея видно, что въ Новгородѣ было убито трое нѣмцевъ, причемъ былъ замѣшанъ въ дѣло какой-то Ратша; что убійцы двохъ изъ нихъ не были открыты, и потому Новгородъ заплатилъ за убитыхъ виру; что убійца третьяго нѣмца оказался на лицо и былъ выданъ головою. Платежъ виры за убитыхъ нѣмцевъ лежалъ на обязанности того русскаго города, гдѣ было совершено убійство, и круговую отвѣтственность за него несли всѣ жители этого города; при этомъ Новгородъ, Смоленскъ и другіе русскіе города играли роль верви Русской Правды. Точно такую же отвѣтственность несли и нѣмцы Риги, Готскаго берега и германской Ганзы. Какъ объяснить этотъ фактъ? На что онъ указываетъ, на то ли, что русскій юридическій институтъ былъ принятъ нѣмцами, или на то, что у нихъ

издавна, независимо отъ вліянія русскихъ, существовала круговая отвѣтственность общины за убійство, подобная русской?

Кромѣ неполноты данныхъ, г. Собѣстіанскій оставляетъ неразъясненными нѣкоторыя статьи и выраженія Русской Правды, имѣющія то или другое отношеніе къ круговой отвѣтственности. Одна статья Русской Правды представляется нашимъ ученымъ особенно трудною для пониманія. Она находится въ древнѣйшемъ Синодальномъ спискѣ Правды XIII вѣка и въ другихъ спискахъ той же редакціи, и читается такимъ образомъ: «Которая ли вервь начнетъ платити дикую виру, колико лѣтъ заплатитъ ту виру, зане же безъ головниа имъ платити. Будетъ ли головникъ ихъ въ верви, то зане къ нимъ прикладывать, того же дѣла имъ помогати головнику, любо си дикую виру. Но сплатити имъ въ обчи 40 гривенъ, а головничество—а то самому головнику. А въ 40 гривенъ ему заплатити изъ дружны свою часть». Г. Собѣстіанскій приводитъ переводы этой статьи, сдѣланные Погодинымъ, Кавелинымъ, Ланге, М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ и дающіе болѣе или менѣе различный смыслъ. По нашему мнѣнію, всѣ приведенные имъ переводы неточны; вотъ нашъ переводъ: «Если которая-нибудь вервь начнетъ платить дикую виру, (все равно), во сколько бы лѣтъ они (члены верви) ни уплатили эту виру, (только имъ должно платить ее), такъ какъ, при отсутствіи преступника, на нихъ лежитъ обязанность ее платить.—Если преступникъ будетъ въ верви, (въ случаѣ), если онъ участвуетъ (въ платежѣ вервью виру), вслѣдствіе этого (послѣдняго обстоятельства, должно) имъ или помогать преступнику, или (при нежеланіи помогать) взять на себя дикую виру (т. е. внести всю сумму безъ участія въ ней преступника, какъ бы при его отсутствіи, въ видѣ не простой, а дикой виры). Но уплатить имъ (должно) всѣмъ вмѣстѣ (членамъ верви и преступнику) 40 гривенъ, а вознагражденіе родныхъ убитаго—дѣло самого преступника. А для составленія 40 гривенъ (должно) ему внести, какъ (одному) изъ товарищества (какъ члену товарищества), (только) свою часть». Нашъ переводъ устраняетъ необходимость допущенія двухъ видовъ дикой виры, указываемую Ланге; онъ отличаетъ дикую виру, платимую вервью, отъ помощи верви преступнику въ платежѣ простой виры, и, вообще, кажется, даетъ вполне удовлетворительный смыслъ статьѣ.

По нашему мнѣнію, нельзя согласиться съ тѣми объясненіями выражений Русской Правды «въ разбой», «въ разбой» и «въ обиду», которыя даны разными учеными и которыя приведены г. Собѣстіанскимъ. Они находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ Правды: 1) «Аже кто

убіить княжа мужа *въ разбои*, а головника не ищуть, то вирьную платити, въ чьей же верви голова лежить»; 2) «Будеть ли сталъ *из разбой* безъ всякое свады, то за *разбойника* людье не платять, но выдать и всего, съ женою и съ дѣтьми на потокъ»¹⁾; 3) «Аще убьютъ огнищанина *въ обиду*, то платити зань»... Подъ словомъ *разбой* одни разумѣютъ умышленное, другіе неумышленное убійство; одни отождествляютъ понятія «въ разбоѣ» и «въ обиду», другіе ихъ различаютъ. Между тѣмъ два значенія слова *разбой* вполне ясны и не допускаютъ споровъ. Въ грамотѣ рязанѣ къ витебскому князю Михаилу около 1300 года (Русско-Лив. Акты) мы читаемъ: «Какъ то съдѣла дружина у пиру піюче, другъ друга заразилъ до смерти; и какъ то тый бой удѣлся, тогды онъ, убоявся живота, утекъ къ тобѣ, княже; нѣмцы же, увѣдавши, аже къ тебѣ утекъ *разбойника*, молилися тебѣ: выдай намъ *разбойника*... Миръ докончанъ межи земле: аже другъ друга убіетъ до смерти, а имуть того чловека, кто *разбой* учинилъ, тому дати вина по его дѣлу». Это мѣсто показываетъ, что одно значеніе слова *разбой* въ древне-русскомъ языкѣ было: бой, драка, и что убійство «въ разбоѣ» могло быть неумышленнымъ, случайнымъ убійствомъ. Другіе памятники древне-русского языка употребляютъ слова *разбой*, *разбойникъ* въ другомъ значеніи, тождественномъ съ современнымъ. Такова, наиримѣръ, грамота Новгородцевъ къ нѣмцамъ 1373 года, гдѣ есть слѣдующее мѣсто: «взяли у насъ товаръ подъ Невою *разбойники*». Приведенныя данныя показываютъ, что первая изъ выше выписанныхъ статей Правды говоритъ о разбоѣ-дракѣ и имѣетъ въ виду неумышленное убійство, котораго члены верви легко могли не допустить, прекративъ драку; она налагаетъ виру на вервь за бездѣйствіе ея членовъ во время драки. Изъ нихъ также видно, что во второй статьѣ Правда имѣетъ въ виду разбойниковъ—грабителей, дѣлающихъ нападенія безъ ссоры и вообще безъ «вины», безъ причины, вмѣ наблюденія членовъ верви, съ цѣлю грабежа. Естественно, этотъ *разбой* велъ за собою со стороны верви инаго рода отвѣтственность и дѣлалъ обязательнымъ наказаніе преступника въ лицѣ его самого и его близкихъ. Третья статья Правды заключаетъ въ себѣ выраженіе «въ обиду». Значеніе слова *обида* здѣсь, конечно, то же, что и въ другихъ памятникахъ древне-русского языка, то же, что и въ современномъ языкѣ; но что значить

¹⁾ Авторъ приводитъ эту и нѣкоторыя другія статьи Русской Правды по позднимъ и неисправнымъ спискамъ; мы вездѣ, гдѣ можно, кладемъ въ основаніе древній и исправный Синодальный списокъ, недавно вновь изданный г. Мрочекъ-Дроздовскимъ въ его «Исслѣдованіяхъ о Русской Правдѣ», вып. II.

предлогъ *за*? Онъ, съ винительномъ падежемъ, нерѣдко употреблялся и употребляется для означенія цѣли, но здѣсь онъ, быть можетъ, употребленъ для означенія слѣдствія, вѣсто *за*, и выраженіе «въ обиду» значить: за обиду, вслѣдствіе обиды. Такимъ образомъ въ третьей статьѣ Правды можно видѣть указаніе на вызванное обидой убійство, которому члены верви не ниѣли возможности помѣшать и за которое, вслѣдствіе этого, они не были отвѣтственны. Во всякомъ случаѣ не представляется возможности понимать «въ обиду» въ обидѣ, во время обиды, ссоры, и приравнивать это выраженіе къ выраженію «въ разбоѣ».

А. Соболевскій.